ISSN 2308-8117

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2 (21) 2018

Выходит 4 раза в год

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»

(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.

E-mail: ektbriogu@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре). Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова (заместитель главного редактора) д-р юрид. наук, профессор С. И. Архипов канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова канд. техн. наук, доцент А. А. Мецгер д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек д-р юрид. наук, профессор 3. А. Незнамова канд. социол. наук С. А. Рамзина канд. пед. наук Л. В. Росновская д-р юрид. наук А. П. Семитко д-р юрид. наук, проф. М. Н. Семякин д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев проф. Ив Аман (Франция) канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва) д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский Э. Киселева–Кастельс, Рh. D (Испания) проф. Ма Цзяньшэ (Гуаньчжоу, КНР) д-р экон. наук В. И. Маршев (Москва) д-р политологии Ж.-Р. Равьо (Франция) д-р юрид. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва) д-р юрид. наук, проф. С. А. Степанов д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

SCIENTIFIC JOURNAL

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

2 (21) 2018

Frequency: 4 times a year

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Publisher: Liberal Arts University - University for Humanities

(Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg, 3, Zheleznodorozhnikov st., office 207 E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova (Deputy Editor-in-Chief)

Doctor of Law S. I. Arkhipov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva

Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt

Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova

Candidate of Engineering, Associate Prof. A. A. Metzger

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek

Doctor of Law Sciences Z. A. Neznamova

Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina

Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya

Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko

Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. N. V. Khmelkova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

V. V. Alekseev

Prof. Ives Hamant (France)

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy

E. Kiseleva-Castells, Ph. D (Spain)

Prof. Ma Jianshe (Guangzhou, China)

Doctor of Economics V. I. Marshev (Moscow)

Doctor of Political Science J.-R. Ravier (France)

Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

V. N. Rudenko

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)

Doctor of Law, Prof. S. A. Stepanov

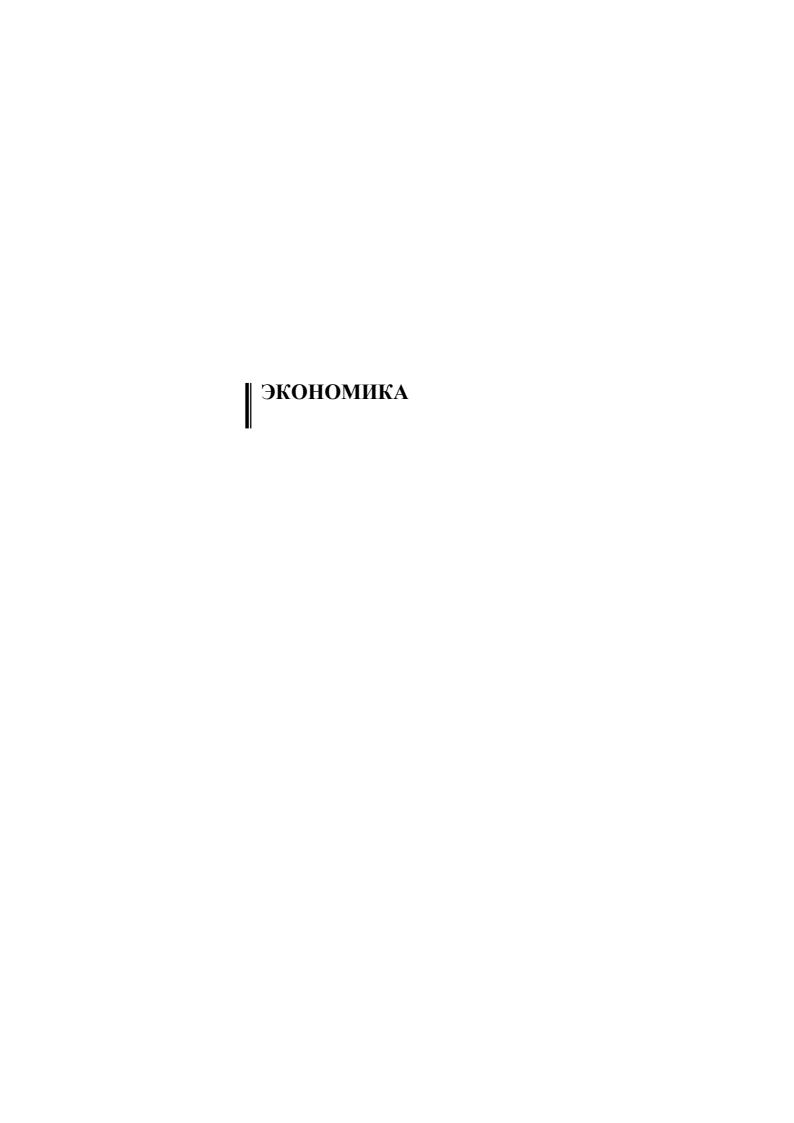
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Содержание

Экономика	5
Мецгер А. А.	
Характер агентской проблемы	(
при инвестировании средств рядовых неквалифицированных инвесторов	
Кушнарева А. А., Перевозчиков К. И.	20
Сегментирование российских потребителей банковских кобрендинговых карт \dots Π ыкова E . A .	20
Страховой рынок Российской Федерации: тенденции и перспективы	27
Паньков В. А., Мокеева Н. Н.	
Влияние экономических кризисов на банковский сектор Российской Федерации .	33
Пиксайкина В. Д.	
Международный опыт экономического финансирования жилищного строительст	ъа
и пути его применения в России	41
Юриспруденция	49
Tponep M.	
Реализм и судья Конституционного суда	50
Денисов С. А.	
Механизм обеспечения прав человека	
в административном государстве и его дефекты	63
Бурков А. Л.	7.1
В борьбе за право обнять мужа, отца, сына	/1
Султанов А. Р. Как дело о государственной регистрации превратилось в дело о защите свободь	LOODOTH
(Постановление ЕСПЧ от 01.10.2009 по делу Кимля и другие против России)	
(постановление вент гот от 10.200) по делу кимли и другие против госсии) Глушкова С. И.	
Развитие правового просвещения и образования в области прав человека:	
международные стандарты и региональный опыт	
(на примере Свердловской области)	87
Философия	95
Дроздова А. В.	06
Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры	90
Типизация и стереотипизация как сущностные черты человека повседневности	105
Суворов Д. В.	105
Роль новой российской духовной и художественной культуры	
в осмыслении и корректировании процесса модернизации	114
Антонова И. А.	
Ценность ручного труда в современном мире	125
Научные события	131
Кушнарева А. А.	
Дни науки в Гуманитарном университете	132
Требования к оформлению и порядку представления статей	
в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	137

Contents

Economics	5
Metzger A. A.	
The Nature of the Agency Problem of Investment of Funds	
of Ordinary Unqualified Investors	6
Kushnareva A. A., Perevozchikov K. I.	20
Segmentation of Russian Consumers of Co-Branding Bank Cards	20
Insurance Market of the Russian Federation: Trend and Prospects	27
Pan'kov V. A., Mokeyeva N. N.	27
Impact of Economic Crises on the Banking Sector of the Russian Federation	33
Piksaikina V. D.	
International Experience of Economic Financing of Housing Engineering	
and its Application in Russia	41
Law	49
Troper M.	
Realism and Judge of Constitutional Court.	50
Denisov S. A. Machanisma to Engure Human Dights in Administrative States	
Mechanisms to Ensure Human Rights in Administrative States and their Defects	63
Burkov A. L.	03
In the Struggle for the Right to Hug Husband, Father, Son	71
Sultanov A. R.	
As case of the state registration has turned into case of protection	
of freedom of conscience (European Court of Human Rights,	
Kimlya and Others v. Russia (Appl. No. 76836/01, 32782/03)	
judgment of 1 October 2009)	80
Glushkova S. I.	
Development of Education in the Law and Human Rights: International Standards and Regional Experience (the example of the Sverdlovsk region)	97
international Standards and Regional Experience (the example of the Sverdiovsk region).	07
DI U	0.5
Philosophy	95
Conceptualization of Everydayness in the Epoch of Digital Culture	96
Kalistratova E. A.	
Typification and Stereotyping as the Substantive Features of Everyday Man	105
Suvorov D. V.	
The Role of New Russian Spiritual and Artistic Culture	
in Understanding and Correcting the Process of Modernization	114
Antonova I. A.	105
The Value of Handmade Work in the Modern World	125
	.
Scientific Events	131
Kushnareva A. A. Science Days in Liberal Arts University (May, 22–23, 2018)	122
Science Days III Liuciai Aits University (iviay, 22–23, 2018)	132
	125
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	137

УДК 330.322 **А. А. Меңгер***

JEL: G11, G23, G34

Характер агентской проблемы при инвестировании средств рядовых неквалифицированных инвесторов

Достойное обеспечение в старости является одной из ключевых проблем любой национальной экономики. В настоящее время наблюдается кризис не только государственной системы пенсионного обеспечения, но и альтернативных рыночных моделей пенсионных накоплений. Особенно остро данная проблема стоит в России, для которой характерна не только стагнация института классических государственных пенсий, но также слабое развитие рыночных институтов пенсионных накоплений. Тем не менее ориентация граждан на формирование собственных пенсионных программ представляется неизбежной уже сейчас с точки зрения государства, а со временем будет осознаваться все большей частью населения. В этой связи все большую актуальность приобретает создание современной институциональной среды инвестирования средств рядовых неквалифицированных инвесторов. Ключевыми участниками формирования данной среды становятся государство и профессиональное сообщество (доверительные управляющие, управляющие компании фондов, информационные и рейтинговые агентства, профессиональные медиа и т. д.). Учитывая специфику рядовых инвесторов, в большинстве стран государство вводит соответствующую категорию «неквалифицированные инвесторы», для которых возможности инвестирования ограничены лишь высоколиквидными рынками (например, биржевые рынки). Как показывают многолетние исследования, наиболее оправданной стратегией на данных рынках (с высокой информационной эффективностью) является пассивное инвестирование с максимально широкой диверсификацией (индексное инвестирование). Однако данная стратегия не отвечает интересам большинства участников инвестиционной индустрии - в настоящее время доминирует т. н. активный подход к управлению активами на основе различных методов инвестиционного анализа. Это позволяет максимизировать доход профессиональных участников рынка, но совсем не обязательно максимизирует доход инвесторов. Указанный конфликт интересов в настоящее время слабо осознается большинством рядовых инвесторов, но именно он составляет основу агентской проблемы при инвестировании на высокоэффективных рынках. Выявление данной проблемы позволяет определить основные направления ее преодоления или минимизации. Ключевые слова: инвесторы; неквалифицированные инвесторы; квалифицированные инвесторы; эффективный рынок; бенч-марк; активное управление; пассивное управление; фундаментальный анализ; технический анализ; инвестиционный фонд; управляющие активами; управляющая компания; эффективность рынка; индексное инвестирование; индексный фонд; Exchange Traded Fund (ETF); менеджеры; агентская проблема; оппортунизм менеджеров.

Введение. Обеспечение достойного материального обеспечения населения в старости относится к числу важнейших социально-политических проблем и задач любой национальной экономики. Диапазон вариантов решения данной проблемы широк, но с точки зрения глобальных экономических отношений представляет собой комбинацию возможных ответов на два принципиальных вопроса: 1) кто несет основную ответственность за достойную старость – государство или сами домохозяйства? и 2) каков основной механизм финансирования – за счет накоплений (накопительная модель) или за счет солидарной ответственности поколений (распределительная модель)? Предложенная схематизация несколько отлича-

^{*}Александр Альбертович Мецгер, канд. техн. наук, доцент, генеральный директор ЗАО «Управляющая компания» (г. Екатеринбург).

ется от традиционного подхода, когда понятие «достойная старость» автоматически трансформируется в понятие «достойная пенсия», воспринимаемая в массовом сознании (во всяком случае, в нашей стране) как выплаты государством по достижении пенсионного возраста. Единственным спорным моментом является лишь сам механизм государственного финансирования — за счет солидарной ответственности поколений или за счет накоплений через систему государственного пенсионного обеспечения.

В то же время прекрасно известны альтернативные формы материального обеспечения в старости, при которых участие государства минимально или даже полностью отсутствует. Другими словами, основная тяжесть решения данной проблемы смещена в сторону самого домохозяйства. Однако и в данном случае мы имеем дело с теми же двумя механизмами – солидарной ответственностью поколений или формированием индивидуальных накоплений каждым поколением домохозяйства.

Естественным образом, первым исторически известным вариантом была солидарная ответственность в семье, предполагающая наличие социальной поддержки двух и более поколений. Несмотря на кажущуюся патриархальность данного варианта, он при определенных социальных условиях являлся и является вполне устойчивым. До самого недавнего времени устойчивость подобной модели демонстрировала такая гигантская социально-экономическая общность, как Китай. Разумеется, надо признать, что в настоящее время эта устойчивость во много поколеблена процессами урбанизации и не в последнюю очередь проводимой долгие годы политикой «одна семья — один ребенок».

Другим примером, когда государство в значительной мере устраняется от непосредственного формирования пенсионных выплат своим гражданам, является США. Однако в данном случае мы имеем дело не с солидарным (распределительным), а, напротив, с накопительным механизмом, когда каждое поколение домохозяйства формирует достаточный объем активов, обеспечивающих достойный уровень потребления в старости.

Дискуссии о преимуществах той или иной модели финансирования в старости, по-видимому, будут продолжаться, но они ни в коем случае не приведут к окончательному и единому варианту. Можно лишь высказать самые общие предположения. Во-первых, наиболее устойчивыми будут модели, в которых ответственность в той или иной пропорции будет распределена между государством и самими домохозяйствами. Во-вторых, сокращение доли участия государства неизбежно должно компенсироваться механизмами увеличения ответственности самих домохозяйств. И наконец, третье — сокращение доли участия государства и одновременный перевод этого участия в режим распределительной (солидарной) модели будет подталкивать домохозяйства к формированию накопительной модели финансирования. Именно этот процесс в значительной мере оформляется в настоящее время в России, и можно лишь ожидать его дальнейшей активизации.

Реализация домохозяйствами накопительной модели финансирования неизбежно будет выводить на первый план системные проблемы инвестирования средств рядовых неквалифицированных инвесторов. При этом данные проблемы не сводятся к таким традиционным вопросам, как мотивация граждан к вопросам инвестирования, защита их от недобросовестности профессиональных участников и расширение круга финансовых инструментов и финансовых услуг. Более того, даже эти традиционные вопросы получают новое осмысление и звучание.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть проблематику инвестирования средств рядовых домохозяйств с точки зрения инструментов корпора-

тивного управления, в том числе с позиции одного из ключевых элементов данного управления — агентской проблемы и механизмов ее разрешения. В классическом корпоративном управлении данная проблема рассматривается в контексте взаимоотношений собственников (принципалов) и менеджеров (агентов) компании. Информационная асимметрия указанных субъектов, определенные различия в понимании или осознании ими своих интересов — всё это создает основу для проявления т. н. оппортунизма менеджеров — отказа или уклонения от достижения актуальных для принципалов целей. При отсутствии механизмов разрешения агентской проблемы оппортунизм менеджеров выходит из-под контроля, что ставит под угрозу на микроуровне существование отдельной корпорации, а на макроуровне дееспособность самого механизма трансформации сбережений в инвестиции.

Одним из наиболее значимых механизмов корпоративного управления в любой модели является регулирование и контроль указанных процессов со стороны **государства**. Именно государство на законодательном уровне и через систему иных нормативных актов в разумных пределах ограничивает свободу действий менеджеров, вводит систему контроля их деятельности и ответственности за соответствующие нарушения.

Отталкиваясь от данной схемы, можно рассматривать рядовых инвесторов как принципалов, по отношению к которым агентами выступают субъекты финансовой индустрии (управляющие активами, менеджеры фондов, инвестиционные консультанты и т. д.). Государство, в свою очередь, обеспечивает защиту интересов класса подобных инвесторов, выделяя их в особую группу - «неквалифицированные инвесторы». Главной целью такой дифференциации становится ограничение рынка доступных объектов и инструментов инвестирования. Учитывая специфику неквалифицированных инвесторов, в число подобных инструментов входят лишь те, которые характеризуются минимальным уровнем риска и максимальным уровнем ликвидности. Так, на российском рынке коллективных инвестиций неквалифицированным инвесторам доступны лишь два типа фондов: фонды рыночных финансовых инструментов и фонды недвижимости [6; 7; 11]. Причем строго ограничен перечень объектов инвестирования активов, допускаемых в состав активов указанных фондов. Например, для фондов финансовых инструментов подобными активами могут быть лишь ценные бумаги, допущенные к организованным торгам на биржах.

Признавая абсолютную правильность подобного рода ограничений для неквалифицированных инвесторов, нельзя не отметить, что они сужают поле рыночных возможностей исключительно до рынков с высокой степенью информационной эффективности (например, классический биржевой рынок). Проще говоря, государство определяет «место», доступное для инвестирования средств неквалифицированных инвесторов («эффективный рынок»), но не ограничивает варианты способов и подходов к осуществлению данного инвестирования. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, формирует одну из пока еще слабо осознаваемых, но базовых проблем во взаимоотношениях между собственно инвесторами и индустрией финансового рынка.

В настоящее время существует два основных, в значительной мере антагонистических, варианта стратегии действий на инвестиционных рынках:

- активная стратегия осознанный, рациональный выбор ограниченного числа активов из некоего рыночного множества и осуществление операций с данными активами, обеспечивающими прирост стоимости портфеля активов выше среднерыночного;
- пассивная стратегия формирование портфеля активов из полного рыночного множества и в соответствии с его структурой и осуществление операций

с данными активами лишь в случае изменения модельной структуры рыночного множества.

Отметим, что противоречия данных стратегий имеют не экзистенциальный, а диалектичный характер и, по мнению автора, вполне разрешаются, но не в прямом противопоставлении, а с учетом характера рынка. В качестве ключевой характеристики рынка и выступает степень его информационной эффективности. Так, например, активная стратегия инвестирования вполне и уверенно превосходит свою «пассивную» альтернативу на слабоэффективных рынках (компании малой капитализации, венчурные и инновационные рынки и т. д.). Но на эффективных рынках именно пассивная стратегия обеспечивает наиболее полное достижение целей и задач инвесторов [8]. Однако, к сожалению, именно активная стратегия по-прежнему доминирует на указанных рынках, энергично продвигается финансовой индустрией. Именно в этом, по мнению автора, проявляется особенность «агентской проблемы» во взаимоотношениях неквалифицированных инвесторов и индустрией финансовых посредников. Попытке выявления данной проблемы, а в конечном счете, и оценке возможных направлений по ее преодолению и посвящен дальнейший материал данной статьи. Еще раз подчеркнем, что в центре нашего анализа находится исключительно эффективный рынок и проблема именно неквалифицированных инвесторов!¹

Каждая из существовавших, существующих или ожидающих своего «открытия» стратегий активного инвестирования представляет собой реализацию одного из двух базовых походов к обоснованию инвестиционных решений: фундаментального или технического анализа.

Фундаментальный анализ основан на выявлении недооцененных активов (например, акций конкретных компаний) путем определения значимых с точки зрения данного анализа показателей или их сочетаний. К числу наиболее известных показателей относятся: «цена акции к прибыли на акцию» (price-earningsratio), «цена акции к балансовой стоимости акции» (price-book-ratio), «цена акции к выручке на акцию» (price-sales-ratio), «дивидендная доходность» (dividendyield), «рентабельность собственного капитала» (return one quity) и ряд других. Методологическое противоречие, содержащееся в фундаментальном анализе, можно выразить как одновременное отришание и признание эффективности финансовых рынков. Только отрицание эффективности рынка позволяет конкретному инвестору рассчитывать на выявление недооцененного актива, т. е. актива, цена которого не соответствует состоянию среднерыночного равновесия. Однако приобретение актива незамедлительно требует признания эффективности рынка множество остальных участников рынка (инвесторов) должны осознать наличие ценовой аномалии, а последующее повышение спроса на данный актив – вывести его цену на справедливый уровень. Разрешение данного противоречия возможно лишь путем признания за инвестором особой компетенции (например, информационного преимущества), что вновь входит в противоречие с информационной эффективностью рынка².

Бенджамин Грэхем (*Benjamin Graham*) — основатель современной школы фундаментального анализа — в одном из своих интервью, незадолго до смерти в 1975 году, говорил: «Я не являюсь сторонником сложных техник анализа ценных

¹ Как показано в работе [5], активный подход к инвестированию имеет существенные преимущества на неэффективных рынках, но эти преимущества формируется для квалифицированных инвесторов и во многом благодаря их компетенциям.

² В определенном смысле эта ситуация аналогична известному мысленному эксперименту, известному как «демон Максвелла». Данный эксперимент доказывает, что в замкнутых термодинамических системах снижение энтропии возможно лишь за счет включения в данную систему дополнительного внешнего источника энергии (информации), подпитывающего действия «демона».

бумаг для идентификации шансов получения прибыли. Возможно, это было оправданно 40 лет назад, когда впервые была опубликована моя книга [о фундаментальном анализе ценных бумаг³]. Однако обстоятельства изменились <...> Сегодня я сомневаюсь, может ли дополнительная доходность [от применения фундаментального анализа] оправдать затраты [на его проведение]. Сейчас я стою на стороне школы эффективности рынка»⁴.

Технический анализ на первый взгляд лишен противоречий, характерных для фундаментального анализа. Данный подход к принятию инвестиционных решений полностью исключает определение каких-либо финансово-экономических показателей конкретных компаний и их рыночных перспектив. Основное внимание в данном случае сосредоточено на определении дальнейшей динамики движения цен анализируемого актива на основе анализа изменения цен и/или объема торгов по данному активу в недавнем или относительно недавнем прошлом. Сторонники технического анализа не претендуют, как правило, на научную обоснованность используемых моделей. Лишь в некоторых случаях звучат намеки на отражение в данных моделях массового сознания «толпы» неискушенных инвесторов - не искушенных, в первую очередь, в практиках самого технического анализа. Овладение подобными практиками, напротив, переводит инвестора в разряд «посвященных», общающихся между собой на магическом языке «линий сопротивления и поддержки», «психологически важных отметках», сформировавшихся «фигурах» и т. д. Академическая наука достаточно давно поставила диагноз бесплодности технического анализа как основы получения устойчивой доходности. В качестве примера можно привести работу И. Фанга (Jiali Fang) и др. [19], в которой на историческом горизонте более ста лет и на крупнейшем рынке американских акций проведен анализ эффективности 93 технических индикаторов. Результат в очередной раз подтвердил отсутствие какого-либо положительного эффекта от применения методов технического анализа, которое нельзя было бы объяснить влиянием случайности.

Конечно, известны подходы, основанные на сочетании фундаментального и технического анализов. В наиболее упрощенном виде возможный вариант такого совмещения представляет как выбор: 1) объекта покупки на основе фундаментального анализа, а 2) момента покупки – на основе технического анализа. «Красивая» стилистика такого совмещения рассмотренных подходов не устраняет, а лишь усиливает их исходную ограниченность или даже недееспособность.

Разумеется, критика активного подхода на эффективных рынках не основана лишь на логических умозаключениях. Отрицательная доходность активных стратегий по отношению к доходности целевых рынков подтверждается многочисленными объективными исследованиями в самых различных разрезах: по классам активов, по странам, по различным временным отрезкам — инвестиционным горизонтам от пяти лет и более [1; 2; 3; 12; 13; 14; 16; 17; 22]. Кроме того, уже более пятнадцати лет агентство Standard&Poor's с полугодовой периодичностью приводит сравнение доходностей инвестиционных фондов различных категорий с доходностями соответствующих целевых рынков. Это позволяет на объективной основе определить долю фондов с активным управлением, которые «проигрывают» своим целевым бенч-маркам (табл. 1).

³ Б. Грэхем упоминает свою первую значимую работу, изданную в 1934 году соавторстве с Дэвидом Доддом (*David Dodd*) «Анализ ценных бумаг» (*Security Analysis*) [5]. Еще большее значение для развития фундаментального анализа получила опубликованная Б. Грэхемом в 1949 году книга «Разумный инвестор» (*The Intelligent Investor*) [4].

⁴ Цит. по: [21, с. 128–129].

Таблица 1 Доля инвестиционных фондов с активным управлением, которые показали доходность ниже средней доходности своего целевого рынка, $\%^5$

	Период с	Период сравнения			
Категория фондов	июль 2012 –	июль 2007 –			
(доминирующий класс активов)	июнь 2017	июнь 2017			
	(пять лет)	(десять лет)			
Европейские инвестиционные	е фонды				
Фонды акций компаний Еврозоны	85,8	89,2			
Фонды акций компаний Германии	72,5	78,6			
Фонды акций компаний США	96,9	98,2			
Фонды акций компаний развивающихся стран	90,9	96,7			
Инвестиционные фонды С	США				
Фонды государственных облигаций США	100	95,4			
Фонды облигаций компаний США с высокой	91,0	97,5			
доходностью (Junk-Bonds – «мусорные облигации»)	91,0	91,3			
Фонды государственных облигаций развивающихся	90,2	76,5			
стран	90,2	70,3			
Фонды недвижимости	85,2	82,0			
Фонды акций компаний США малой капитализации	93,8	94,1			
(Small-Cap)	93,0	<i>7</i> 1 ,1			

Одним из самых глубоких исследований эффективности активного подхода к инвестициям является работа американского экономиста Марка Кархарда (*Mark Carhart*) [15], в которой анализируются доходности активно управляемых американских фондов акций в период 1961–1995 гг. Одним из впечатляющих выводов данного исследования является следующий факт: более 94 % активно управляемых фондов продемонстрировали за данный период доходность ниже своего бенч-марка. Другое исследование, выполненное Юджином Фамой (*Eugene Fama*) совместно со своим коллегой Кеном Френчем (*Ken French*) для аналогичного американского рынка, но уже за период 1984–2006 гг., показало идентичные результаты: лишь три процента менеджеров активно управляемых фондов акций смогли продемонстрировать доходность, превышающую среднюю доходность своих целевых рынков [18]. Но даже для этого, более чем скромного, числа успешных фондов не может быть полностью исключена вероятность случайного везения.

Следует обратить внимание, что во всех случаях речь идет об оценке доходности именно инвестиционных фондов, а не о доходности инвесторов этих фондов. Для них ситуация выглядит еще более незавидной. Дело в том, что большинство инвесторов подобных фондов действуют «проциклично» — приобретают ценные бумаги фондов, которые демонстрировали в последние два-три года результаты выше средних по рынку («инвестиции в положительную репутацию») и продают ценные бумаги в обратной ситуации («дезинвестиции из отрицательной репутации»). В результате подобной «рациональной» селекции инвесторы всё время остаются в системном проигрыше, поскольку лидеры и аутсайдеры среди управляющих фондами все время меняются, срок лидерства конкретной управляющей компании на рынке редко превышает один-два года. Этот достаточно очевидный, но с трудом воспринимаемый эффект подтверждается, например, в исследовании Г. Фрисена (Geoffrey Friesen) и Т. Саппа (Travis Sapp) [20]. В работе показано, что в период 1991—2004 гг. средняя доходность инвесторов американских фондов акций составила 6,1 % годовых при средней доходности самих фонских фондов акций составила 6,1 % годовых при средней доходности самих фон-

⁵См.: [21, s. 15].

дов за этот же период 7,7 % годовых. Интересно отметить, что рыночная доходность за указанные годы составила 12,3 % годовых!

Таким образом, кажущаяся рациональность инвестиций в лидеров рынка не только не обеспечивает повышения итоговой доходности инвесторов, но и демонстрирует результат ниже среднего по рынку. В работе [21] приводятся следующие данные по «стабильности» результатов лидеров рынка среди управляющих фондами (табл. 2).

Таблица 2 Устойчивость сохранения лидерства инвестиционными фондами в последующие годы 6

	1-й год	2-й год	3-й год	4-й год	5-й год
	(12 месяцев				
	до марта				
	2013 г.)	2014 г.)	2015 г.)	2016 г.)	2017 г.)
Лучшая квар-					
тиль 1-го года	100	25,6	4,1	0,5	0,3
(585 фондов), %					

Как мы видим, на второй год позицию в числе лучших фондов сохраняет лишь чуть более четверти исходных лидеров, сохранение лидерских позиций в течение трех лет доступно лишь 4,1 % от числа первоначальных лидеров и т. д. В течение четырех лет стабильное лидерство смогли сохранить лишь 0,3 % от числа первоначальных лидеров.

Объем аналогичных российских исследований, безусловно, скромнее. Тем не менее можно привести в качестве примера работу [10], в которой оценивается эффективность стратегий, ориентированных на лидеров или аутсайдеров предыдущего периода. Результаты анализа за период с 2002-го по 2010 год показывают, что портфели, составленные из аутсайдеров прошлого года, приносили большую доходность.

Еще раз подчеркнем, что представленные результаты отражают лишь малую долю тех исследований, которые подтверждают отсутствие какой-либо «премии» при использовании активного подхода к инвестированию на эффективных рынках. В то же время по-прежнему значительная или даже преобладающая часть неквалифицированных инвесторов предпочитает именно активный стиль управления своими активами. В основе этого устойчивого заблуждения лежит ряд факторов [21]:

- 1. **Психология и жизненный опыт самих инвесторов.** Для большинства рядовых неискушенных инвесторов смысл инвестиций заключается в поиске вариантов «выгодных вложений». В свою очередь, весомость данного результата ставится естественным образом в зависимость от объема предпринимаемых усилий, обобщений экспертных оценок, энергичных поисков вариантов решений. Концепция «вознаграждение за упорный труд» одна из краеугольных в культуре современного общества, и отказ от нее в частном случае личных инвестиций вызывает эмоциональное отторжение у рядовых инвесторов.
- 2. Рекомендации со стороны представителей финансовой индустрии. Профессиональное сообщество (финансовые консультанты, управляющие активами, менеджеры фондов, биржевые площадки и пр.) в своей массе заинтересовано в максимально интенсивных операциях инвесторов. В основе лежит, с одной стороны, очевидное желание максимизировать различные комиссионные доходы. С дру-

 $^{^6}$ Под лидерством понимается позиция в лучшей четверти (квартили – 25 %) из всех фондов по демонстрируемой фондом доходности.

гой стороны, имеет место более глубокое расхождение инвестиционных горизонтов профессиональных участников и самих инвесторов. Для первых этот горизонт во многих случаях обусловлен формальными датами представления отчетности – профессиональные участники, даже конкурируя между собой, все время устраивают «забеги на короткие дистанции» и вовлекают в этот ритм и самих инвесторов. Для последних, напротив, большее значение имеет именно «стайерский результат» – фактическая доходность на существенно больших инвестиционных горизонтах.

3. **Информационное** давление со стороны массмедиа. Тема личных финансов и инвестиций традиционно является одной из горячих тем, привлекающих аудиторию печатных, теле- радио-, а в последние годы и интернет-СМИ. Бизнесзадача удержания данной аудитории, ее расширения объективно диктует необходимость поддержания информационного шума, а желательно, и частой смены событий, разворота трендов, сенсационных прогнозов и экспертных оценок, открывающихся уникальных возможностей и т. д.

Конечно, сами по себе ни профессиональное сообщество, ни медиа не могли бы вовлечь инвесторов в активную гонку за повышенной доходностью, если бы на их стороне не играли собственные, не самые лучшие, качества и самих инвесторов: жадность, зависть, нетерпеливость, инертность и легковерие.

В таблице 3 отражены основные различия между активным и пассивным подходом к инвестированию. Еще раз напомним, что в данном случае речь идет о приложении указанных подходов именно к эффективным рынкам. Поэтому очевидные недостатки или, правильнее сказать, ограниченности активного подхода становятся его достоинствами или открывают новые возможности на рынках с низкой степенью эффективности.

Таблица 3 Сравнительный анализ активного и пассивного подходов к инвестициям на ликвидных рынках капитала 7

Активное управление	Пассивное управление		
активами	активами		
Ключев	зая идея		
Рынки капиталов не являются эффектив-	Рынки капиталов настолько информацион-		
ными. Получение сверхрыночной доходно-	но эффективны, что сверхрыночная доход-		
сти (Outperformance) возможно для инве-	ность (Outperformance) для частного инве-		
сторов, обладающих определенными зна-	стора с учетом рисков, издержек и налогов		
ниями и компетенциями	является делом случая		
Це	ель		
Превзойти среднерыночную доходность с	Обеспечить среднюю доходность по опре-		
учетом рисков и издержек	деленному рынку активов при минимально		
учетом рисков и издержек	возможных издержках и налогах		
Отношение к взаимозавис	имости риска и доходности		
Инвесторы (управляющие активами, финансовые консультанты) способны повысить отношение доходности к риску инвестиций на основе надежных и правильных прогнозов: доходность повышается на основе оценок экспертов («гуру»), обладающих специфическими, уникальными знаниями	Инвесторы (управляющие активами, финансовые консультанты) не могут рассчитывать на стабильный рост отношения доходности к риску: доходность является не результатом оценок экспертов («гуру»), а вознаграждением за принятие ожидаемого риска инвестиций		

 $^{^7}$ В данном случае сознательно используется термин «ликвидный» а не «эффективный» рынок, поскольку активный подход по своей природе отказывает данным рынкам в эффективности.

n.	
	г доходности
вознаграждение за профессионализм (зна-	вознаграждение за принятие риска (ком-
ния и компетенции)	пенсация за риск, за «болезненность» риска)
	ргунск рассматрурастая как астарууг
Рынок воспринимается как противник, который должен быть побежден	Рынок рассматривается как союзник
Поиск «выигрышных» инвестиций	е мировоззрение Осознанное принятие риска, который дол-
(Jackpot-Investments) – инвестиций с высо-	жен быть компенсирован: уклонение от
кой доходностью при ограниченном риске	принципиально не диверсифицированных
Kon govognoetbio nph orpann tennom prieke	рисков, за которые рынок не предлагает
	дополнительную компенсацию («премию»)
Форма практиче	ской реализации
Спекулятивные, основанные на прогнозах	Нейтральные по отношению к рынку инве-
инвестиции. Инвесторы (управляющие ак-	стиции. Инвесторы (управляющие актива-
тивами) реализуют частые покупки и про-	ми) покупают «весь рынок». Покупки и
дажи на основе выявления оптимальных	продажи осуществляются лишь при воз-
моментов времени «входа» на конкретный	никновении дополнительных денежных
рынок или покупки/продажи конкретного	потоков или с целью ребалансировки
актива (Market Timing) или недооцененных	портфеля (адаптации структуры портфеля к
активов (Asset Picking)	изменению целевого индекса, стратегиче-
	ских предпочтений инвестора и т. д.)
	тиционного процесса
Реализация одного из вариантов определе-	Стратегическое фиксирование (следование)
ния оптимальных моментов покупки/ про-	определенному рынку активов (отказ от
дажи активов (Market Timing) или поиска	Market Timing и Asset Picking)
недооцененных/переоцененных активов	
(Asset Picking)	× ×
Рыночная ситуация уникальна и требует	й рыночной ситуации Рыночная ситуация воспринимается как
быстрого специфического реагирования	«все это уже было, но только хуже» – инве-
оыстрого специфического реагирования	сторы полностью независимы от текущих
	рыночных процессов
Степень див	ерсификации
Неизбежно низкая – ограничена «знакомы-	Максимально широкая, как по классам ак-
ми активами на родной территории»	тивов, так и по территориям
* ** *	шением доходности и риска
Доходность и риск анализируются в значи-	Доходность и риск анализируются исклю-
тельной или полной мере на уровне от-	чительно на уровне интегрального портфеля
дельного актива	
	ри максимизации доходности к риску
Большое число постоянно изменяющихся	Небольшое число строго контролируемых
факторов, влияние которых на итоговую	факторов: определенный рынок активов;
доходность, как правило, не имеет строгого	издержки инвестиций; налоги
научного подтверждения	
	ализации инвестиционного подхода
Квалификация индивидуально-специфиче-	Исключительно научный фундамент инве-
ская – то, что конкретный инвестор субъек-	стиционного подхода – используются зави-
тивно считает уместным в каждом кон-	симости, подтвержденные многократными
траненородительность с то	и многолетними исследованиями
	Рисокая — все мирестиционные активы
Низкая – при делегировании решений экс- пертам или управляющим активами прак-	Высокая – все инвестиционные активы
пертам или управляющим активами практически всегда возникает проблема «черно-	принадлежат понятному рынку, образуют известный индекс и максимально прозрач-
го ящика» (Black-Box Problem)	ны
TO ALLINGIA (DIGCK-DOX T TOOTCHI)	пы

Decimal Tymanum proce ymaepeum ema. 2016. v. 2 (21)			
«Группы поддержки» и			
Управляющие активами, менеджеры фон-	Научное сообщество, ограниченное число		
дов, банки, инвестиционные консультанты,	инвестиционных консультантов и/или ро-		
инвестиционные и финансовые медиа-	бо-эдвайзеров ($Robo-Advisor$) 8		
издания			
Уровень распространенности среди			
Высокий. Как правило, инвесторы реали-	Низкий		
зуют «активный» подход к инвестирова-			
нию, даже если не считают себя «активны-			
ми» инвесторами			
Признание в инвести			
Подход кажется интуитивно логичным, со-	Подход противоречит преобладающему		
ответствует господствующему мнению и	мнению, интуиции многих инвесторов и, во		
внутреннему ощущению инвесторов	всяком случае первоначально, их внутрен-		
	ним ощущениям		
Инвестицион			
Как правило, нечетко определен во време-	Инвестиционный горизонт – 1) ожидаемое		
ни. Каждый инвестор (эксперт, консуль-	время до предстоящей крупной или очень		
тант, управляющий активами) понимает	крупной потребности в денежных средст-		
его по-своему и изменяет по мере измене-	вах или 2) в течение всей жизни инвестора		
ния рыночной ситуации. В результате «ин-	– изменения структуры инвестиций лишь		
вестиционный горизонт» превращается в	при значимых изменениях отношения ин-		
период времени «до следующей продажи»	вестора к риску		
Степень с			
Как правило, высокая	Низкая		
Моменты продажи	отдельных активов		
Постоянно, в соответствии с реализуемой	Последовательная реализация стратегии		
активной стратегией	«купил и держи» (<i>Bay-and-Hold</i>). Продажи		
	только в случае: 1) крупных запланирован-		
	ных или непредвиденных потребностей в		
	денежных средствах, 2) для ребалансиров-		
	ки портфеля активов в соответствии с из-		
	менением отношения инвестора к риску		
Уровень сопутствующих, в т	ом числе скрытых, издержек		
Высокий. В силу эффекта сложных про-	Низкий. Негативное влияние эффекта		
центов возрастает негативное влияние со-	сложных процентов от сопутствующих из-		
путствующих издержек, которое не осозна-	держек полностью признается, но именно		
ется большинством инвесторов или умал-	поэтому минимизируется		
чивается со стороны финансовой			
индустрии			
Минимизац	ия налогов		
Uо припотоп при оттеми от по того Пот	Имеет высокое значение – целенаправлен-		
Не является приоритетной задачей. Перво-	Timeer bileenee sha lenne qerenanpabren		
очередной целью становится максимизация	но используются налоговые выгоды от дол-		
	•		
очередной целью становится максимизация	но используются налоговые выгоды от долгосрочного удержания активов		
очередной целью становится максимизация дохода до налогообложения	но используются налоговые выгоды от долгосрочного удержания активов		
очередной целью становится максимизация дохода до налогообложения Затраты	но используются налоговые выгоды от долгосрочного удержания активов времени		
очередной целью становится максимизация дохода до налогообложения Затраты Значительные временные издержки на по-	но используются налоговые выгоды от долгосрочного удержания активов времени Издержки времени минимальны – не тре-		

⁸ Автоматизированный «финансовый консультант» (автоматизированная платформа), которая с минимальным вмешательством человека, на основе математических алгоритмов, предоставляет финансовые консультации и сервис по созданию и управлению инвестиционным портфелем. При пассивном управлении портфелем обеспечивается строгое соответствие инвестиционного портфеля целевому индексу (бенч-марку).

Вероятность болезненных неожиданностей от действий управляющих активами,						
рыночных событий (Manager-Risk, Event-Risk)						
Высокая	Низкая – риск действий управляющих ак-					
	тивами отсутствует, а риск рыночных со-					
	бытий существенно ниже, чем при актив-					
	ном управлении					
Приоритетная задача инвестиционны	их консультантов и/или управляющих					
Максимально частое обнаружение инве-	Избегание ошибок, которые могут быть					
стиционных возможностей для получения	совершены – следование заповеди «не на-					
сверхрыночной доходности	вреди»					
Требования к дисциплин	ированности инвесторов					
Низкие	Высокие					
Риск отклонения от рефериров	занного мнения («консенсуса»)					
Низкий – доходности изменяются относи-	Высокий – доходности отклоняются как в					
тельно параллельно экспертным ожидани-	большую сторону, так и в меньшую, по-					
ям в медиапространстве «своей референт-	скольку в портфеле отсутствует упор на					
ной группы» (Peer-Group) относительно	«свой рынок» или ориентация на «свою					
«своего рынка» (Home Bias)	референтную группу»					
Реальная долгосрочная дох	одность среднего инвестора					
от 1,5 до 5 процентных пунктов ниже сред-	от 0,5 до 0,9 процентных пункта ниже					
нерыночной доходности	среднерыночной доходности					
Психологическая нагрузка инвесторо	ов и степень «душевного равновесия»					
Регулярные психологические перегрузки.	Низкая психологическая нагрузка и прак-					
«Душевное равновесие» характерно лишь	тически постоянное «душевное равнове-					
для периодов, когда движение рынка соот-	сие». Исключение лишь в первоначальный					
ветствует прогнозным оценкам и принятым	период осознания философии и практиче-					
инвестиционным решениям	ской целесообразности инвестиционного					
	подхода					

Заключение. Проведенный анализ убедительно свидетельствует о наличии институциональной проблемы в случае инвестирования средств рядовых инвесторов. Верно ограниченный для данных инвесторов нормативными положениями рынок (ликвидных, низкорисковых активов), тем не менее, позволяет реализовывать на нем стратегии, которые не в полной мере отвечают их интересам. Эту ситуацию вполне успешно использует профессиональная индустрия финансового и инвестиционного рынков, предлагая неискушенным инвесторам активный подход к управлению их активами. Однако уже сегодня в странах с развитыми финансовыми рынками, относительно высокой финансовой грамотностью населения данная проблема в значительной мере осознается. Об этом свидетельствует глобальное перераспределение средств инвесторов из фондов с активным управлением в индексные фонды, и в первую очередь в т. н. «биржевые фонды» - ETF (Exchange Traded Fund). Структура активов ETF повторяет структуру выбранного базового индекса, а ценные бумаги данного фонда торгуются на бирже. Благодаря своей конструкции фонд обеспечивает максимальную ликвидность собственных ценных бумаг, максимальное соответствие рыночной доходности по целевому рынку и минимальные издержки на управление.

K сожалению, в нашей стране подобные продукты представлены исключительно слабо. Первые, и до недавнего времени единственные, биржевые фонды в России предлагала лишь одна управляющая компания $FinEx^9$. Отрадно, что роль лидера в данных продуктах готовы взять на себя Управляющая компания

⁹ Cm.: http://finex-etf.ru/faq

«Сбербанк Управление Активами» совместно с Sberbank CIB. Ими готовится к запуску биржевой фонд (ETF), который будет отслеживать динамику индекса Мосбиржи, а портфель фонда включать акции 46 крупнейших российских компаний. Кроме того, до конца 2018 года планируется формирование еще двух ETF – облигационного и на индекс S&P500 [9].

В заключение скажем о возможных направлениях преодоления рассмотренной «агентской» проблемы инвестирования средств рядовых инвесторов. Как известно, простые решения сложных проблем в итоге оказываются ложными или даже приводят к отрицательному результату. Поэтому автор далек от мысли рекомендовать запрет на использование методов активного управления средствами неквалифицированных инвесторов. Менее эффектной, но более действенной может стать целенаправленная работа по повышению финансовой грамотности населения, в том числе ориентация сознания инвесторов не на повышение текущей доходности инвестиций, демонстрируемой управляющим или инвестиционными фондами, а на снижение совокупных издержек, связанных с процессом инвестирования. Именно по этому пути идет регулятивная практика в развитых странах, в которых особое внимание уделяется раскрытию совокупных издержек инвестирования, в частности, в инвестиционных фондах. Например, в США и странах Евросоюза уже с давних времён управляющие компании фондов обязаны раскрывать показатель общего уровня расходов (Total Expense Ratio, TER). Это не только расходы по управлению (management fee), но и суммарный показатель, включающий все расходы фонда (оплата услуг депозитария, аудитора, комиссии биржи и т. д.). Осознание инвесторами важности именно этого показателя неизбежно должно запустить соответствующий механизм конкуренции в самой индустрии финансового рынка, и в первую очередь среди менеджеров фондов и управляющих активами. Снижение издержек, в свою очередь, объективно вынудит последних к снижению активности инвестиционных операций, избыточно затратных, а самое главное, бессмысленных на эффективных рынках капитала.

Литература

- 1. Богл Д. Не верьте цифрам! Размышления о заблуждениях инвесторов, капитализме, «взаимных» фондах, индексном инвестировании, предпринимательстве, идеализме и героях: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2013.
- 2. Богл Д. Инвесторы против спекулянтов. Кто на самом деле управляет фондовым рынком : пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
- 3. Богл Д. Руководство разумного инвестора. Надежный способ получения прибыли на фондовом рынке : пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- 4. Грэхем Б. Разумный инвестор. Полное руководство по стоимостному инвестированию. М.: Альпина Паблишер, 2018. 568 с.
 - Грэхем Б., Додд Д. Анализ ценных бумаг. М.: Вильямс, 2016. 880 с.
- 6. Мецгер А. А. Изменения требований к составу и структуре активов паевых фондов: начало новой эры? // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг. : материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета: в 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 28–36.
- 7. Мецгер А. А. Модели корпоративного управления в инвестиционных фондах и требования к структуре их активов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 3 (71). С. 53–65.
- 8. Мецгер А. А. Стратегии управления активами инвестиционных фондов с точки зрения теории трансакционных издержек и корпоративного управления // Вестник Гуманитарного университета. -2017. № 4 (19). C. 6–15.
- 9. Сбербанк создает новый инструмент для инвестиций. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/05/29/771097-sberbank-sozdaet-novii
- 10. Сирунян М. Л. Сравнительный анализ инвестиционных стратегий, основанных на прошлых движениях цен в условиях российского фондового рынка // Учет и статисти-

- ка. Ростов н/Д : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ». 2011. T. 2, № 22. C. 79–86.
- 11. Указание Банка России от 5 сентября 2016 г. № 4129-У «О составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов».
- 12. Barras L., Scaillet O., Wermers R. False Discoveries in Mutual Fund Performance: Measuring Luck in Estimating Alphas // Journal of Finance. 2008. Vol. 65, № 1.
- 13. Bhattacharya U., Hackethal A., Loos B., Meyer S. Abusing ETFs // SSRN. 2014. November 22. URL: http://ssrn.com/abstract=2022442.
- 14. Bogle J. The Mutual Fund Industry 60 Years Later: For Better or Worse? // Financial Analysts Journal. 2005. Vol. 61, № 6.
- 15. Carhart M. On Persistence in Matual Fund Performance // Journal of Finance. 1997. March. –Vol. 52, Issue 1.
- 16. Clare A., Motson N. Do UK retail investors buy at the top and sell at the bottom? // SSRN. 2010. September 5. URL: https://www.cass.city.ac.uk/__data/assets/pdf_file/003/69933/Do-UK-retail-investors-buy-at-the-top-and-sell-at-the-bottom.pdf.
- 17. Frazzini A., Lamont O. Dumb money: Mutual fund flows and the cross-section of stock returns // Journal of Financial Economics. 2008. Vol. 88.
- 18. Fama E., French K. Luck versus Skill in the Cross-Section of Mutual Fund Returns // The Journal of Finance. 2010. October. Vol. 65, Issue 5.
- 19. Fang J., Jacobsen B., Qin Y. Technical Market Indicators : An Overview // SSRN. 2014. –June 12. URL: http://ssrn.com/abstract=2449344.
- 20. Friesen G., Sapp T. Mutual Fund Flows and Investor Returns: An Empirical Examination of Fund Investor Timing Ability // Journal of Banking and Finance. 2007. Vol. 31.
- 21. Kommer G. Souverän investieren mit Index fonds & ETF. Wie Privatanleger das Spiel gegen die Finanzbranche gewinnen. 5, vollständig aktualosierte Auflage. Campus Verlag GmbH, 2018. S. 128–129.
- 22. Pakula D., Wimmer B., Wallick D. Quantifying the impact of chasing fund performance // Vanguard Research note. 2014. July. URL: https://ru.scribd.com/document/236535631/Vanguard-Quantifying-the-impact-of-chasing-fund-performance

Alexander Al'bertovich Metzger,

Candidate of Engineering, Associate Professor, Director General of ZAO «Upravlyauschaya companya» (Ekaterinburg)

The Nature of the Agency Problem of Investment of Funds of Ordinary Unqualified Investors

The problem of decent provision in old age is one of the key problems of any national economy. Now there is a crisis not only of state pension system, but also of alternative market models of pension savings. This problem is especially acute in Russia, which is characterized not only by stagnation of the institution of classical state pension, but also by the weak development of market institutions of pension savings. Nevertheless, the orientation of citizens to the formation of their own pension programs seems inevitable from the state's point of view even now, and in due course will be realized by an increasing part of the population. In this regard, the creation of modern institutional environment for investment of funds of ordinary unqualified investors is becoming increasingly important. The key participants in the formation of this environment are the state and the professional community (trustees, fund management companies, information and rating agencies, professional media, etc.). Taking into account the specifics of ordinary investors, the state introduces the appropriate category of "unqualified investors" in most countries, for which the investment opportunities are limited only by highly liquid markets (for example, exchange markets). As long-term studies show, the best strategy in these markets (which has high information efficiency) is passive investment with the widest possible diversification (index investment). However, this strategy does not meet the interests of the majority of participants in the investment industry – currently there dominates so-called active approach to asset management based on various methods of investment analysis. This allows them to maximize

the income of professional market participants, but does not necessarily maximize the income of investors. This conflict of interests is currently poorly understood by most of ordinary investors, but it is the basis of agency problem of investment in highly efficient markets. The identification of this problem allows to determine the main directions for it's overcoming or minimization

Key words: investors; unqualified investors; qualified investors; effective market; benchmark; active management; passive management; fundamental analysis; technical analysis; Investment fund; assets managers; Management Company; market efficiency; index investment; index fund; Exchange Traded Fund (ETF); managers; agency problem; opportunism of managers.

УДК 336.71

А. А. Кушнарева* **К. И. Перевозчиков****,

Сегментирование российских потребителей банковских кобрендинговых карт

В статье рассматривается важность банковских кобрендинговых карт как инструмента для удержания конкурентных позиций на рынке. Производится сегментирование российских потребителей банковских кобрендинговых карт на основе выделенных в отечественной и зарубежной литературе факторов, формулируются выводы и рекомендации. Ключевые слова: потребители банковских карт; кобрендинговые карты; российские потребители банковских кобрендинговых карт; сегменты потребителей банковских карт.

Ассортимент услуг кредитных организаций Российской Федерации постоянно расширяется. Потребителю предлагаются всё более персонифицированные условия предоставления тех или иных продуктов. Таким образом возрастает конкуренция, а также изменяются потребности потребителей. Новые продукты позволяют потребителям увеличивать доходы, возвращать денежные средства с операций, интернет- и онлайн-банкинг, а также пользоваться другими особенностями.

Одним из вариантов расширения ассортимента банковских карт и привлечения новых потребителей выступают кобрендинговые карты. Особенность данного типа товаров заключается в формировании партнерства между банком и организацией-партнером с целью повышения экономических показателей, привлечения новых потребителей, а также решения социальных проблем. Используя эту карту, клиент банка может, при определенных условиях, получить значительные скидки и бонусы по оплате товаров и услуг.

Ряд авторов утверждает, что первоочередным моментом в работе коммерческого банка должна стать сегментация существующего рынка банковских карт с целью выявления целевой клиентуры, на которую в дальнейшем будет ориентироваться кредитная организация в своей работе [1].

Рассмотрим основные критерии сегментации. Важной характеристикой для сегментации в банковской сфере является доход потребителя. Интересно, что часть авторов различает доходы, заработанные самим человеком, а также доходы, переданные по наследству. Также отмечается значимость наличия навыков экономии средств, опыта ипотечного кредитования, займов и транзакций [4]. Кроме того, консультант по стратегии Роланд Бергер, исследуя более 100 банков Центральной и Восточной Европы, выявил значимость вида деятельности потребителя как критерия для сегментации [5].

Также многочисленны психографические критерии сегментации. В их числе: приверженность различным услугам (потребители могут быть неосведомленными, осведомленными, информированными, интересующимися и желающими); характер индивидуальности (различают податливых, агрессивных и независимых потребителей). Также выделяют инновативность, т. е. способность и готовность

^{*} **Алла Александровна Кушнарева**, старший преподаватель кафедры экономики и информатизации, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: Kushnaryova.alla@yandex.ru

^{**} **Константин Игоревич Перевозчиков,** магистрант 2-го курса, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург).

E-mail: PerevozchikovKI@yandex.ru

клиентов позитивно воспринимать и осваивать новые банковские продукты и услуги, переходить к их новым видам.

По склонности к риску различают клиентов, склонных к риску, нейтрально относящихся к риску и избегающих риска [4]. Этот подход часто сочетается с сегментацией по предпочтительным направлениям инвестирования.

Поведенческая сегментация тесно связана с психографической, поскольку отношения и действия способствуют определенному поведению. Основные факторы, влияющие на выбор потребителем банковских карт: широкая сеть распространения продукта (специальные условия в различных магазинах), стоимость обслуживания, простота и быстрота оформления карты, удобство оплаты за пользование кредитом по банковской карте, доход, сфера деятельности, склонность к риску, характер индивидуальности, ожидание от использования продукта и качество обслуживания [1].

Рассмотрим статистику по банковским картам, эмитированным на территории Российской Федерации. По данным Центрального банка России на 01.07.2017 года, российскими банками было эмитировано 259,68 млн платежных карт. Годовой прирост составил 4,3 % в сравнении с показателем на 01.07.2016 года (248,95 млн карт) и оказался меньше чем в 2016 году (6,44 %).

За 2016 год физическими лицами было совершено 17 818,3 млн операций по банковским картам на сумму 49 992,8 млрд руб. За 1-е полугодие 2017 года было совершено 10 833,6 млн операций на сумму 26 487,6 млрд руб., из которых было оплачены товары и услуги посредствам банковской карты на сумму 7 272,2 млрд руб. (8 124,7 млн операций).

По состоянию на август 2016 года, согласно оценкам РБК, в России реализуется около 58 кобрендинговых банковских проектов с бонусно-накопительной системой поощрения клиентов (среди ТОП-100 банков по величине активов). При этом отмечается отрицательный прирост количества проектов к 2015 году, он составил почти 23 %.

Рис. 1. Динамика реализации бонусно-накопительных кобрендинговых проектов в России, 2002–2016 гг. [3]

Для исследования выбран метод, сформулированный А. В. Царевым. Модель сегментации рынка банковских продуктов и услуг исходит из выделения интересов, предпочтений и характеристик потребителей, рыночной ситуации, а также конкурентных позиций организации [2]. Алгоритм предполагает выявление критериев для сегментации из следующих источников: рыночной ситуации организации, конкурентных преимуществ, факторов выбора банка, факторов выбора банковских продуктов и услуг, описания характеристик клиентов, а также последующего проведения маркетингового исследования на основе выделенных факторов.

Для проведения сегментации была сформирована анкета, на основе факторов, выделенных при анализе литературы. Далее было опрошено 200 респондентов, посредствам сервиса Google Forms. Была достигнута репрезентативность по половому признаку.

Структура выборки представлена в таблице 1.

Структура выборки

Таблица 1

	Фактор	Вариант ответа	n = 200	%
1	Пол	Мужской	92	46,0
		Женский	108	54,0
2	Возраст, лет	18–25	28	14,0
		26–35	63	31,5
		36–45	59	29,5
		46–55	38	19,0
		От 56	12	6,0
3	Месячный доход, тыс. руб.	Менее 10	34	17,0
		10–20	64	32,0
		20–30	45	22,5
		30–40	30	15,0
		40–60	17	8,5
		60–80	6	3,0
		80–100	3	1,5
		Более 100	1	0,5

Структура анкеты предполагала отсеивание респондентов, не пользующихся кобрендинговыми банковскими картами. Таким образом было отсеяно 105 респондентов. В итоге в проведении исследования использовались данные 95 анкет.

Изначально было сформировано 19 переменных в качестве факторов, участвующих в кластеризации. С целью сокращения критериев был проведен факторный анализ, который позволил выделить 9 переменных из тех 19. Результат факторного анализа представлен на рисунке 2.

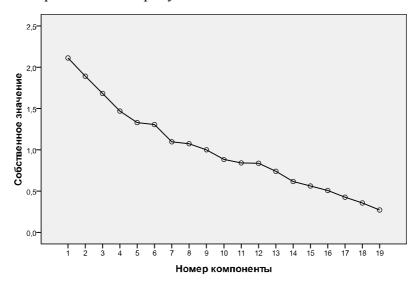

Рис. 1. График нормализованного простого стресса

Вслед за этим была построена матрица коэффициентов оценок компонент с целью описания получившихся. Затем факторам было дано описание. Выгода от

использования кобрендинговой карты, влияние мнений окружения, доверие к банку, интерес к новому, популярность, функциональные преимущества, возможность помочь компании-партнеру, поддержать некоммерческую организацию, интерес к уже опробованным продуктам (консерватизм) соответственно. На основе данных критериев была проведена кластеризация. Выделенные группы представлены в таблице 2.

Таблица 2 Описание кластеров

W	ard Method	Вы-года	Со-	Дове- рие	Нова-торство	Попу- ляр- ность про- дукта	Функ- циональ- ные пре- имуще- ства	Помощь партнеру	Помощь НКО	Консер- ватизм
	Среднее	1,89	1,26	-0,68	0,85	0,21	-1,09	-0,55	0,34	-0,11
1	N	5	5	5	5	5	5	5	5	5
	Стд. откл.	0,11	0,59	0,95	0,84	0,99	0,81	0,76	0,56	0,68
	Среднее	-0,11	-0,38	,64	-0,65	0,15	0,33	-0,13	-0,31	0,44
2	N	22	22	22	22	22	22	22	22	22
	Стд. откл.	0,74	0,48	0,48	0,79	0,86	0,74	0,61	0,45	0,63
	Среднее	0,48	-0,09	0,71	-0,14	0,69	1,40	-0,09	-0,08	-0,07
3	N	9	9	9	9	9	9	9	9	9
	Стд. откл.	0,79	0,91	0,68	0,95	1,34	0,82	0,62	0,33	0,91
	Среднее	-0,24	-0,03	0,42	0,18	-0,27	-0,31	-0,02	-0,01	-0,02
4	N	59	59	59	59	59	59	59	59	59
	Стд. откл.	0,83	0,69	0,69	0,95	0,58	0,67	0,54	0,60	0,57
1.0	Среднее	-0,03	-0,05	0,01	-0,01	-0,06	-0,04	-0,08	-0,07	0,08
Всего	N	95	95	95	95	95	95	95	95	95
I	Стд. откл.	0,92	0,74	0,99	0,98	0,81	0,90	0,58	0,56	0,65

Для оценки качества факторов, участвовавших в кластерном анализе, был проведен дискриминантный анализ, который показал значимость 7 из 9 факторов, отсеяв критерии помощи партнерам и НКО. Факторы были отсеяны, так как их значимость ниже 0,05.

Таблица 3 Критерий равенства групповых средних

	Лямбда Уилкса	F	ст.св1	ст.св2	Знч.
Выгода	,705	12,705	3	91	,000
Влияние окружения	,787	8,234	3	91	,000
Доверие к банку	,439	38,781	3	91	,000
Новаторство	,834	6,040	3	91	,001
Популярность продукта	,858	5,020	3	91	,003
Функциональные преимущества	,590	21,084	3	91	,000
Помощь партнеру	,957	1,355	3	91	,261
Помощь НКО	,922	2,565	3	91	,059

Рассмотрим получившиеся сегменты, используя критерии для сегментации и описательные критерии. В таблице 4 представлены основные критерии, а также показатели значимости каждого из критериев для сегментов.

Новаторы. Такие потребители интересуются новыми технологиями, для них важно наличие специальных условий по карте, а также репутация банка-эмитента. Кроме того, данная группа является единственной, в которой в качестве банка-

эмитента выступает АО «Тинькофф банк». Таким потребителям важно мнение окружения, в том числе родственников и друзей. В данном сегменте преобладают мужчины. Средний возраст — 37,6 лет, средний доход в месяц — 34 000 руб. Средний новатор имеет 1,6 банковской кобрендинговой карты. В качестве стратегии взаимодействия с данным сегментом можно выделить использование новых технологий в процессе оказания банковских кредитных услуг, а именно: мобильный банкинг с возможностью оказания полного спектра услуг, связанных с кобрендинговыми картами.

Консерваторы. Данные потребители наименее склонны к изменениям. Таким потребителям важна надежность банка, а также прошлый опыт пользования продуктом. Консерваторам важны скидки по акциям, а также возможность снятия денежных средств в любом банкомате мира. Распределение по полу равномерное. Средний возраст — 38,8 лет, средний уровень дохода в месяц — 21 000 руб. Средний консерватор имеет 1,2 банковской кобрендинговой карты.

В качестве стратегии взаимодействия с сегментом консерваторов можно выделить реализацию коммуникационной политики, направленной на обучение потребителей пользованию кобрендинговыми картами. В коммуникациях, помимо преимуществ, необходимо показать наличие полного спектра свойств классической карты. Также условия по карте должны быть стандартизованы.

Таблица 4 Описание сегментов

Критерий			Кон- серва- торы	Мод- ники	Позднее большинство
Среднее количество кобрендинговых карт			1,2	2,3	1,2
•	Интерес к новому	0,5	0,1	0,1	0,3
Чем обусловлен Ваш выбор кобрен-	Специальные условия по карте	0,6	0,3	0,4	0,4
динговой карты?	Репутация банка	0,4	0,2	0,4	0,1
	Популярность продукта	0,0	0,1	0,4	0,0
Укажите, в каких	Сбербанк	0,2	0,6	0,7	0,7
банках выпущены Ваши кобрендин- говые карты	Тинькофф Банк	0,4	0,2	0,3	0,1
_	Надежность выбор банка	0,4	0,6	0,8	0,7
Почему вы выбрали	Советы родственников выбор банка	1,0	0,0	0,0	0,0
именно этот банк?	Советы друзей выбор банка	0,4	0,0	0,1	0,2
	Опыт пользования продук- тами банка выбор банка	0,4	1,0	0,1	0,0
	Кэшбек	0,6	0,5	0,6	0,4
Какие услуги по	Скидки по акциям	1,0	0,7	0,8	0,5
кобрендинговой карте Вам важны?	Возможность снять средства в любом банкомате мира	0,0	0,6	0,8	0,1
Брали ли Вы рань- ше кредиты?	Брали ли Вы кредиты	1,8	1,5	0,7	1,1
Ваш пол	Мужской	0,8	0,5	0,3	0,6
Dam HOJI	Женский	0,2	0,5	0,7	0,4
Ваш во	зраст (числом)	37,6	38,8	37,7	37,1
Ваш уров	вень образования	4,2	4,5	4,1	4,3
Ваш у	оовень дохода	4,4	3,1	2,9	3,1

Модники. Данному сегменту важна популярность продукта. Таким потребителям важна репутация и надежность банка, а также популярность пользования кобрендинговыми банковскими картами. Данному сегменту важны скидки по акциям, а также возможность снятия денежных средств в любом банкомате мира. Модники более склонны к приобретению кредитных услуг. Среди сегмента преобладают женщины, средний возраст представителя модников – 37,1 лет, средний уровень дохода в месяц – 37 100 руб. Также, в среднем, каждый модник имеет наибольшее количество карт – по 2,3 кобрендинговой карты.

В качестве стратегии для взаимодействия с модниками можно выделить взаимодействие с лидерами мнений. С помощью данной стратегии кредитные организации привлекают новую аудиторию потребителей за счет репутации лидера мнений. В качестве каналов коммуникаций могут выступить: социальные сети, видеоресурсы, посадочные страницы и электронная почта.

Позднее большинство. Данный сегмент является самым крупным из представленных в исследовании, при этом нет четко выделенных факторов, способствующих стимулированию к приобретению кобрендинговых банковских карт. Для данной группы важна надежность банка и скидки по акциям. Среди сегмента преобладают мужчины, средний возраст представителя позднего большинства — 37,6 лет, средний уровень дохода в месяц — 31 000 руб. Средний представитель позднего большинства имеет по 1,2 банковской карты.

В качестве стратегии взаимодействия с поздним большинством можно выделить реализацию услуги быстрого сервиса с целью максимально эффективного обслуживания большого количества клиентов. В качестве вариантов можно выделить мобильный банкинг, с возможностью оказания полного спектра услуг, без необходимости посещения офисов.

В заключение стоит отметить, что выделенные сегменты имеют собственные особенности поведения, а также демографические характеристики. Проведенное исследование доказывает наличие данных сегментов среди российских потребителей банковских кобрендинговых карт. Результаты исследования могут послужить основой для дальнейшего изучения предпочтений российских потребителей банковских кобрендинговых карт с целью получения более детальной информации по каждому из сегментов, определения стратегий взаимодействия, выделения поведенческих, психографических и демографических особенностей, а также макросегментов на основе текущих групп потребителей.

Литература

- 1. Бондарева Ю., Шориков С., Хаиров Р. Конкуренция на рынке банковских услуг // Банковское право. -2016. -№ 1. С. 9-14.
- 2. РБК. Современное состояние и перспективы развитие программ лояльности в России 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://alfabank.rbc.ru/media/research/file/ Программы_лояльности_спецверсия-2.pdf.
- 3. Царев А. В. Принципы и модели сегментации потребителей на рынке банковских продуктов и услуг // Статистика и экономика. 2015. № 1. С. 128–132.
- 4. Segura A. C., Strehlau S. Personality-Based Segmentation of Brazilian Private Banking Clients // Latin American Business Review. 2012. № 13(4). C. 289–309.
- 5. Roland Berger Retail Banking in CEE: Exploiting the potential of the micro business segment [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://www.rolandberger.com/media/pdf/Roland_Berger_EFMA_Retail_Banking_MAY_2 0120606.pdf

Alla Aleksandrovna Kushnareva,

Lecturer, Department of Economics and Information, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Konstantin Igorevich Perevozchikov,

Master Student, Ural State Economic University (Ekaterinburg)

Segmentation of Russian Consumers of Co-Branding Bank Cards

The article considers the importance of bank co-branding cards as a tool for organizations to keep competitive positions in the market. The authors present the segmentation of Russian co-branding bankcardsconsumers of based on factors selected in the domestic and foreign literature and formulate some conclusions and recommendations.

Key words: consumers of bank cards; co-branding cards; Russian consumers of co-branding bank cards; segments of consumers of bank cards.

Страховой рынок Российской Федерации: тенденции и перспективы

Настоящая статья посвящена актуальным вопросам развития страхового рынка Российской Федерации. В работе проанализированы такие показатели страхового рынка Российский Федерации, как количество субъектов страхового рынка, объем страховых премий, объем произведенных страховых выплат, количество заключенных договоров страхования. Представлена динамика данных показателей в 2015–2017 гг. Рассмотрена структура страхового рынка по видам страхования за исследуемый период. В ходе проведенного анализа выявлены основные тенденции страхового рынка Российской Федерации, рассмотрены возможные перспективы данного рынка.

Ключевые слова: страховой рынок, страхование, страховые компании, страховые премии, страховые выплаты.

Введение

Страхование — особый вид экономических отношений, призванный обеспечить страховую защиту населения и его интересов. Страховой рынок, в свою очередь, представляет собой сферу формирования спроса и предложения на страховые услуги. Являясь частью финансового рынка, страховой рынок подвержен цикличности, а также различным внешним и внутренним конъюнктурным факторам. Отношения, возникающие между участниками страхового рынка, регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации и Законом Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [1; 2]. Страховая деятельность подлежит обязательному лицензированию, а также контролю за обеспечением финансовой устойчивости организаций [3]. Надзор за участниками страхового рынка осуществляет Центральный банк Российской Федерации [4].

Улучшение экономической ситуации в стране в последние годы привело к стабилизации страхового рынка Российской Федерации.

Для того чтобы перейти к анализу страхового рынка Российской Федерации, обратимся к основным показателям данного рынка. Основные показатели страхового рынка, а также их динамика в 2015–2017 годах представлены в таблице 1 [5].

Таблица 1 Основные показатели страхового рынка Российской Федерации в 2015–2017 гг.

Показатель	2015	Темп прироста, %	2016	Темп прироста, %	2017	Темп прироста, %
Субъекты страхового рынка, шт.	395	-3,4	364	-7,85	309	-15,1
Объем страховых премий, млрд руб.	1023,82	3,65	1180,63	15,32	1278,84	8,32

^{*} **Елизавета Андреевна Лыкова,** магистрант кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург).

E-mail: e.a.lykova@mail.ru

[©] Е. А. Лыкова, 2018

Объем произведенных страховых выплат, млрд руб.	509,22	7,82	505,79	-0,67	509,72	0,78
Коэффициент вы- плат, %	49,74	-	42,84	_	39,86	-
Количество заключенных договоров страхования, млн шт.	143,46	-8,79	167,8	16,97	193,11	15,08

Анализ представленных данных позволяет утверждать, что объем страховых премий и произведенных страховых выплат в Российской Федерации демонстрирует рост. Это связано со стабилизацией экономической ситуации в стране и ростом отдельных сегментов страхового рынка.

Наглядно динамика страховых премий и произведенных выплат представлена на рисунке 1.

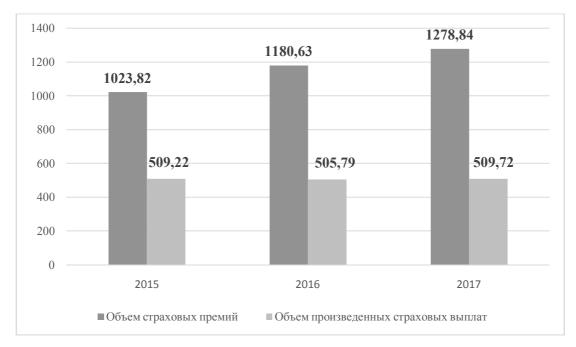

Рис. 1. Динамика страховых премий и выплат в 2015–2017 гг.

Объем собранных страховых премий увеличился за 2017 год на 8,3 % и достиг 1278,8 млрд рублей. Вместе с тем возросли произведенные страховые выплаты на 3,9 млрд рублей, до 509,7 млрд рублей. Стоит отметить, что объем страховых премий увеличивается более быстрыми темпами, чем объем произведенных выплат. Это связано с тем, что основным драйвером роста на рынке страховых услуг выступает страхование жизни, которое привлекает денежные средства в экономику на длительный срок [6; 7]. Данный факт говорит о положительной тенденции для субъектов страхового рынка, так как увеличение страховых премий приводит к росту страховых резервов, что обеспечивает увеличение финансовой устойчивости страховых компаний.

Количество заключенных договоров страхования также увеличивается. Темп прироста заключенных в 2017 году договоров составил 15,1 %.

На протяжении нескольких лет наблюдается уменьшение количества страховщиков на рынке страховых услуг. Это связано с ужесточением требований, предъявляемых к субъектам страхового дела, а также усилением надзора за участниками страхового рынка. В 2017 году продолжилось сокращение количества участников страхового рынка. Общее количество субъектов страхового дела со-

кратилось за год на 15 % и по состоянию на 1.01.2018 г. составило 309 [8]. В таблице 2 представлены данные об изменении количества субъектов страхового рынка в 2015–2017 годах [9].

Таблица 2 **Количество институтов страхового рынка, шт.**

Наименование институтов финансового рынка	2015	Темп прироста, %	2016	Темп прироста, %	2017	Темп прироста, %
Субъекты страхового дела	478	-15,7	364	-23,85	309	-15,1
в том числе:						
- страховые органи- зации	334	-17,33	255	-23,65	225	-11,76
- национальная пере- страховочная компа- ния	_	ı	1	_	1	0
- общества взаимно- го страхования	10	-16,67	12	20	12	0
- страховые брокеры	134	-11,26	96	-28,36	71	-26,04

Несмотря на уменьшение количества субъектов страхового рынка, наблюдается, как отмечалось выше, рост страховых премий. Данный факт говорит об увеличении концентрации страхового рынка.

По данным Центрального банка Российской Федерации, доля 20 крупнейших страховщиков по собранным за 2017 год премиям составила 79,8 %. В 2016 году данный показатель составил 78,1 %. Доля первых 10 крупнейших страховых компании в 2017 году составила 65,3 % (в 2016 году – 64,6 %) [10].

Рейтинг 10 крупнейших страховых компаний в 2017 году представлен в таблице 3 [11].

Таблица 3 **Рейтинг 10 крупнейших страховых компаний в 2017 году**

$N_{\underline{0}}$	Страховая компания	Объем взносов, млрд руб.	Доля рынка, %
1	СОГА3	158,08	12,36
2	СБЕРБАНК СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ	102,08	7,98
3	РЕСО-ГАРАНТИЯ	89,33	6,99
4	ВТБ СТРАХОВАНИЕ	79,77	6,24
5	ИНГОССТРАХ	79,01	6,18
6	РОСГОССТРАХ	78,84	6,17
7	АЛЬФАСТРАХОВАНИЕ	72,52	5,67
8	ВСК	65,72	5,14
9	РОСГОССТРАХ-ЖИЗНЬ	57,28	4,48
10	АЛЬФАСТРАХОВАНИЕ- ЖИЗНЬ	52,47	4,1

Структуру страхового рынка можно классифицировать по различным основаниям [12]. Рассматривая структуру страхового рынка по видам страхования, можно отметить, что в 2017 году возросла доля страхования жизни, добровольного медицинского страхования, страхования от несчастных случаев и болезней, а также страхования прочего имущества граждан. Динамика отельных сегментов страхового рынка Российской Федерации представлена на рисунке 2 [13].

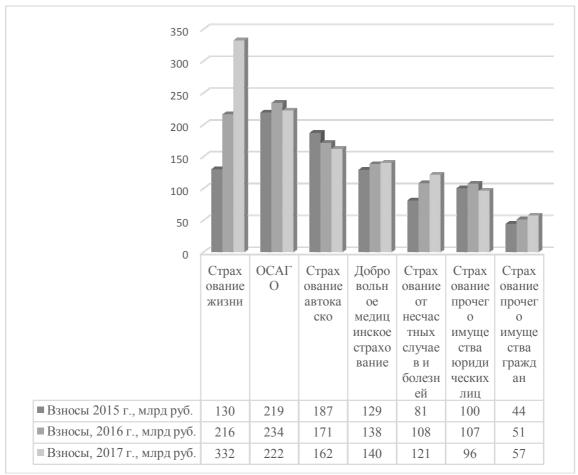

Рис. 2. Динамика сегментов страхового рынка Российской Федерации в 2015–2017 гг.

Наибольший рост в 2017 году продемонстрировало страхование жизни. Объем взносов по страхованию жизни вырос на 115,8 млрд рублей и достиг 331,5 млрд рублей. В результате доля страхования жизни в совокупных взносах увеличилась до 29% (в 2016 году -20%).

Объем взносов по добровольному медицинскому страхованию в 2017 году составил 140,0 млрд рублей.

Стоит отметить снижение поступлений по ОСАГО в 2017 году. Страховые взносы сократились на 12,3 млрд рублей, или на 5,2 % за год.

Проанализировав основные показатели страхового рынка Российской Федерации за последние несколько лет, можно выявить следующие тенденции:

- 1) уменьшение количества субъектов страхового рынка Российской Федерации;
 - 2) увеличение концентрации страхового рынка;
 - 3) рост объема страховых премий.

Говоря о перспективах развития страхового рынка Российской Федерации в последующие годы, можно предположить, что выявленные тенденции сохранятся. Количество субъектов страхового дела продолжит снижаться, однако не столь быстрыми темпами. Сокращение участников страхового рынка влечет как положительные, так и отрицательные последствия. Безусловно, данные изменения приводят к стабилизации страхового рынка, повышению его финансовой устойчивости [14]. Однако уменьшение количества страховщиков приводит к еще большей концентрации всего страхового рынка, а она, в свою очередь, – к уменьшению конкуренции на данном рынке, что не способствует улучшению качества предоставляемых услуг.

Рост объемов страховых премий продолжит увеличиваться. Всероссийский союз страховщиков прогнозирует рост российского страхового рынка в 2018 году на 10–15 % по сравнению с 2017-м [15]. На данный момент увеличение объемов страховых премий, как видно из проведенного анализа, происходит в основном за счет увеличения сборов по страхованию жизни. Это может быть связано с различными факторами. По мнению автора, рост данного сегмента связан в первую очередь с кредитным страхованием, так как инвестиционное страхование жизни в нашей стране является сложным продуктом для восприятия населения и редко рассматривается как альтернатива другим способам получения дохода.

Заключение

Страховой рынок любой страны зависит от экономической ситуации, уровня развития экономики, а также финансовой грамотности и страховой культуры населения. Для дальнейшего развития страхового рынка Российской Федерации необходимо акцентировать внимание на стабилизации ситуации в убыточных сегментах страхования и повышении интереса населения к страховым продуктам и добровольным видам страхования.

Литература

- 1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-Ф3 // Собр. законодательства PΦ. 1996.
- 2. Об организации страхового дела в Российской Федерации : Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 23.04.2018).
 - 3. Архипов А. П. Страхование: учебник. М.: КНОРУС, 2012. 288 с.
- 4. Агентство страховых новостей [Электронный ресурс] : [сайт]. URL: http://www.asn-news.ru/ (дата обращения: 8.05.2018).
- 5. Банки.ру [Электронный ресурс] : информационное агентство. URL: http://www.banki.ru/ (дата обращения: 8.05.2018).
 - 6. Агеев Ш. Р. Страхование: теория, практика, зарубежный опыт. М.: Дело, 2013.
 - 7. Климова М. А. Страхование: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУП, 2013.
- 8. Агентство бизнес новостей [Электронный ресурс] : [сайт]. URL: https://abnews.ru/ (дата обращения: 8.05.2018).
- 9. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 8.05.2018).
- 10. Insurant-info.ru : информационный сайт о страховании [Электронный ресурс]. URL: https://insurant-info.ru/ (дата обращения: 8.05.2018).
- 11. Про страхование. Страхование в России. Рейтинг страховых компаний. Подбор страховой компании [Электронный ресурс]. URL: https://prostrahovanie.ru/ (дата обращения: 8.05.2018).
- 12. Балабанов И. Т. Страхование. Организация. Структура. Практика / И. Т. Балабанов, А. И. Балабанов. СПб. : Питер, 2016. 256 с.
- 13. РБК [Электронный ресурс] : информационное агентство. URL: https://ekb.rbc.ru/ (дата обращения: 8.05.2018).
- 14. Актуальные проблемы функционирования страховой системы Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. 2015. № 46 (599). С. 17–23.
- 15. Страхование сегодня [Электронный ресурс] : [сайт]. URL: http://www.insur-info.ru/ (дата обращения: 8.05.2018).

Elizaveta Andreevna Lykova,

Master Student, Department of Finance, Money Circulation and Credit, the Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Insurance Market of the Russian Federation: Trend and Prospects

This article is devoted to topical issues of the insurance market development in the Russian Federation. In analyses the indicators of the Russian insurance market such as the number of subjects of the insurance market, the amount of insurance premiums, the amount of the insurance payments, and the number of the signed insurance contracts. The dynamics of these indicators in 2015–2017 is provided. The author has considered the structure of the insurance market created on the types of insurance for the years researched. In the presented analysis, the main tendencies of the Russian insurance market have been revealed, the possible prospects of this market have been determined.

Key words: insurance market; insurance; insurance companies; insurance premiums; insurance payments.

Влияние экономических кризисов на банковский сектор Российской Федерации

Экономические кризисы наносят большой ущерб практически всем сферам жизни в государстве, в том числе и банковскому сектору. На протяжении всей истории Российской Федерации давление на банковский сектор было колоссальным. В девяностых годах это было связано с надеждой на банки, которые должны были помочь при формировании нового государства, но «молодость» той законодательной базы минимизировала эффективность банков в этом направлении, многие создавали банки для собственных предприятий. Именно в период с 1998-го по 2000-е годы многие банки были закрыты. Если же вспоминать кризис 2008 года, то в целом он Россию коснулся опосредованно, поэтому и выводов было сделано недостаточно, чтобы увеличить эффективность государства, и банковского сектора в частности. Но все-таки кое-какие выводы были сделаны, в том числе Центральный банк усилил контроль за сектором, и уже к 2014 году начал очистку от «токсичных» учреждений. Локальный экономический кризис 2014 года серьезно сказался на взаимодействии с зарубежными компаниями и на отечественных предприятиях, которые вели свою деятельность на территории других государств и активно использовали расчеты в иностранной валюте. Банки тогда испытывали огромные проблемы... Но есть ли положительные эффекты от кризисов для банковского сектора? Ответ именно на этот вопрос попытались найти авторы в данном исследовании.

Ключевые слова: ЦБ РФ, банки, кризис, активы, вклады, валюта.

Введение

Автор считает данную проблему актуальной, потому что в обществе освещается только негативная сторона влияния экономических кризисов на все сферы жизни, но есть и положительные моменты. Именно на примере банковского сектора можно продемонстрировать благоприятный эффект от кризисных времен. Соответственно целью данной работы является изучение влияния экономических кризисов на банковскую сферу, а также выявление положительных эффектов от этого воздействия. Для достижения поставленной цели потребуется решить следующие задачи:

- изучить экономические кризисы за период существования Российской Федерации как отдельного государства;
- выделить отличительные черты влияния кризисов на банковский сектор, а также состояние последнего;
 - определить последствия кризисов, в том числе положительных.

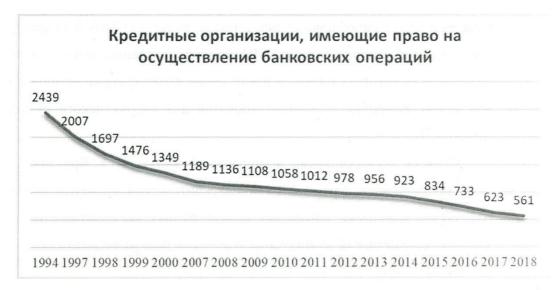
Кризис является сильным стрессом для всех сфер экономики страны, а еще большее влияние данный процесс оказывает на развивающиеся, незащищенные страны и оставляет свой след в развитии на долгие годы вперед. Влияние экономических кризисов на сферы неравномерно, все зависит от подготовленности и уровня развития данного направления. На сегодняшний момент банковский сектор является отражением состояния национальной экономики, поэтому все волнения, которые происходили в стране и в мире, серьезным образом влияли на даль-

^{*} Валерий Алексеевич Паньков, студент группы ЭМ-443308, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

^{**} **Наталья Николаевна Мокеева,** канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

нейшую деятельность банков и кредитных учреждений в целом. Если брать кризисные времена 1990-х годов, то как раз в этот период появилось большое количество частных банков. Прежде всего это связано с тем, что российский рубль серьезно обесценился, и это в свою очередь привело к тому, что у состоятельных людей был выбор: либо купить жене шубу, либо купить (создать) банк. Практически каждый предприниматель также считал, что, создав банк при предприятии, он сможет безнаказанно скрывать поток денежных средств и отмывать их. К сожалению, на тот момент создание банка для подобных целей было возможно из-за слабого развития законодательства в России. Банковский сектор разбух, как мыльный пузырь, и вмещал в себя порядка 1 400 банков (1992 год), что для такого маленького сектора, как российский, было непозволительной роскошью. В 1990-х годах у населения популярностью не пользовались банки, потому что они переживали за сохранность своих денежных средств, а после развала СССР им было сложно доверять даже государству, а про уровень доверия к частным банкам вообще говорить не стоит. А к середине 90-х действовало уже более 2 400 банков, причем в основной своей массе – мелкие банки, которые не были востребованы среди населения, решали задачи и проблемы собственников. Банки были заинтересованы в получении прибыли здесь и сейчас, именно поэтому заработок был основан на спекулятивных операциях с валютой, которая полилась в страну. Стоит напомнить, что в 1990 году было всего 358 банков, а к 1995 году уже свыше 2 500. Соответственно, при наличии такого количества банков сложно держать систему в равновесии и всем соблюдать разумные рамки, поэтому при техническом дефолте 1998 года большинство кредитных учреждений рухнуло, так как не имело возможности в короткий промежуток времени всем вернуть их денежные средства, а значит, должны были объявлять себя банкротами. Поэтому в период с 1995-го по 2001 год с рынка исчезло порядка 1 200 банков, что составляло 50 % рынка. Эти изменения напрямую связаны с кризисом в стране 1998 года, который стал чертой невозврата для экономического развития страны. Порядка 30 % банков были проблемными в начале года, их доля к концу периода увеличилась до 50 %, что является критической планкой, переступив которую можно считать, что имеет место системный кризис. К счастью, дальше ситуация развивалась под контролем ЦБ РФ, что не привело к критической дестабилизации ситуации. Проблемы испытывали даже банки, которые не вели рисковую деятельность. Такие условия заставили банки смотреть не только в короткую, но и строить более продуманную стратегию. Из последствий стоит отметить не только сокращение рынка, но и подрыв доверия к банкам со стороны населения, до сих пор многие не могут отдать свои сбережения последним из-за кризиса 98-го года, хотя сейчас ситуация является кардинально другой. Данный аспект является довольно щепетильным фактором для развития банковского сектора, с учетом менталитета большинство самостоятельно без дополнительной работы банка по привлечению клиентов не понесут свои деньги, но при возникновении какой-либо критической ситуации или ее возможности будут выводить свои средства со счетов банка.

Вплоть до кризиса 2008 года банковский сектор медленно сокращался, но не теми темпами, которые требовались для приведения в порядок (рис. 1).

 $Puc.\ 1.\ Количество\ действующих\ банков\ в\ P\Phi^I$

За семь лет количество банков сократилось менее чем на 100, что все еще позволяло утверждать, что сектор раздут. Но во время кризиса недоверие к банкам со стороны россиян снова усилилось, и при первых же весточках, что в стране все плохо или банки перестанут возвращать деньги, люди сразу же решили закрывать свои счета в банках, что, в свою очередь, снова дестабилизировало ситуацию среди банков, многим пришлось искать дополнительные источники финансирования из-за крайне печального положения. Конечно, повезло нашим банкам, которые не участвовали в мыльном пузыре, который, лопнув, вызвал кризис, здесь уже помогла отдаленность по уровню развития нашего банковского сектора от западных конкурентов, но также сократило объем привлеченных иностранных средств, ведь зарубежные банки пострадали очень сильно. Кризис 2008–2010 годов не так сильно повлиял на равновесие в банковском секторе, но снова позволил отыскать тех игроков, которые были уже в критическом состоянии. Да, банки, которые осуществляли большое количество операций с валютой и деятельность которых была завязана с международными сделками, были вынуждены менять направление развития, но таких оказалось не так много.

Вплоть до 2014 года сектор сокращался все так же незначительными темпами, но уже чуть лучше, чем в предыдущий отрезок. За 6 лет отозваны лицензии были у 200 банков. А вот после 2014 года на сектор повлиял не только кризис, но и действия ЦБ, который решительно взялся за устранение сомнительных банков, которые занимались непонятными операциями и действовали в интересах одной стороны, своих владельцев, но при этом и не гнушались нарушать законодательство. Поэтому к 2018 году, т. е. за 4 года, количество банков сократилось чуть меньше, чем на 500 штук, и остановилось на отметке в 561. Кризис отношений с зарубежными странами и девальвация рубля повлияли на это сокращение, ведь маленьким кредитным организациям становилось все сложнее привлекать денежные средства, иностранные инвестиции свелись к нулю, банки, созданные для «обеления» какого-то предприятия, зачастую попадали под санкции, а значит, и лишались львиной доли денежных потоков, которые не позволяли существовать, соблюдая законодательство.

¹ Составлено автором по [2].

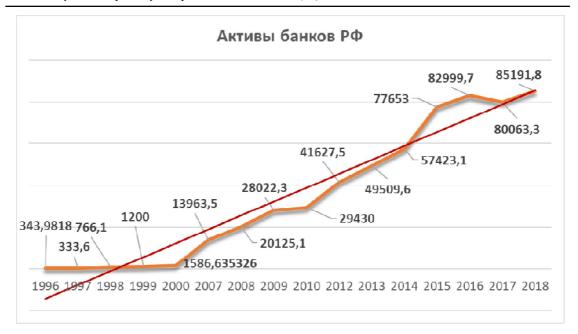

Рис. 2. Активы банков РФ, млрд рублей

Стоит рассматривать не только изменения по количеству банков, которые вели свою деятельность в каждый из годов, но и совокупное количество активов, которыми владели банки. Если рассматривать этот показатель в рублях, то сразу заметно, что каких-то критических падений показателя не было на протяжении всего исследуемого периода, единственным исключением является период с 2016-го по 2017 год (рис. 2). Прежде всего, это связано с большим количеством отзывов лицензий у банков с немалыми размерами активов, а значит, рынок терял не только участника, но и капитал, который мог создать этот банк. Даже в трудные времена российский рынок мог поддерживать свою состоятельность, и постоянно был прирост активов практически у всех банков. В особенности в 2014 году банковский сектор мог потерять большое количество активов, но из-за того, что многие проблемные банки покупались более крупными игроками («ФК Открытие» и «Бинбанк»), удавалось удерживать капитал внутри сектора. Если же данные показатели рассмотреть в долларах США, то будут заметны все скачки, и в особенности влияние кризисов (рис. 3).

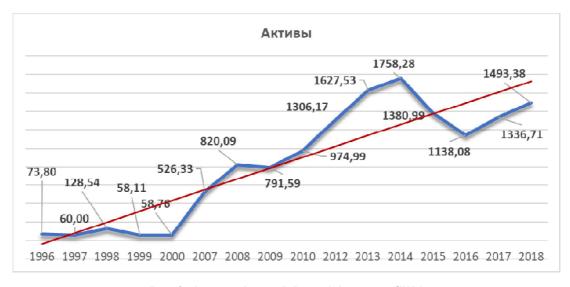

Рис. 3. Активы банков РФ, млрд долларов США

Эти данные демонстрируют уже не столь радужную картину. Из графика (рис. 3) видно, что кризис 2008 года привел к сокращению совокупных активов, если пересчитывать по актуальному на ту дату курсу. Падение показателя составило 3,47 %, что заставило банки пересмотреть свой курс развития, что должно было позволить им стабилизировать свое положение. В принципе кризис ипотечного кредитования во всем мире заставил задуматься о правильности выбранной стратегии, а значит, и фундаментально пересмотреть многие подходы. В России, в свою очередь, влияние кризиса было не таким масштабным, потому что данный инструмент использовался намного меньше, чем за рубежом. В долгосрочной перспективе банковский сектор не пересмотрел своих подходов и практически не обратил внимания на мировые тенденции в этой отрасли. Из-за того, что в период с 2014-го по 2016 год курс рубля испытывал серьезные проблемы и не было определенности по перспективам, многие банки теряли деньги из-за своей привязанности к валютным операциям, в частности с бумагами по РЕПО, а значит, нарушался баланс внутри структуры. Сокращение активов в долларах за два года составило 35,27 %, что является колоссальным падением. Это было бы еще серьезней, если бы наши банки были представлены на международной арене. Как раз в этот период и начали раскрываться внутренние проблемы крупных банков, что могло привести к дальнейшим проблемам всего сектора в целом, но после введения нового инструмента, санации, удалось избежать катастрофических последствий для банковского сектора и населения.

Переходя к анализу движения средств физических лиц, нужно понимать, что это самая нестабильная категория пассивов, которая при любом подозрении на то, что у банка проблемы, моментально постарается вывести собственные средства, при этом законодательство всегда находится на стороне населения, обеспечивая страхование всех вкладов до 1,4 млн рублей, а также возможность возвращения средств без штрафов и санкций. Связано такое поведение прежде всего с низкой грамотностью населения, данным вопросом сейчас занимается Центральный банк. Большинство россиян хранит деньги в национальной валюте, поэтому стоит анализировать депозиты физических лиц в национальной валюте (рис. 4).

Рис. 4. Вклады физических лиц в банках РФ, млрд рублей

Ситуация примерно такая же, что и с активами, нет каких-то резких скачков, которые могли бы дестабилизировать текущее положение на первый взгляд, но если, в частности, рассматривать передвижение средств в конкретные периоды, то многие забирали вклады из одних банков и тут же несли в другие (рис. 4). В эти

моменты выигрывают крупные банки, которые могут за счет своего имиджа нерушимых «мастодонтов» пообещать надежность, а также защиту вкладов, но мало кто задумывался, что и банки, у которых есть проблемы, тоже страхуют вклады в АСВ. Постоянный переток средств внутри сектора от банка к банку, в особенности по вкладам физических лиц, не способствует гармоничному и сбалансированному развитию сектора; да, фактор конкуренции возрастает, но ее нельзя назвать честной или справедливой. В последние год появилась тенденция к укрупнению банков и сокращению числа маленьких банков, что может негативно повлиять на развитие сектора и цены для потребителей, но данная проблема лежит за рамками текущего исследования.

Да, каждый кризис — тяжелое время для всей страны, для каждого сектора, в особенности для банковского, но в современных реалиях нашей страны кризисы были неким хищником, который очищал сектор от больных, неконкурентоспособных и нечестных банков, что позволяло сектору, при правильной оценке, развиваться, а не увядать. Но, к сожалению, банками правильные выводы делались только в последние 3 года. Каждый раз после кризиса банковский сектор делал неправильные выводы и продолжал заниматься непонятными делами, что и приводило к колоссальным трудностям во время следующего кризиса. Можно сказать, что на сегодняшний день банковский сектор и надзорные органы сделали правильные выводы после всех кризисов, теперь не только критическая ситуация очищает от сомнительных банков, но и активно этот процесс осуществляется и главным надзорным органом — Центральным банком Российской Федерации. Главное, чтобы в дальнейшем данный метод чистки сектора был не использован для максимального сокращения конкуренции среди банков, а для оздоровления.

Заключение

Данным исследованием авторы доказали, что положительные эффекты, влияющие на банковский сектор, имеют место и по сей день. Поставленные задачи были выполнены, а значит, и достигнута цель данного исследования. Экономические кризисы очищают банковский сектор от организаций, которые неспособны вести свою деятельность в рамках закона и неконкурентоспособны при рыночной конкуренции. Поэтому однозначно говорить о том, что кризисы – негативный процесс, нельзя.

Литература

- 1. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1-Ф3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW 5842/ (дата обращения: 21.04.2018).
- 2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 01.05.2017 № 84-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 216065/ (дата обращения: 28.04.2018).
- 3. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-Ф3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 12.04.2018).
- 4. О порядке регулирования отношений, связанных с осуществлением мер по предупреждению несостоятельности (банкротства) кредитных организаций [Электронный ресурс]: Инструкция Банка России от 11.11.2005 № 126-И. URL: http://base.garant.ru/12143551/ (дата обращения: 8.04.2018).
- 5. Об обязательных нормативах банков [Электронный ресурс] : Инструкция Банка России от 28.06.2017 № 180-И. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW _220206/ (дата обращения: 27.04.2018).

- 6. Об обязательных резервных требованиях [Электронный ресурс] : Указание Банка России от 27 декабря 2016 года № 4253-У // Вестник Банка России. № 115-116 (1833-1834) от 30.12.2016). URL: http://www.cbr.ru/publ/Vestnik/ves161230115-116.pdf (дата обращения: 14.04.2018).
- 7. Паньков В. А. Кредитные карты и их влияние на экономику // Современные финансово-экономические инструменты развития экономики регионов : сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. М. : Олимп, 2016. С. 194–197.
- 8. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: http://minfin.ru/ru/ (дата обращения: 16.02.2018).
- 9. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 22.04.2018).
- 10. Официальный сайт Агентства по страхованию вкладов. URL: https://www.asv.org.ru/ (дата обращения: 20.04.2018).
- 11. Grandars : аналитический ресурс. URL: http://www.grandars.ru/ (дата обращения: 25.02.2018).
- 12. Портал банковского аналитика «Анализ банков». URL: http://analizbankov.ru (дата обращения: 20.04.2018).
- 13. Сайт информационного агентства «Bankir.Ru». URL: http://bankir.ru (дата обращения: 25.04.2018).
- 14. Банки.py : аналитический ресурс. URL: http://www.banki.ru/ (дата обращения: 23.04.2018).
- 15. Официальный сайт электронного периодического издания «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 18.04.2018).
- 16. Официальный сайт информационного агентства «РБК». URL: http://www.rbc. ru/ (дата обращения: 27.03.2018).
- 17. Официальный сайт ООО «Сравни.ру». URL: https://www.sravni.ru/ (дата обращения: 7.04.2018).
- 18. Официальный сайт издания «Коммерсант». URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 21.04.2018).
- 19. Официальный сайт Управляющей компании Фонда консолидации банковского сектора. URL: http://www.amfbc.ru/ (дата обращения: 22.04.2018).

Valeriy Alekseyevich Pan'kov,

Student, the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Natalia Nikolavevna Mokeveva,

Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Finances, Money Circulation and Credit, the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Impact of Economic Crises on the Banking Sector of the Russian Federation

Economic crises inflict great damage on almost all spheres of life in the state, including the banking sector experiencing problems in such an atmosphere. The pressure on the banking sector has been enormous throughout the history of the Russian Federation. In the nineties, this was associated with the hope for banks, which were expected to support the new state formation, but the "young age" of the legislative base minimized the effectiveness of banks in this field, and many enterprises created banks for their own purposes. It was in the period from 1998 to 2000 years when many banks were closed. If we recall the crisis of 2008, in general, it touched Russia indirectly, so the lessons of the crisis were not enough to increase the effectiveness of the State and the banking sector in particular. Still some encouraging conclusions had been drawn, including the central bank strengthening control over the sector and clearing out the "toxic" institutions by 2014. The local economic crisis of 2014, which seriously affected the interaction with foreign companies and domestic enterprises working in the territory of other countries and actively using settlements in foreign currency. The banks then faced huge problems... However,

are there any positive effects from the crises for the banking sector? The answer to this question the author tried to find in this study.

Key words: Central Bank of Russia; banks; crisis; assets; deposits; currency.

УДК 332.834 **В. Д. Пиксайкина***

Международный опыт экономического финансирования жилищного строительства и пути его применения в России

На сегодня в России существует огромная потребность в жилье, но высокие цены на недвижимость делают его практически недосягаемым для большинства населения страны, а высокий уровень риска при инвестировании в отрасль только усложняет ситуацию. Для поиска путей решения проблемы необходимо изучить международный опыт в этой сфере. В статье обоснована целесообразность использования в России американской системы ипотечного кредитования, учитывая наличие соответствующего законодательства и необходимых учреждений. Предложен механизм финансирования жилищного строительства с привлечением местных органов власти и описаны преимущества от его применения. Ключевые слова: жилищное строительство; ипотечное кредитование; недвижимость; рынок ипотечных ценных бумаг; механизм финансирования жилищного строительства.

Цель. Выявить возможности для использования в России международного опыта финансирования жилищного строительства путем изучения самых распространенных в мире систем ипотечного кредитования.

Метод. В работе использованы такие методы исследования, как анализ и графическое моделирование, что позволило основательно исследовать функционирование зарубежных систем ипотечного кредитования.

Результаты. В работе рассмотрены особенности построения действенных систем финансирования жилищного строительства за рубежом, которые основываются на ипотечном кредитовании. Исследован мировой опыт финансирования возведения жилья - немецкая, европейская и американская модели ипотечного кредитования. Определено, что немецкая является закрытой системой, в которой кредитные ресурсы формируются исключительно за счет взносов участников. При этом ее основным недостатком является нехватка возможностей в привлечении финансовых ресурсов, но ее закрытость обусловливает надежность и независимость от процессов в финансовой системе страны. Охарактеризована европейская система ипотечного кредитования, в основе которой лежит сеть универсальных банков и специализированных ипотечных банков, которые не ограничены в своей деятельности. Преимуществом такой системы являются значительно большие возможности для привлечения кредитных ресурсов и расширения деятельности, однако это вызывает зависимость от состояния финансового рынка страны. Рассмотрен механизм функционирования американской системы, который предусматривает создание вторичного рынка ипотечных ценных бумаг, где осуществляется рефинансирование выданных ипотечных кредитов. Эта модель позволяет привлекать значительные средства для кредитования, однако требует высокого развития фондового рынка страны и увеличивает нагрузку на бюджет.

Потребность в жилье является базовой для человека. Чем более развито общество, тем выше требования к жилью, его улучшению, модернизации, расширению. Именно поэтому существует постоянная потребность в жилищном строительстве. Обеспечение жильем в России является важной стратегической задачей национального масштаба. Однако высокие цены на недвижимость делают его недосягаемым для большинства населения страны, а высокий уровень риска при инвестировании в отрасль удерживает высокие цены. Рынок ипотечного жилья в Рос-

^{*} Валерия Дмитриевна Пиксайкина, магистр Института строительства и архитектуры, НИУ Московский государственный строительный университет (г. Москва).

[©] В. Д. Пиксайкина, 2017

сии стабильно растет, но в структуре общего количества кредитов ипотечные кредиты на конец 2015 года составляют 5,47 % от общего уровня ВВП, что значительно ниже доли в экономически стабильных и развитых странах. Это указывает на то, что в России ипотечное кредитование находится пока еще на начальной стадии развития. Однако рост объемов ипотечного кредитования указывает на большой потенциал данной сферы. По данным официальной статистики по состоянию на 2016 г., в России было выдано ипотечных кредитов на общую сумму почти 8 608 956 млн рублей, что по количеству составляет чуть более 5 млн единиц сделок [6]. Однако некоторая его часть строится с нарушениями как технической, так и разрешительной документации. Также в связи с несовершенством законодательства есть случаи махинаций с недвижимостью. Именно поэтому существует необходимость поиска такого механизма финансирования жилищного строительства, который бы обеспечивал условия для снижения стоимости жилья, возможных рисков инвесторов и формировал фонд социального жилья. Для выполнения перечисленных задач целесообразно изучить международный опыт в финансировании возведения жилья и найти пути для его применения в отечественных условиях.

Проблемы финансирования жилищного строительства рассмотрены в значительном количестве научных трудов. Так, преимущества и недостатки механизмов кредитного финансирования освещены в работах таких зарубежных ученых, как Н. Бахенен, Г. Страйк, Дж. Хегедас. В России международный опыт в сфере ипотечного кредитования изучали С. Даниленко [1], Е. Захарова [2], Д. Прохорова [4], Э. Склярова [5], они также исследовали состояние отечественного рынка финансирования жилья. Большинство наработок посвящено рынку ипотечного кредитования как основному источнику привлечения средств в жилищное строительство, однако основное внимание обращается на банковское кредитование, а проблемы рисков, которые возникают для отдельных инвесторов, не рассматриваются. Поэтому вопросы использования международного опыта в финансировании жилья в отечественных условиях с целью снижения его стоимости и рисков при инвестировании и ипотечном кредитовании остаются открытыми.

Следует изучить успешный международный опыт финансирования жилья, выделить преимущества и недостатки различных систем финансирования и выявить возможности их использования в условиях отечественного рынка.

Общим для россиян и жителей развитых стран мира является то, что большинство населения не в состоянии приобрести жилье сразу. В основном оно покупается из сэкономленных средств или благодаря ипотечным кредитам. Механизмы предоставления кредитов отличается в разных странах мира, и каждый из них имеет преимущества и недостатки. Кредиты могут предоставлять универсальные банки, специализированные банки, кредитно-сберегательные учреждения. Традиционно ипотечный рынок разделяют на первичный и вторичный. К первичному относится непосредственная выдача ипотечных кредитов и уплата процентов по ним. По такому принципу функционирует немецкая (сбалансированная, закрытая) модель ипотечного кредитования и европейская (ограниченно открытая). Вторичный рынок – это не только предоставление ипотечных кредитов, но и их рефинансирование путем выпуска ипотечных ценных бумаг. Он бывает одно- или двухуровневым. Одноуровневым считается рынок, на котором учреждение, выдавшее кредит, выпускает и распространяет ипотечные ценные бумаги. На двухуровневом рынке закладные передаются специализированному ипотечному учреждению, а оно уже формирует пулы ценных бумаг и выпускает их от своего имени. Вторичный рынок является свойственным для американской (расширенно открытой) модели ипотечного кредитования.

Сначала рассмотрим подробнее первичный рынок ипотечных ценных бумаг, а в частности две системы кредитования: немецкую и европейскую.

Немецкая модель ипотечного кредитования. Эта модель, основанная на сети строительно-сберегательных касс (bausparkassen), наибольшее распространение получила в Германии, а также Чехии и Словакии. Закрытой она называется потому, что источником предоставления кредитов являются исключительно денежные средства вкладчиков. Кассам, которые привлекли средства, запрещено заниматься другими финансовыми операциями. С одной стороны, это снижает зависимость от различных изменений в финансовом рынке, а с другой – ограничивает возможности для кредитного расширения. Механизм действия строительно-сберегательных касс (ССК) такой: сначала участник делает денежные взносы в кассу под проценты, которые ниже рыночных, а после того, как его накопления составят 30-50 % от стоимости квартиры (в зависимости от условий ССК), ему предоставляется ипотечный кредит под проценты ниже рыночных. Процентные ставки по вкладу и кредиту отражены в договоре участия в ССК и не меняются в течение всего срока ее действия. Существует возможность отказаться от кредита и просто забрать свои вложения с начисленными процентами. Также государство принимает участие в финансировании жилья путем выплаты премий участникам, фактически это компенсирует инфляцию и стимулирует к участию в ССК. Механизм функционирования строительно-сберегательных касс показан на рисунке 1.

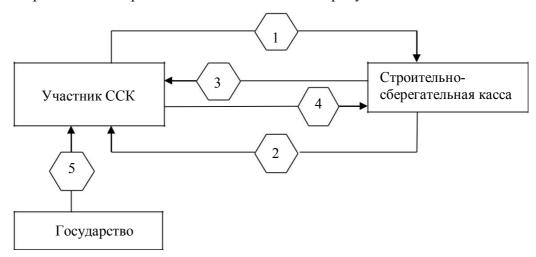

Рис. 1. Немецкая модель ипотечного кредитования

Здесь: 1 — осуществление денежных взносов; 2 — начисление процентов на вклады по ставке ниже рыночной; 3 — предоставление ипотечного кредита после накопления 30—50 % от стоимости жилья; 4 — осуществление платежей по кредиту по ставке ниже рыночной; 5 — выплата государством премии участнику.

Европейская модель ипотечного кредитования характеризуется большей открытостью по сравнению с немецкой. В ней ипотечные кредиты предоставляют универсальные банки или специализированные ипотечные банки, которые не ограничены законодательно в отношении своих финансовых операций. Поэтому кредитными ресурсами являются не только вклады населения, но и другие финансовые ресурсы. Это расширяет возможности для кредитования, но создает зависимость от состояния финансовых рынков государства (рис. 2).

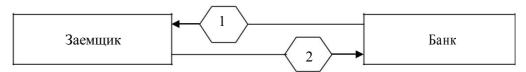

Рис. 2. Европейская модель ипотечного кредитования

Здесь: 1 – выдача ипотечного кредита под проценты по рыночной ставке; 2 – осуществление платежей по выданному ипотечному кредиту.

Согласно этой модели, заемщик обращается в банк и после проверки платежеспособности и кредитной истории получает ипотечный кредит под рыночные процентные ставки. При этом он самостоятельно оплачивает часть стоимости жилья (около 30 %) и не имеет обязательства накапливать эти средства на счетах конкретного банка в течение определенного времени. Государство, как правило, активного участия в ипотечном кредитовании не принимает.

Американская модель ипотечного кредитования — это вторичный рынок ипотечных ценных бумаг в виде одно- и двухуровневой системы. Первая наибольшее распространение получила в Западной Европе, Латинской Америке, Иордании, а вторая система популярна в США, Австралии, Великобритании. Вторичный рынок подразумевает осуществление секьюритизации ипотечных кредитов путем их рефинансирования. Одноуровневой системой считается проведение операций без привлечения операторов вторичного рынка — специализированных ипотечных учреждений. В этом механизме банк, выдав ипотечный кредит заемщику под рыночные проценты, или перепродает кредит другому банку (осуществляет залог закладной), или сводит вместе кредиты с общими признаками и выпускает ипотечные сертификаты и распространяет их.

Самостоятельное рефинансирование банков путем эмиссии ипотечных ценных бумаг проблематично в связи с трудностями, которые возникают при формировании пулов ипотек, достаточных для такой эмиссии [5]. Поэтому одноуровневая система предоставляет возможности для привлечения дополнительных средств, но есть сложность при ее реализации небольшими банками, которые более склонны участвовать в двухуровневой системе кредитования. Одноуровневая ипотечная система графически изображена на рисунке 3.

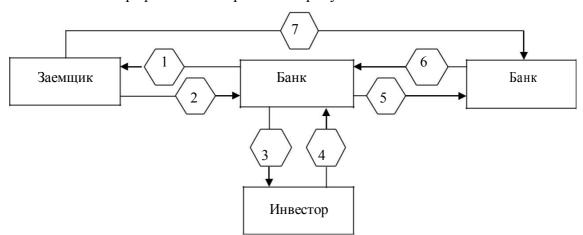

Рис. 3. Одноуровневая система вторичного рынка ипотечных ценных бумаг

Здесь: 1 — выдача ипотечного кредита под проценты по рыночной ставке; 2 — осуществление платежей по выданному ипотечному кредиту; 3 — продажа ипотечных сертификатов, выпущенных на основе группировки ипотечных кредитов; 4 — денежные средства за ипотечные сертификаты; 5 — закладные по выданным ипотечным кредитам; 6 — денежные средства за закладные; 7 — переход на обслуживание в банк покупателя.

Двухуровневая система ипотечного кредитования является значительно более сложной и требует высокого развития финансового рынка страны. Рефинансирование осуществляется посредством специальных ипотечных учреждений (СИУ), которые выкупают у банков ипотечные кредиты, группируют их в пулы по одинаковым признакам и выпускают собственные ипотечные сертификаты с высоким уровнем надежности. В рамках этой системы выгодно выдавать так называемые стандартные кредиты. Это кредиты, условия которых одинаковы, что значительно упрощает и удешевляет их группировку. Наибольшее распространение система получила в США, поэтому и называется американской. В США в 1934 году была создана Федеральная жилищная администрация, которая занимается разработкой правительственных программ, направленных на повышение доступности кредитов для определенных групп населения с недостаточными доходами, а также государственным страхованием кредитного риска по указанным программам [2].

Преимущество двухуровневой системы состоит в том, что банк, работая со специализированным ипотечным учреждением, передает ей не только кредит, но и риски, связанные с ним. В отличие от одноуровневой системы банк может привлечь значительные финансовые ресурсы и, следовательно, выдать населению бо́льшее количество кредитов. Однако эффективное функционирование ее возможно лишь при создании расширенной инфраструктуры ипотечного рынка и при поддержке со стороны государства и его контроле за эмиссией ценных бумаг, которые используются на ипотечном рынке [4].

В США в 1938 году была создана Federal National Mortgage Assotiation, более известная как «Фанни Мэй». Изначально целью ее деятельности было предоставление государственных гарантий и страхование выданных ипотечных кредитов для поддержки рынка после Великой депрессии, впоследствии она начала выкупать закладные у банков. Уже в 1950-х гг. «Фанни Мэй», с целью расширения объемов ипотечного кредитования, стала формировать пулы из выкупленных ипотечных кредитов и выпускать и распространять собственные ипотечные сертификаты, которые пользовались значительной популярностью благодаря высокому уровню надежности. В 1968 году компания была приватизирована, но ипотечные сертификаты и в дальнейшем выпускались под государственные гарантии. В 1970 году была создана аналогичная компания «Фредди Мак» (Federal Home Loan Mortgage), однако столь активное расширение рынка ипотечного кредитования привело к негативным последствиям: займы выдавали очень активно, часто без достаточного имущественного обеспечения, и когда в 2007 году начался рост кредитных ставок и снижение стоимости жилья, то многим заемщикам показалось выгоднее отказаться от кредита, чем платить проценты по нему.

Однако массовая продажа заложенной недвижимости привела к дальнейшему ее удешевлению и не смогла покрыть стоимость выданных кредитов. Это повлекло за собой обвал рынка ипотечного кредитования в США, перекинувшийся и на европейские страны, поскольку ценные бумаги американских операторов вторичного рынка считались очень надежными и были распространены во всем мире. После длительных обсуждений было принято решение о государственной поддержке этих компаний. В течение 2008–2012 годов были осуществлены значительные финансовые вложения, и это дало положительный результат. По данным сайта www.bloomberg.com, уже за первый квартал 2013 года «Фанни Мэй» получила \$8,1 млрд чистой прибыли, при дополнительно вложенных в нее государством \$117,1 млрд. На сегодня вторичный рынок ипотечного кредитования в США продолжает успешно функционировать, однако условия предоставления займов добросовестно контролируются.

Каждая из рассмотренных систем финансирования жилищного строительства имеет преимущества и недостатки, и внедрение одной из них в России является

сложной задачей. Следует отметить, что в государстве уже были созданы условия для внедрения американской системы ипотечного кредитования, однако экономическо-политические реалии нивелируют проведенные реформы и требуют дальнейших наработок. В частности, совершенствования нормативно-правовых условий и создания условий для стабильной работы финансового рынка.

Целесообразным является введение нового механизма финансирования жилищного строительства, при котором возведение жилья происходило бы с привлечением местных органов власти.

В этом случае заказчиком строительства выступит жилищный отдел при горадминистрации, а привлечение средств населения будет осуществляться путем выпуска городом ипотечных облигаций и распространения их через государственный или муниципальный банк. Гарантии возведения жилья город будет предоставлять своим имуществом.

Исполнитель строительных работ будет выбираться на основе тендера, а прибыль будет получать в соответствии с утвержденной проектно-сметной документацией. Также город имеет возможность полученную прибыль направить на формирование фонда социального жилья. Кредиты, выданные на приобретение строящегося жилья под гарантии города, отличаются высоким уровнем надежности и позволяют привлечь вторичный рынок ипотечных ценных бумаг. Государственное ипотечное учреждение будет выкупать закладные у банков и выпускать ипотечные сертификаты. Таким образом сертификаты получили бы двойные гарантии от города на заложенное жилье и от государства на их погашение. Поскольку такие кредиты будут выдаваться на приобретение жилья с высокой надежностью, то это создаст предпосылки для снижения процентных ставок и жилье станет доступнее.

Проведенный анализ показал, что в мире не существует единой принятой модели финансирования жилищного строительства. Каждая из проанализированных систем имеет преимущества и недостатки. И для их эффективного функционирования необходима развитая финансовая система страны и урегулированные нормативно-правовые основы. В статье обоснован механизм финансирования жилищного строительства, в котором заказчиком будут выступать местные органы власти, а средства населения будут привлекаться путем выпуска муниципальных целевых облигаций. Кредиты, выданные для приобретения такого жилья, будут создавать предпосылки для функционирования вторичного рынка ипотечных ценных бумаг путем их рефинансирования государственным ипотечным учреждением. Для реализации предложенного механизма необходимо исследовать уже наработанную в государстве нормативно-правовую базу.

Дальнейшее исследование вопроса требует детального просчитывания возможных доходов и расходов при реализации предложенного механизма, а также выявления и минимизации рисков на каждом этапе финансирования строительства.

Литература

- 1. Даниленко С. А. Банковское потребительское кредитование : учебник / С. А. Даниленко, М. В. Комиссарова. М. : Юстицинформ, 2011. 384 с.
- 2. Захарова Е. С. Развитие рынка ипотечного кредитования в России [Электронный ресурс] / Е. С. Захарова // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки : сб. ст. по материалам XXVII Междунар. студ. науч.-практ. конф. − 2015. № 12(27). URL: http://sibac.info/archive/economy/12(27).pdf
- 3. Количество кредитных организаций участников рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации (Банка России) [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TbIID=3-1

- 4. Прохорова Д. А. Проблемы и перспективы развития ипотечного кредитования в России / Д. А. Прохорова // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 952–955.
- 5. Склярова Э. В. Современное состояние рынка ипотечного жилищного кредитования в России / Э. В. Склярова, А. И. Лиман // Экономические науки. -2016. -№ 1. C. 81–86.
- 6. Годовой отчет Агентства по ипотечному жилищному кредитованию за 2016 год // Официальный сайт ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию». URL: https://дом.pф/

Valeria Dmitrievna Piksaikina,

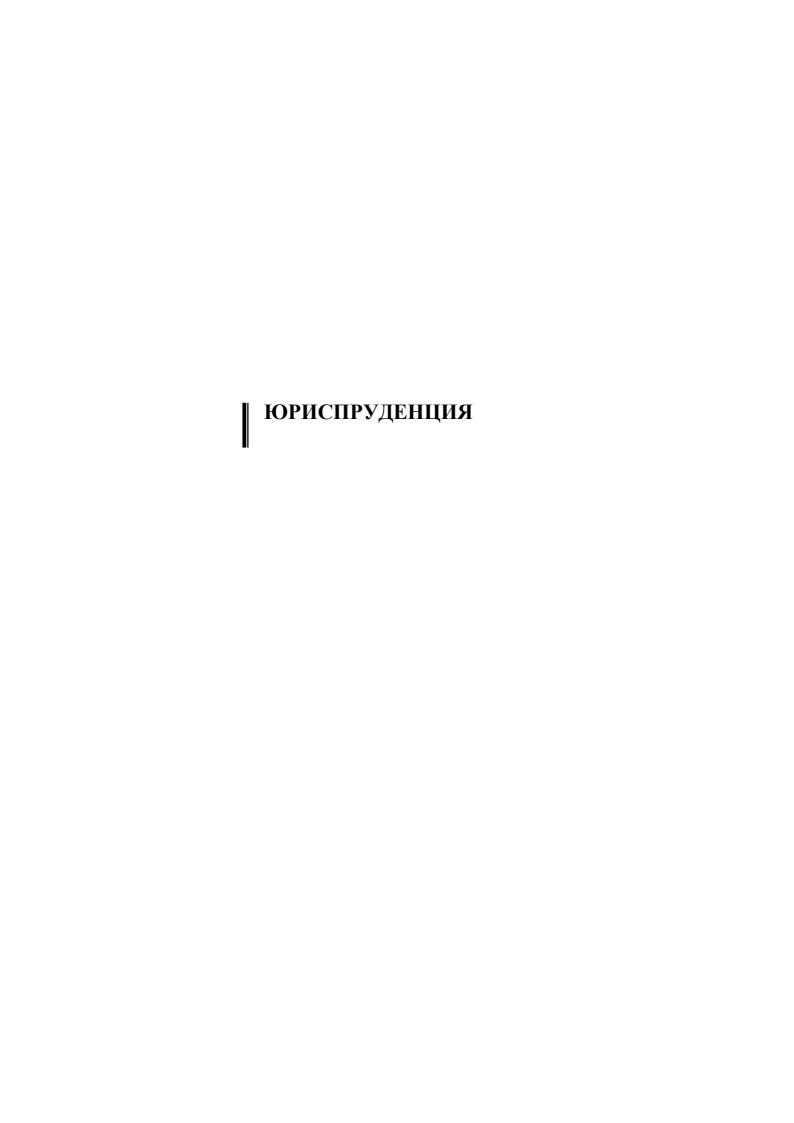
Master Student, Institute of Civil Engineering and Architecture, NRU Moscow State University of Civil Engineering (Moscow)

International Experience of Economic Financing of Housing Engineering and its Application in Russia

Today there is a huge need in housing in Russia, but the high level of prices makes it tremendously hard of access for the majority of population. The high risk of investment makes the situation even more difficult as well. Searching for the solutions of this problem, we need to study the experience of other countries in housing development finance.

The article provides the opportunities of using American methods of mortgage taking into account the availability of proper legislation and official bodies. It also makes a proposal for a mechanism to finance housing development involving local executive authorities and describes their advantages.

Key words: housing financing; mortgage; real estate; MBS; mortgage-backed securities; housing finance mechanisms.

УДК 340.131 **М. Тропер***

Реализм и судья Конституционного суда**

В статье анализируются особенности деятельности судей Конституционного суда, которые позволяют называть их реалистами. Автор исходит из того, что словом «реализм» может обозначаться либо одно из направлений общей теории права, либо тип поведения, либо онтология права. По его мнению, эти значения соответствуют трем различным типам языка. Поскольку они логически не взаимосвязаны между собой, судья Конституционного суда может быть реалистом с одной точки зрения и не быть им – с другой. Кроме того, реалистическая правовая теория допускает существование лишь эмпирических фактов и объявляет универсалии фикциями, поэтому онтологический реализм и реализм как правовая теория несовместимы. Выбор нормы права, применяемой судьей, зависит от эпистемологических предпосылок, аналогичных предпосылкам, находящимся в основании познания права. На примерах из практики Конституционного совета Франции автор рассматривает вопрос о возможности судьи быть реалистом. В результате он приходит к выводу о том, что провозглашение себя реалистом позволяет судье Конституционного суда повысить уровень легитимности и приводит к усилению его дискреционной власти в политической и правовой системах современного демократического общества.

Ключевые слова: судья; конституционный контроль; реализм; суждение; позитивизм; юснатурализм; толкование; ценности; власть; легитимность.

Разумно ли хвалить судей за их реализм? Прежде чем ответить на этот вопрос и определить, было бы хорошо или плохо, если бы судьи были реалистами, важно установить, способны ли они быть таковыми и каким образом.

Известно несколько значений слова «реализм». Оно может обозначать либо одно из направлений общей теории права, либо какой-то тип поведения, либо некую онтологию.

В первом из указанных значений этого слова, если к нему добавляется прилагательное «юридический», реализм представляет собой направление в общей теории права, определяемое в качестве отношения, или, как сказал бы Боббио, подхода, заключающегося в намерении описать право таким, каким оно является «реально». Таким, какое оно есть, а не таким, каким оно должно быть согласно той или иной моральной либо политической философии. В этом смысле реализм сближается с юридическим позитивизмом, который, не обязательно отрицая существование естественного права, утверждает, что его не всегда можно описать так, как описывается действующее, т. е. позитивное, право.

Подобно другим направлениям позитивизма, реализм четко различает правовую науку и ее объект. При этом подразумевается, что объект должен рассматриваться как объективная реальность и описываться посредством высказываний, способных быть истинными или ложными. Кроме того, правовая наука должна

^{*} **Мишель Тропер,** доктор права, почетный профессор Университета Париж X – Нантер (Франция), член Университетского института Франции.

^{**}Troper M. Le réalisme et le juge constitutionnel [Electronic resource] // Cahier du Conseil constitutionnel n° 22 (Dossier: Le réalisme en droit constitutionnel) – juin 2007. – URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-22/le-realisme-et-le-juge-constitutionnel.50707.html.

Перевод с французского языка осуществил канд. юрид. наук, завкафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой) В. А. Токарев (basiletok@gmail.com).

[©] M. Troper, 2018

[©] В. А. Токарев, перевод на русский язык, 2018

быть свободной от любых требований и ценностных суждений. Но реализм отличается от других направлений позитивизма, когда заявляет о своем понимании права в качестве эмпирического объекта, а не совокупности идеальных сущностей, наделенных обязательной силой. Такой объект формируется посредством волеизъявлений, особенно наглядно выраженных в решениях суда. Следовательно, речь идет о психосоциальных феноменах. Важно подчеркнуть, что, хотя концепции эмпирического объекта различаются в зависимости от направлений реализма, в рассматриваемом здесь значении реализм является эпистемологией.

Юридический реализм является также совокупностью утверждений о природе или способе функционирования права. Например, «реалистическим» называют такое утверждение, согласно которому правомерность судебных решений не зависит от их соответствия логике или идее интерпретации как функции воли, а не сознания¹.

Во втором значении, когда это слово используется без прилагательного «юридический», под «реализмом» понимается философское утверждение в духе платонизма об объективном существовании универсалий.

Наконец, «реалистичным» в разговорном языке, а не языке правовой теории называют поведение, которое заключается в том, чтобы действовать, отдавая предпочтение реалиям перед абстрактными принципами.

Очевидно, что эти три значения соответствуют трем различным типам языка, и между ними нет логической связи, поэтому можно быть реалистом с одной точки зрения и не быть им с другой. Более того, реализм, как правовая теория, и онтологический реализм несовместимы, поскольку реалистическая правовая теория допускает существование лишь эмпирических фактов, тогда как универсалии она объявляет простыми фикциями.

Является ли судья Конституционного суда реалистом в каком-либо из трех значений этого слова?

І. Судья Конституционного суда и реалистическая теория права

Можно было бы сразу отказаться от попытки представить реалистом судью Конституционного суда, как и любого судью, в рассматриваемом здесь значении этого слова. Если определять реализм как теоретический подход, то каким же образом судья, который является не теоретиком, а практиком, т. е. объектом теории, мог бы быть реалистом?

Однако можно представить несколько аргументов в пользу того, что реализация судебной функции, хотя и связанная с практикой, а не с теорией, предполагает, тем не менее, некоторые теоретические концепции. Очевидно, что практика, образующая объект правовой науки, не настолько радикально отделена от нее, как объекты других социальных наук отделены от тех дисциплин, которые их описывают. Можно изучать социальную группу, не принимая во внимание те социологические теории, которых придерживаются члены данной группы, или их концепции социологии. Напротив, в процессе формирования судей важную роль играют эксплицитные или имплицитные представления о праве, правовой науке или о функции суждения. Более того, эти представления образуют основу самой юридической системы. Например, можно построить юридическую систему на идее о том, что роль судьи заключается в механическом применении установленного правила, или, наоборот, — на идее о том, что судье надлежит искать в каждом конкретном случае наиболее справедливое решение.

Однако даже концепция механического применения правила судьей не решает проблему идентификации правила, подлежащего применению, так как механиче-

¹ Millard E. Article «réalisme» / Alland D. & Rials S. (sous la dir.). Dictionnaire de la culture juridique. – Paris : PUF, coll. «Quadrige», 2003.

ски можно применять моральную норму, но не норму, создаваемую законодателем. Выбор большей посылки, или, если угодно, идентификация подлежащей применению нормы, не осуществляется при помощи того же метода, благодаря которому судья оказывается ближе к позитивизму или юснатурализму в конкретной юридической системе. Это утверждение также справедливо и в отношении выбора метода толкования текста, признанного устанавливающим норму, применяемую судьей.

Между тем обыденный язык описывает судью-«позитивиста» как того, кто ограничивается применением текстов, принятых компетентным органом власти, при этом не исключая ни одного из них и не обосновывая свой выбор среди нескольких текстов какими-либо моральными соображениями. Судьююснатуралиста обыденный язык описывает как того, кто, напротив, отвергает какой-то текст или выбирает между несколькими текстами, руководствуясь моральными соображениями. «Добрый судья» Мано² и нацистский судья возведены в типы судьи-юснатуралиста и судьи-позитивиста соответственно.

Выбор судьей нормы, применяемой им в процессе принятия решения по делу, зависит от эпистемологических предпосылок, которые аналогичны находящимся в основании познания права. Поэтому вопрос о том, может ли судья придерживаться какой-либо правовой теории, вовсе не лишен смысла. Однако отсюда не следует, что судья может придерживаться любой правовой теории. Вопрос о его возможности быть реалистом необходимо рассмотреть также посредством различения, предварительно проведенного в рамках реалистической теории между эпистемологическим измерением и правовой теорией в собственном смысле слова.

А. Реалистический подход

Реалистический подход вытекает из юридического позитивизма, поскольку, как мы отметили выше, он предполагает намерение создавать науку, отличную от ее объекта, отказ от предписывания и определенный способ идентификации правовых правил. Очевидно, что в той мере, в какой роль судьи не сводится к производству научного продукта, первые два момента его не касаются. Относительно третьего справедливо утверждение, согласно которому судья может успешно идентифицировать правила, как это делает юридическая наука, вдохновленная позитивизмом, т. е. обращаясь к тому, что Рональд Дворкин называет «тестом на происхождение».

Под ним понимается исследование текста, содержащего правило, с точки зрения его создания компетентным органом власти в соответствии с определенной процедурой. Так, можно смело назвать французского судью «позитивистом», если он применяет правила, которые приняты Парламентом в форме закона, в соответствии с процедурой, установленной Конституцией, или судью Конституционного суда, если он применяет правила, принятые в конституционно-правовой форме.

Тем не менее именно благодаря этой третьей особенности позитивизма реализм отличается от других его направлений. Позитивисты полагают, что конституанта или законодатель, на самом деле, не являются компетентными органами

² Поль Мано (1848–1926) – французский судья и политический деятель. В 1898 г. он оправдал молодую мать-одиночку, которая обвинялась в краже хлеба из булочной, мотивируя свое решение тем, что подсудимая действовала в состоянии крайней необходимости, поскольку она голодала несколько дней. Его толкование положений ст. 64 Уголовного кодекса впоследствии подтвердил апелляционный суд Амьена, а в 1994 г. понятие «состояние крайней необходимости» получило официальное признание законодателя. Кроме того, П. Мано возместил булочнику стоимость украденного хлеба. Этому судебному процессу были посвящены первые полосы парижских газет, и с легкой руки Ж. Клемансо за П. Мано навсегда закрепилось прозвище «добрый судья». – *Прим. пер.*

власти, устанавливающими правила, в отличие от судьи, – отсюда известная максима «все право создано судьей»³.

Она подразумевает, что юридическая наука должна определять не то, какое правило является применимым, а то, какое правило создаст суд. Науке следует поставить себя на место «плохого человека», который интересуется вместо своих обязанностей возможными последствиями своих действий, т. е. предпринять попытку предсказать решения судей. Согласно формуле одного из основоположников американского реализма Оливера Уэнделла Холмса, «то, что я называю правом, это предсказание того, как будут действовать суды, и ничего более претенциозного» Но очевидно, что эту максиму вряд ли одобрит сам судья, поскольку он не решится признать конституционными только те нормы, которые он сам мог бы создать.

Поэтому теоретика, придерживающегося реалистического направления теории права, если он становится судьей, можно назвать реалистом только в каком-то другом смысле этого слова. Так, в начале Французской революции министерского якобинца считали не способным однажды стать якобинским министром. Индивид может, свободно комментируя решения суда, членом которого он является, рассуждать реалистически, но суд не может ни быть реалистом, ни заявлять, что он сам создает применяемое им правило.

Б. Реалистическая теория права

Юридический реализм включает в себя два основных направления: американский реализм и скандинавский реализм. Они по-разному подходят к решению многих вопросов, но общей у них является, как минимум, теория юридического толкования. Согласно ее положениям, грубо резюмируя, если толкование дается компетентным органом власти, которым, впрочем, не обязательно является суд, и его решения не подлежат обжалованию, то оно заставляет признать себя и порождает определенные последствия в правовой системе. При этом содержание толкования не имеет значения, и оно может противоречить здравому смыслу, намерениям автора толкуемого текста или правилам обыденного языка.

Отсюда следует несколько важных выводов. Прежде всего, толкование является функцией воли, а не сознания, поскольку смысл текста представляет собой продукт предписания. Сам текст не имеет никакого смысла, который предшествовал бы толкованию и мог быть раскрытым. Наконец, если норма определяется как прескриптивное значение текста, то настоящим ее автором следует признать толкователя текста.

Применительно к судье Конституционного суда рассматриваемая нами теория дает основания для утверждения о том, что у Конституции нет иного смысла, кроме того, который устанавливается судьей. По меткому замечанию О. У. Холмса, «Конституция означает то, что сказал о ее значении судья»⁵. Следовательно, судья Конституционного суда был бы подлинным автором конституционноправовой нормы.

Более того, он может основывать суждение о конституционности на двойном толковании — касающемся конституционного текста и связанном с законом, обладающим меньшей юридической силой. Поэтому он становится соучредителем и со-законодателем. Невозможно и бесполезно вдаваться в детали такой аргумента-

_

³ "All the law is judge-made law". – Прим. авт.

⁴ "The prophecy of what the courts will do in fact and nothing more pretentious is what I mean by the Law". Цит. по: Kelsen H. General Theory of Law and State. – New York: Russell & Russell, 1945, rééd. 1961, фр. перевод, выполненный по американскому изданию: Théorie générale du droit et de l'État. – Paris : LGDJ, 1997. – P. 166.

⁵ "The constitution means what the judge says it means". – Прим. авт.

ции и определять правильность этих утверждений. Здесь достаточно привести их для того, чтобы констатировать, насколько сложно судье Конституционного суда соответствовать им.

Напротив, практическая деятельность судей основывается на теории «толкования-познания», поскольку она исходит из силлогистического мифа. Это отлично понимал Жорж Ведель: «Социальная функция права и авторитет правового порядка в значительно большей степени обеспечиваются тем судьей, который предполагает, будто реализация им своей миссии имеет существенные ограничения, чем тем, который уверен в своей максимальной свободе» Отсюда не следует, что теория силлогизма является истинной, так как даже ложная теория может служить основанием для социальной практики. Отсюда следует только то, что в современной французской юриспруденции легитимность судьи обоснована несколькими простыми идеями. А именно: он применяет конституционный текст; данный текст обладает объективным смыслом; этот смысл можно установить. И наоборот, его легитимность будет поставлена под сомнение, если предположить — особенно, когда судья сам это предполагает, — что устанавливаемый им смысл представляет собой результат произвольного решения.

Итак, необходимо, чтобы судья поверил, или сделал вид, что поверил, или был вынужден поверить в ограниченность своих действий применением существующего права. Такую функциональную необходимость прекрасно иллюстрирует анекдот, непосредственно связанный с Оливером Уэнделлом Холмсом, сменившим университетскую кафедру на мантию судьи. Однажды, выходя вместе с ним из ресторана, судья Лернед Хэнд бросил ему вслед: «Восстанавливайте справедливость, господин Холмс, восстанавливайте справедливость». На что тот ответил: «Это не моя задача. Моя задача — применять право» Он перестал быть реалистом.

Тем не менее можно попытаться рассмотреть некоторые недавние решения Конституционного совета в качестве признаков согласия с теорией «толкованияволи».

Речь идет о тех решениях, которыми судья Конституционного суда отменил неясные или ненормативные положения на том основании, что они, кроме того, противоречили принципу юридической безопасности. Он требует «защиты субъектов права от толкования, противоречащего Конституции, или от риска самоуправства, без возложения на административные или юрисдикционные органы обязанности устанавливать правила, установление которых возможно, по Конституции, только в законодательном порядке» Согласно Конституционному совету, если содержание закона не ясно, т. е. непонятно, какими именно правами и обязанностями он наделяет субъекта, то правоприменителю надлежит установить его смысл и тем самым определить эти права и обязанности. Так правоприменитель, как отмечает комментатор «Документов Конституционного совета», станет «созаконодателем и даже просто законодателем». Благодаря неясности закона открывается широкий простор для его толкования, в результате чего правоприменитель получает настоящую законодательную власть.

Но такая судебная практика означает принятие реалистической теории толкования, если только свести ее к идее о том, что толкование является волевым актом. Конечно, эта идея — центральная в реалистической теории, однако она неотделима от утверждения, согласно которому толкование осуществляется всегда, а

⁶ Vedel G. Le Conseil constitutionnel, gardien du droit positif ou défenseur de la transcendance des droits de l'homme // Marshall T. (éd.) Théorie et pratique du gouvernement constitutionnel. – La Garenne-Colombes : Éditions de l'Espace européen, 1992. – P. 311 s.

⁷ Цит. по: Sowell Th. The Quest for Cosmic Justice. – The Free Press, 1999. – Р. 169.

⁸ Déc. n° 2004-500 DC du 29 juill. 2004, см. также: Déc. n° 2001-455 DC du 12 janv. 2002 (cons. 8).

не только при определенных обстоятельствах или в отношении некоторых формулировок. В соответствии с рассматриваемой нами теорией, применение права невозможно без его толкования, поскольку любое высказывание всегда имеет несколько значений.

Напротив, та имплицитная теория, которой руководствуется в своей деятельности Конституционный совет, запрещает неясные положения и, на самом деле, представляет собой теорию ясного текста нормативно-правового акта – разновидность теории «толкования-познания». Действительно, когда Конституционный совет утверждает, что недостаточно ясные положения закона должны быть истолкованы и рискуют оказаться противоречащими Конституции или произвольными, то это означает, что, по его мнению, такая опасность отсутствует, если текст закона ясен. В таком случае закон либо не подлежит толкованию (в силу принципа in claris non est interpretandum⁹), либо он будет истолкован, но только в соответствии с его подлинным смыслом.

Мы не будем обсуждать здесь вопрос о правильности данной теории. Заметим только, что если Конституционный совет принимает эту теорию, то, несмотря на внешние признаки, он очень далеко отходит от реалистической теории.

Это касается и его решений, принятых по итогам проверки актов, «очевидно лишенных нормативного содержания» ¹⁰. На самом деле, с точки зрения реалистической теории, предполагающей тщательное различение высказывания и его значения, нормативность относится к свойствам не высказывания, а его смыслового значения. Высказывание не может быть нормативным или ненормативным, если только его не интерпретируют как нормативное, и любое высказывание может быть истолковано тем или иным образом. Лучше всего ту ситуацию, когда Конституционный совет не может преодолеть препятствия, описывает знаменитый пример с «быком на этом лугу». Он не далеко уходит здесь от раннего Кельзена, рекомендовавшего не допускать конституционного контроля закона, в тексте которого содержатся слишком общие понятия, как, например, в Декларации прав человека, поскольку таким образом суд получит чрезмерную власть. Но именно тогда Кельзен не был реалистом.

Тем не менее Совет сам оказывается в ситуации толкования не вполне ясных текстов с неопределенным содержанием, которые, в соответствии с его собственными критериями, должны рассматриваться им как ненормативные. Когда обладатель учредительной власти заявляет, что «принцип любого суверенитета, по сути, покоится в нации» или что «национальный суверенитет принадлежит народу», то он вовсе не выражает свою готовность наделить суверенитетом нацию или народ. Он хочет «констатировать», что суверенитет принадлежит кому-то из них. Однако Совет, очевидно, не может оценивать указанные положения как лишенные нормативного содержания и наделяющие их толкователя чрезмерной властью. Поэтому ему необходимо утверждать, что они обладают нормативным содержанием, и нет ничего плохого в том, чтобы толковать их в таком духе. Тем не менее, для того чтобы это сделать, он должен заявить, что рассматриваемые им положения обладают смыслом и этот смысл познаваем.

Предполагая, что неопределенные или неясные законы наделяют их толкователя созидательной властью, или отрицая, что неопределенные или неясные конституционные тексты могут наделить толкователя чрезмерной властью, не руководствуется ли Конституционный совет теорией толкования, отличной от той теории, которой придерживаются реалисты? Когда реализм представляет собой правовую теорию, судья Конституционного суда, как и другие судьи, не может быть реалистом. Но если понимать реализм иначе?

¹⁰ Déc. n° 2004-500 DC du 29 juill. 2004; déc. n° 2005-512 DC, 21 avr. 2005.

⁹ Понятное не нуждается в толковании (лат.). – *Прим. пер.*

II. Судья Конституционного суда и реалистическая онтология

Вопрос о связи судьи, в частности судьи Конституционного суда, с реалистической онтологией может быть рассмотрен при помощи различения двух модальностей.

В первом случае любая правовая теория предполагает онтологию норм, рассматриваемых либо как идеальные сущности, наделенные объективным существованием, либо как волеизъявление людей. Этот подход соответствует онтологическому реализму, тогда как второй подход связан с юридическим реализмом. Допустимо принять один из них в перспективе философской спекуляции, но можно также предусмотреть тот или другой в зависимости от последствий для правовой теории, которые он повлечет за собой. Как показывают исследования, выбор первой концепции, т. н. «эйдетической», позволяет поддерживать тезис о подчинении права логике, в то время как вторая концепция, «волюнтаристская», продвигает идею о том, что право не является рациональным. Кроме того, только на основе второй концепции можно создать правовую науку по образцу эмпирических наук¹¹. Однако судья не занимается изучением права – он его создает, и поэтому не должен что-то предусматривать или предполагать. Перед судьей не сто-ит задача выбора той или иной онтологии, на которую ему следует ориентироваться.

С другой стороны, в языке права содержатся такие выражения, как «государство», «общество», «территориальные коллективы», «народ» и т. д. Можно рассматривать их либо в качестве понятий, обозначающих реально существующие объекты, либо, напротив, в качестве понятий, не имеющих референций в этом мире, но необходимых для того, чтобы формулировать высказывания, прежде всего нормативные. Первая концепция относится к онтологическому реализму, вторая – к юридическому реализму. Они имеют различные последствия, как это видно на примере с теорией юридического лица, и очевидно, что судьи могут придерживаться одной из них.

Между тем выбор той или иной концепции не обязательно означает ее безоговорочную поддержку судьей, поскольку обусловлен потребностью в специфической аргументации. Например, судьи рассматривают юридических лиц как реально существующих субъектов или как фикции в зависимости от тех последствий, наступления которых они ожидают. Так, Конституционный совет, полагая, что «принятый закон выражает общую волю, только если соответствует Конституции», тем самым признает общую волю эмпирически не устанавливаемой, но презюмируемой с момента одобрения закона и при условии его соответствия Конституции. Разумеется, эта концепция позволяет Совету обосновать возможность конституционного контроля, касающегося условий применения данной презумпции.

Напротив, отказываясь от проверки законов, принятых на референдуме, потому что «одобренные народом по итогам референдума, они представляют собой непосредственное выражение национального суверенитета», он, по сути, идентифицирует народ – носителя национального суверенитета – с избирательным корпусом Конституционный совет утверждает, что народ является не субъектом, воля которого презюмируется при определенных условиях, а вполне реальным существом, наличествующим объективно. Следовательно, его воля может обнаруживаться непосредственно, без того, чтобы содержание этой воли проверяли на соответствие конституции.

56

¹¹ Alchouron C. E., Bulygin E. The expressive conception of Norms // Hilpinen R. (éd.). New studies in Deontic Logic. – Dordrecht, Reidel, 1981; Troper M. Ontologie et Théorie de la science du droit // Amselek P., Grzegorczyk C. (sous la dir.). Controverses autour de l'ontologie du droit. – Paris : PUF, 1989.

¹² Déc. n° 62-20 DC du 6 nov. 1962; déc. n° 92-313 DC du 23 sept. 1992.

Тем не менее в эмпирической реальности не существует ни народа, ни избирателей. Существуют только юридические нормы, которые их создают. Рассмотренный выше второй подход вытекает из онтологического реализма, поскольку он отрицает тот факт, что народ является фикцией, и признает его реальное существование. Выбор такого подхода обусловлен потребностью в обосновании отказа от осуществления конституционного контроля.

Один и тот же судья Конституционного суда применяет то одну, то другую концепцию, причем без какой-либо онтологической вовлеченности, исключительно в зависимости от различных аргументативных стратегий. Его реализм функционален.

III. Судья Конституционного суда и реалистическая правовая политика

Также «реализмом» можно назвать такую форму деятельности, которая принимает во внимание реальность в большей степени, чем абстрактные принципы. Конституционный совет может быть назван реалистическим в указанном смысле, если его деятельность обусловливается реальностью, к которой должны применяться соответствующие правила, или если он выносит решение в зависимости от той ситуации, в которой оказывается сам.

Первое предположение соответствует подходу судей, характерному для американского юридического реализма, вытекающего из прагматизма.

Можно утверждать, что Конституционный совет является реалистом каждый раз, когда он ограничивается в своей деятельности представлениями о тех последствиях, которые будет иметь его решение для экономической или социальной сфер общественной жизни. Разумеется, здесь речь идет о чрезвычайно широкой, но малоэффективной концепции. На самом деле, может случиться так, что Совет применит какой-то абстрактный принцип, однако примет во внимание последствия, ожидаемые от этого применения для политической, экономической или социальной реальности. Следует ли утверждать, что он является формалистом, поскольку применил абстрактный принцип, или реалистом, поскольку принял во внимание реальность?

Кроме того, возможно, что обращение к абстрактному принципу было обусловлено мотивацией принятого решения. И для того, чтобы определить, действовали судьи «реалистически» или нет, нам придется исследовать их психологию. С другой стороны, даже если удастся установить, что судьи руководствовались исключительно ожиданием определенных последствий от принятого ими решения, то возможность применения абстрактного принципа гипотетически сохраняется. Наконец, независимо от того, действовали судьи как реалисты или нет, результат их деятельности окажется одинаковым.

Поэтому предпринимались попытки закрепить употребление термина «реализм» применительно к тем случаям, когда принятое решение является результатом не буквального применения какого-либо абстрактного правового принципа, а его интерпретации в соответствии с экономическими или социальными реалиями и даже отступления от него. В этом смысле реализм представляет собой отказ от формализма и, очевидно, попросту совпадает с прагматизмом, определяемым Уильямом Джеймсом как «мировоззрение, которое состоит в том, что отвлекает наше внимание от первичного объекта, первичных принципа, категории, предполагаемой необходимости, чтобы обратить его на вторичные объекты, на конкретные результаты, последствия, факты» 14. Правда, трудно вообразить, чтобы судья

¹⁴ James W. Le Pragmatisme. – Paris : Flammarion, 1995. Napoléon incitait déjà au réalisme – il est vrai que ce n'était pas à propos des juges. Au Conseil d'État, il « protesta contre les théories, contre les

¹³ Atiyah P. S. & Summers R. S. Form and Substance in Anglo-American Law: A Comparative Study in Legal Reasoning, Legal Theory and Legal Institutions. – Oxford: Clarendon Press, 1987.

заявил об «отвлечении своего внимания от принципов». Поэтому реализм или прагматизм надо понимать, скорее, как толкование принципов с учетом внеправовых реалий 15.

Тем не менее даже с такой весьма узкой концепцией реализма связано много проблем.

Во-первых, внеправовые обстоятельства редко излагаются в текстах принимаемых решений, по крайней мере во Франции, поэтому сложно с полной уверенностью определить ту роль, которую они могли сыграть.

Во-вторых, если принять реалистическую правовую теорию, то любое толкование следует считать волевым актом, причем эта воля необходимым образом обусловлена внеправовыми факторами. С этой точки зрения, нет никакой разницы между судьей-реалистом и судьей-формалистом. Нет также нормы или принципа, которые предшествовали бы интерпретации. Поэтому нельзя утверждать, что какой-то принцип был ослаблен, усилен, изменен для того, чтобы принять во внимание внеправовые обстоятельства, если только не намереваться познать содержание и значение принципа в чистом виде, не подверженном интерпретации – задача, очевидно, далекая от реальности.

В-третьих, можно задаться вопросом о статусе внеправовых факторов. Легко поддаться искушению рассматривать действия судьи, сокращающего сферу применения какого-либо правила или принципа в связи с принятием во внимание фактических обстоятельств, в качестве признака приверженности реализму. Примером служит решение, принятое по результатам проверки закона о чрезвычайном положении в Новой Каледонии. Согласно ему, такой режим устанавливается только в интересах общественного порядка и при исключительных обстоятельст-**Bax**¹⁶.

Также, когда принцип национализации объявляется соответствующим Конституции, происходит модификация «неприкосновенного и священного», как провозглашено в Декларации прав человека и гражданина, права частной собственности. Здесь учитывается эволюция представлений о целях и условиях его осуществления начиная с 1789 года. Однако некоторые из этих факторов являются, напротив, правовыми. Право частной собственности или исключительные обстоятельства, по сути, могут быть определены только при помощи юридической терминологии, поэтому та реальность, с которой судья пытается сообразовать принимаемое им решение, определяется им самим.

Данное утверждение справедливо и тогда, когда судья ссылается на материальные факторы, и даже когда он полагается на научное определение или оценку фактов¹⁷. Дело в том, что рассматриваемая нами здесь реальность является конструируемой реальностью. И, вопреки внешним признакам, она конструируется не учеными и экспертами, а судьей. В качестве примера приведем следующую ситуацию.

principes généraux et absolus, contre les hommes pour qui les faits n'étaient rien, qui sacrifiaient la réalité aux abstractions » (Souvenirs du Baron de Barante. – Paris, 1890 ; цит. по: Birnbaum P. L'Aigle et la Synagogue. Napoléon, les Juifs et l'État. – Paris : Fayard, 2007. – P. 180.

¹⁷ Cottin S. & Ribes D. Fiscalité incitative et égalité devant l'impôt: l'écotaxe devant le Conseil con-

См. доклад (бывшего. – Прим. пер.) председателя (Конституционного совета. – Прим. пер.) Π. Ma3o: Mazeaud P. La place des considérations extra-juridiques dans l'exercice du contrôle de constitutionnalité [Электронный ресурс] // Erevan. 29 sept. – 2 oct. 2005. – URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/ divers/documents/20051001erevan.pdf.

 $^{^{16}}$ Пример взят из доклада П. Мазо. – Прим. авт. См. предыдущую сноску.

stitutionnel. Observations sur la déc. n° 2000-41 DC du 28 déc. 2000, Loi de finances rectificative pour 2000 // RRJ. - 2001. - Pp. 659 s.; Ribes D. Les experts au Palais-Royal. La place de l'expertise dans le contrôle de constitutionnalité // Droit de l'environnement. – N° 142. – Oct. – 2006. – P. 280 s.

Законодатель или судья принимает одно из двух решений: либо происхождение ребенка всегда должно устанавливаться с помощью ДНК-теста, проводимого по требованию предполагаемого отца, либо такой тест может проводиться только при наличии определенных обстоятельств, поскольку его широкое распространение повлечет за собой нежелательные последствия для семей. Оба решения можно в равной степени признать реалистическими. В первом случае во внимание принимается биологическая реальность, во втором случае — социальная и психологическая реальности. Иными словами, решение обратиться к внеправовой реальности само по себе не может быть отражением этой реальности; оно принимается в результате выбора из двух реальностей и не является реалистическим.

Также о реализме рассуждают, когда описывают приемы, посредством которых Конституционный совет смягчает свой контроль, чтобы слишком высокий уровень защиты отдельных социальных прав не повлек за собой значительных расходов. Такие приемы квалифицируют, используя понятие «цели конституционного значения» Здесь опять следует обратить внимание на то, что речь идет об одном из вариантов техники балансирования. С одной стороны, провозглашен принцип, в соответствии с которым граждане имеют право на социальную защиту, а с другой стороны, применяется принцип, согласно которому расходы государства не должны быть чрезмерными. Если объявить второй принцип «реалистическим» и отдать ему предпочтение, то тогда следует признать, что никакого баланса между двумя равнозначными принципами не было и один из них должен был уступить реальности.

Очевидно, такое обоснование представляется наиболее убедительным. Однако желание избежать чрезмерных расходов является не более и не менее реальным, чем потребность в жилье или медицинском обслуживании. Выбор между ними продиктован не реальностью, а ее оценкой. Разумеется, мы не собираемся оспаривать здесь правильность этого выбора. Подчеркнем только риторическое значение обоснования, имеющего своей целью завуалировать политический характер решения отсылкой к реальности.

Можно было бы еще отметить, что Конституционный совет реализует реалистическую политику в ином смысле этого слова: когда он принимает во внимание ту ситуацию, в которой находится по отношению к другим акторам — Парламенту или судам.

Бесспорно, Конституционный совет, как и высшие судебные инстанции и все субъекты права, сталкивается с разнообразными ограничениями, которые предусмотрены конкретной юридико-политической системой. Поэтому он выбирает стратегии использования своей власти. Можно выделить стратегии, нацеленные на ее усиление или на умеренное пользование властью; можно обнаружить ограничения, влияющие на выбор той или иной стратегии, а также попытаться оценить эффективность выбора стратегии и рассмотреть предполагаемые ею средства. Однако бессмысленно рассуждать о реализме, поскольку следует называть «реалистичными» любые действия, которые являются частью стратегии.

Можно ли тогда закрепить данный термин за какими-то стратегиями? Можно подумать о том, чтобы сделать это применительно к тем из них, которые, как представляется, жертвуют определенными принципами из-за присутствия других акторов, но, разумеется, было бы невозможно сделать это объективно, т.е. не вникая в психологию судей и не вынося ценностного суждения. Если решение представляется в качестве результата установления равновесия между принципами, то некоторые из них неизбежно приносятся в жертву, тогда как другие реально применяются. Утверждение о том, что каким-то принципом пожертвовали в страте-

¹⁸ См. доклад П. Мазо. – *Прим. авт.*

гических интересах, означает, что в данном случае было предпочтительнее применить другой принцип.

Тогда остается возможность рассуждать о реализме, когда сам судья так объясняет проводимую им правоприменительную политику. Речь идет о заявлениях американских судей об их уважении к органу законодательной власти или о признании ими своей некомпетентности в «вопросах политики», а также о ситуациях, когда французский судья подчеркивает отличие его роли от роли Парламента. Тем не менее, как и в предыдущем случае, такое отношение можно понимать либо как отклонение от некоторых принципов во имя политической реальности, либо как отстаивание более важного из них, например принципа представительной демократии.

Следовательно, суть вопроса заключается не в том, является ли судья реалистом, а в том, сможет ли он извлечь какую-то пользу из этого статуса. Ответ на него, очевидно, положительный. Преимущество, которое может дать судье провозглашение себя реалистом, состоит в повышении его легитимности, и оно может быть достигнуто несколькими способами.

Прежде всего, судья, который согласует свою деятельность с другими судами, по-видимому, проявляет уважение к праву, а судья, почтительно склоняющий голову перед Парламентом, показывает, что он не вмешивается в сферу политики и его роль ограничивается применением конституции.

В некоторых случаях есть и дополнительное преимущество. Так, любое решение Конституционного совета всегда может быть преодолено путем пересмотра (Конституции. – *Прим. пер.*). Впрочем, угроза пересмотра является уникальным ресурсом, что подробно объясняет в своей знаменитой теории «ложа справедливости» Жорж Ведель¹⁹. Пересмотр конституции означает вмешательство самого суверена. Таким образом, тот судья, который уклоняется от фронтальной оппозиции к законодателю, проявляет уважение к демократии, но одновременно и к тому, кто противостоит ему, поскольку несостоявшийся пересмотр интерпретируется как знак согласия суверена.

Кроме того, представляя себя реалистом в этом смысле слова, т. е. подчеркивая, что он принимает во внимание ограничения системы, судья отказывается от старой теории силлогизма. Его функция больше не сводится к выведению решений из ясных и четких конституционно-правовых норм. Теперь судья не всегда выносит решения оппортунистически, но находит справедливый баланс между противоположными принципами и учитывает элементы реальности, влияющие на него. Поэтому его дискреционная власть уменьшается.

¹⁹ Vedel G. Schengen et Maastricht (à propos de la déc. n° 91-294 DC du Conseil constitutionnel du 25 juill. 1991) // RFD adm. 8 (2), mars-avr. 1992. - Р. 173. В этой статье Ж. Ведель предпринимает попытку согласовать формальную концепцию конституции с теорией неограниченности власти, пересматривающей Основной закон. Французский юрист, анализируя положения Шенгенского соглашения и Маастрихтского договора, рассматривает проблематику легитимности судьи конституционного суда и государственного суверенитета. Как отмечает О. Бо, под «ложем справедливости» (lit de justice) понимается процедура, которая позволяла королю, обладавшему правом решающего слова в отношении закона, ставшего предметом судебного рассмотрения, преодолеть сопротивление парламентов, т. е. высших судов во Франции XV-XVIII вв. См. подробнее: Beaud O. Le cas français: l'obstination de la jurisprudence et de la doctrine à refuser toute idée de limitation au pouvoir de révision constitutionnelle [Электронный ресурс] // Jus Politicum. – №° 18. http:// juspoliticum.com/article/Le-cas-francais-l-obstination-de-la-jurisprudence-et-de-la-doctrine-a-refuser-toute-ideede-limitation-au-pouvoir-de-revision-constitutionnelle-1170.html (дата обращения: 23.08.2017). Суть этой процедуры заключалась в том, что на торжественном заседании в присутствии короля и пэров парламент обязывался вносить королевские постановления в свой реестр и лишался возможности их опротестования. Нависавший над королевским троном балдахин придавал ему сходство с ложем. – Прим. пер.

Однако он может объявить себя реалистом двумя способами: заявить, что его стратегия заключается в учете других политических или юрисдикционных институтов, или утверждать, что у него нет стратегии, т. е. он прагматично действует по обстоятельствам. Как иронично заметил по этому поводу Жорж Ведель, «моя стратегия — не иметь стратегии»²⁰. Это не только элегантный парадокс, но и весьма мудрая позиция: если его стратегия заключается в отсутствии стратегии, то определенная стратегия у него все же есть — делать вид, что он не имеет никакой стратегии. Притворяться, будто склоняешься перед реальностью, — как притворяться, будто обнаруживаешь заложенный в текстах смысл и механически применяешь их. Благодаря этому усиление дискреционной власти вуалируется, и она увеличивается.

Таким образом, какой бы смысл ни вкладывался в понятие «реалист», оно неприменимо к Конституционному совету, как и к любому другому юрисдикционному органу. Он не разделяет точку зрения реалистической теории права и не основывает свои решения на реалистической онтологии. Кроме того, невозможно отличить судебную политику, которую назвали бы «реалистичной», от политики, предполагающей применение абстрактных принципов.

С другой стороны, претензия на реализм представляет собой сильный риторический инструмент легитимации института. Эта претензия, конечно, связана с особым интеллектуальным контекстом, подобным, например, имевшему место в США в начале XX века. Если уже нет возможности утверждать, что в применяемых текстах выражены недвусмысленные правила и принципы, и отрицать, что лицо, ответственное за их применение, по меньшей мере причастно к их воспроизводству и, следовательно, к созданию права, что оно обладает значительной дискреционной властью и способно противостоять демократически избранному парламенту; и если, несмотря на это, все-таки необходимо обосновать такую власть, – то количество аргументов становится крайне ограниченным. Можно или утверждать, что судья осуществляет свою деятельность в форме репрезентации, отличной от той, которая возникает в результате выборов, или ссылаться на особую чуткость к ограничениям, существующим в реальности, и показывать, как она гарантирует создание качественного права. Итак, из правильной идеи дискреционной власти судьи выводится ошибочное утверждение о реализме судьи. Реалистическая теория судьи приводит к теории судьи-реалиста.

Bibliography

- 1. Alchouron C. E., Bulygin E. The expressive conception of Norms // Hilpinen R. (éd.). New studies in Deontic Logic. Dordrecht, Reidel, 1981. P. 95–124.
- 2. Atiyah P. S. & Summers R. S. Form and Substance in Anglo-American Law: A Comparative Study in Legal Reasoning, Legal Theory and Legal Institutions. Oxford: Clarendon Press, 1987. 437 p.
- 3. Birnbaum P. L'Aigle et la Synagogue. Napoléon, les Juifs et l'État. Paris : Fayard, 2007. 294 p.
- 4. Cottin S. & Ribes D. Fiscalité incitative et égalité devant l'impôt: l'écotaxe devant le Conseil constitutionnel. Observations sur la déc. n° 2000-41 DC du 28 déc. 2000, Loi de finances rectificative pour 2000 // RRJ. 2001. Pp. 659–689.
 - 5. James W. Le Pragmatisme. Paris: Flammarion, 1995. 350 p.
- 6. Kelsen H. General Theory of Law and State. New York : Russell & Russell, 1945, rééd. 1961. 516 p.

²⁰ Выступление на защите диссертации Жака Мёнье на юридическом факультете Руанского университета. См.: Meunier J. Le pouvoir du Conseil constitutionnel. Essai d'analyse stratégiques. – Paris et Bruxelles : LGDJ et Bruylant, 1994.

- 7. Mazeaud P. La place des considérations extra-juridiques dans l'exercice du contrôle de constitutionnalité [Электронный ресурс] // Erevan. 29 sept. 2 oct. 2005. URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/ divers/documents/20051001erevan.pdf.
- 8. Meunier J. Le pouvoir du Conseil constitutionnel. Essai d'analyse stratégiques. Paris et Bruxelles : LGDJ et Bruylant, 1994. 373 p.
- 9. Millard E. Article «réalisme» // Alland D. & Rials S. (sous la dir.). Dictionnaire de la culture juridique. Paris : PUF, coll. «Quadrige», 2003. P. 1297–1299.
- 10. Ribes D. Les experts au Palais-Royal. La Place de l'expertise dans le contrôle de constitutionnalité // Droit de l'environnement. № 142. Oct. 2006. P. 280–295.
 - 11. Sowell Th. The Quest for Cosmic Justice. The Free Press, 1999. 224 p.
- 12. Troper M. Ontologie et Théorie de la science du droit // Amselek P. et Grzegorczyk C. (sous la dir.). Controverses autour de l'ontologie du droit. Paris : PUF, 1989. P. 53–68.
- 13. Vedel G. Le Conseil constitutionnel, gardien du droit positif ou défenseur de la transcendance des droits de l'homme // Marshall T. (éd.). Théorie et pratique du gouvernement constitutionnel. La Garenne-Colombes : Éditions de l'Espace européen, 1992. P. 311–321.
- 14. Vedel G. Schengen et Maastricht (à propos de la déc. n° 91-294 DC du Conseil constitutionnel du 25 juill. 1991) // RFD adm. 8 (2). Mars-avr. 1992. P. 177–180.
 - 15. Décision n° 62-20 DC du 6 nov. 1962.
 - 16. Décision n° 92-313 DC du 23 sept. 1992.
 - 17. Décision n° 2004-500 DC du 29 juill. 2004.
 - 18. Décision n° 2005-512 DC, 21 avr. 2005.
 - 19. Décision n° 2004-500 DC du 29 juill. 2004.
 - 20. Décision n° 2001-455 DC du 12 janv. 2002 (cons. 8).

Michel Troper,

professor at the University of Paris X Nanterre (France), member of the Institut Universitaire de France.

Realism and Judge of Constitutional Court

The article is devoted to the peculiarities of constitutional court judges'activities, which allow to call them realists. The author proceeds from the fact that the word "realism" can denote either one of the areas of the general theory of law, or type of behavior, or ontology of law. In his view, these meanings correspond to three different types of language. Since they are not logically interrelated, a judge of constitutional court may be realistic from one point of view but not from the other. In addition, the realistic legal theory allows for the existence of only empirical facts and declares universals fictions, so ontological realism and realism as a legal theory are incompatible. The choice of the rule of law applied by the judge depends on epistemological assumptions similar to those underlying the legal knowledge. On the examples from the practice of the Constitutional council of France, the author considers the possibility of a judge's ability to be realistic. As a result, he concludes that declaring oneself a realist allows a judge of constitutional court to increase the level of legitimacy and leads to the strengthening of his discretionary power in the political and legal systems of a modern democratic society.

Key words: judge; constitutional control; realism; judgment; positivism; jus naturalism; interpretation; values; authority; legitimacy.

УДК 341.231.14:342.9

С. А. Денисов*

Механизм обеспечения прав человека в административном государстве и его дефекты

Под давлением демократических стран все административные государства вынуждены признать ценность прав человека и обеспечить их реализацию. Но они осуществляют это дефектными средствами. Принимается ложный или декларативный конституционный акт. Государственные органы не в состоянии выполнять свои функции эффективно. Общество отстраняется от защиты прав человека. Государство ставит препятствия на пути мониторинга за соблюдением прав человека международными организациями. Ключевые слова: права человека; обеспечение их реализации; правовые; государствен-

ные; общественные и международные средства обеспечения прав; дефекты средств реализации.

Сегодня почти все страны мира признают ценность прав человека. Но эти права должны быть обеспечены должным образом. Так называемые административные общества [1, с. 24–39] и государства [2, с. 147–164] не в состоянии это сделать надлежащим образом. Высшей ценностью для них является само государство как корпорация чиновников. Интересы этого государства прикрываются идеями великодержавия, вождизма, реализации интересов общества.

Административное общество и государство создают механизм обеспечения прав человека. Но этот механизм имеет столько существенных дефектов, что становится совершенно неэффективным. Любое административное (бюрократическое) государство только обозначает какую-то деятельность, но не реализует в полной мере тех задач, о которых говорит. Бюрократизм является имманентным свойством государств этого типа.

Эффективно обеспечивать права человека административному обществу и государству не позволяет ряд нижеперечисленных обстоятельств.

1. Некоторые современные административные общества и государства признают естественность прав и свобод человека. Гарантиями их реализации должны являться конституции и законы, закрепляющие нормы естественного права в виде писаных норм. Конституционные акты могут добросовестно перечислять права и свободы человека и гражданина, но не содержать эффективных мер по их защите. Первоначальный текст Конституции США вообще не содержал перечня прав и свобод человека и гражданина, но содержал ограничения государства, не позволявшие ему посягать на эти права.

Конституции административных обществ могут не обеспечивать разделения властей, предоставляя слишком широкие полномочия правителю (главе государства или главе правительства). Это делает его самодержавным и способным отнимать у людей их права. Некоторые конституции возлагают на государство слишком широкий круг задач. Это характерно для так называемых телеологических конституционных актов, ставящих перед государством задачу построения коммунизма, консолидации общества, социального государства и т. д. Реализуя свои обязанности, государство ставит общество под свою опеку. Под предлогом реализации великих целей оно лишает членов общества ряда прав.

E-mail: sa-denisov@yandex.ru

^{*} Сергей Алексеевич Денисов, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Советские конституции утверждали, что гарантом прав и свобод человека является государственная собственность на основные средства производства. На деле эта собственность была гарантом полной зависимости человека от государства, средством превращения его в подданного. Конституция, не обеспечивающая пра́ва частной собственности и свободы предпринимательства, является опорой авторитаризма и тоталитаризма.

Законы должны конкретизировать конституцию страны, обеспечивать реализацию ее норм, закрепляющих права и свободы человека. Административные государства используют их для нейтрализации конституционных норм.

Законы страны могут иметь очень привлекательные названия. Однако при их анализе выясняется, что они нацелены не на обеспечение прав человека, а на их ограничение. Так, ФЗ РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. [3] фактически направлен на ограничение этой свободы. ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан РФ» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ [4] не гарантирует свободу выборов, продекларированную в ч. 3 ст. 3 Конституции РФ, а содержит ограничения прав и свобод избирателей и обеспечивает господство бюрократии в ходе выборов. Основной целью ФКЗ «О референдуме РФ» [5] является запрещение проведения референдумов без разрешения бюрократии. Он нацелен на то, чтобы исключить народную инициативу, пишет С. А. Авакьян [6, с. 6].

Подчас законодатель проявляет такую сильную заботу о защите прав человека и гражданина, что в законах досконально регулирует поведение сторон и лишает их какой-либо свободы. Часто законодатель устанавливает порядок, при котором человек не может воспользоваться своим правом без разрешения чиновника. Это разрешение может прикрываться актом согласования с органом власти права пользования (право на проведение публичного мероприятия в России), регистрацией своего права (регистрации общественного объединения, политической партии). Закон может позволить реализовать свое право только под надзором чиновника. Чиновники могут запретить использовать право по своему усмотрению, ввести множество формальных оснований для отказа разрешить пользоваться правом (неправильно оформленные документы, подписи избирателей и т. д.).

Свобода, закрепленная в конституции, часто сводится к праву на какие-то конкретные действия. Процесс реализации своего права может быть превращен в «бег с препятствиями». Законодательство вводит множество «турникетов», для преодоления которых требуются значительные усилия, трата дополнительных средств и времени. Люди вынуждены отказываться от части своих прав, поскольку получение их сопряжено со значительными издержками. Право может стимулировать людей делиться частью своего дохода с чиновниками. Иногда правом невозможно воспользоваться, поскольку не установлена процедура его реализации.

Бюрократия обладает широкими властными полномочиями в любом современном обществе. Но в демократических странах она действует под контролем общества и в его интересах. В административном обществе она самодержавна и систематически злоупотребляет имеющейся властью для реализации собственных интересов.

Законы в административных обществах легко нейтрализуются нормами, помещенными в иных источниках права: нормами доктрин, правовых обычаев, административных прецедентов.

2. В демократических странах государство создается и существует в целях реализации прав человека и гражданина. Административное государство существует само для себя. Оно по своему усмотрению реализует права человека или отказывается их поддерживать.

В конституционных странах обеспечение прав человека связано с разделением властей. Каждая из ветвей власти сдерживает иную ветвь, не дает ей посягать на права человека. В административных государствах все ветви власти находятся под контролем верховной власти в лице правителя. Общество, как правило, само сакрализует его и вручает ему власть над собой. Оно не заботится о том, чтобы законодательный орган состоял из представителей общества, и формирует его из людей, удобных для правителя. Административное общество не заботится о том, чтобы правительство было ответственно перед представителями общества. В результате мощная государственная машина, направляемая правителем, по своему усмотрению закрепляет права человека в законодательстве или лишает население этих прав. Законодательный орган России то предоставляет населению право выбирать какие-то органы власти (губернаторов, глав муниципалитетов), то отнимает у него эти права. Правительство, входящее в единый государственный организм, по своему усмотрению исполняет законы или отказывается это делать под каким-либо предлогом, делая их декларативными.

Созданная административным государством система правоохранительных органов также работает избирательно, то реализуя, то игнорируя нормы права о правах человека. На правоохранительные органы в административных государствах возложена репрессивная функция. Они должны защищать интересы государства (как корпорации чиновников) от населения. Поэтому они одновременно являются и защитниками отдельных прав человека, и органами репрессий, действующими в отношении тех лиц, которые стремятся поставить аппарат государства на службу обществу или просто проявляют непослушание. Жертвами репрессивных органов становятся отдельные лица, вступающие в конфликт с отдельными чиновниками или их клиентелой.

Суды в административных обществах только частично отделяются от администрации. Они также дозированно обеспечивают права человека, если их реализация не посягает на интересы административного класса. Если человек вступил в конфликт с всесильным государством или его высокопоставленными чиновниками, то суды превращаются в органы репрессий [7, с. 430–435]. Искать в них правосудие бесполезно.

Административное государство убеждает население в милости правителя, который объявляется главным защитником прав человека. Президент РФ объявляется гарантом прав и свобод человека и гражданина, согласно ч. 2 ст. 80 Конституции РФ. Время от времени правитель демонстрирует свою милость, вставая на сторону населения в его конфликте с государственным аппаратом. Таким образом население убеждают, что правитель является «отцом народа», защитником его от государственной бюрократии, которую он порождает и на которую опирается.

В конституционных государствах на защиту конституционных норм, закрепляющих права и свободы человека, может встать конституционный суд. В государствах, где устранено разделение властей, конституционный суд находится под контролем правителя, который указывает, какие решения должен принимать этот суд [8, с. 60–70]. Таким образом, конституционный суд служит средством легитимации неконституционных законов, ограничивающих права человека [9, с. 64–72]. В частности, Конституционный Суд РФ отказывается признавать, что свобода, закрепленная в конституционной норме, означает только общедозволительный тип правового регулирования. Он отказывается видеть умаление прав и свобод человека с помощью законов (ограничения избирательных прав граждан, прав на участие в местном самоуправлении, в публичных мероприятиях) [10]. Конституционный Суд РФ пренебрегает нормой о правовом характере государства и считает, что деятельность государственных органов России должна быть урегулирована с помощью общедозволительного, а не разрешительного типа правового регу-

лирования (им можно все, что прямо не запрещено). Он признал право Федерального Собрания по своему произволу давать права и отнимать их [11; 12]. Таким образом, он искаженно толкует сам смысл конституции как документа, ограничивающего права государства. Он отказывается признать естественность прав человека и гражданина и допустимость их ограничения только в исключительных случаях, когда предотвращается реальная, а не гипотетическая опасность. Все это приводит к тому, что государственные органы систематически ограничивают права человека и гражданина, ссылаясь на то, что они могут привести к посягательству на иные ценности демократического государства.

Ряд административных государств создал специальный государственный орган для защиты прав человека — уполномоченного по правам человека. Но на эти должности назначаются бывшие прокуроры и милиционеры, которые привыкли вставать на защиту государства, а не человека. Так, Уполномоченным по правам человека в России в 2016 г. была назначена Т. Н. Москалькова, генерал-майор полиции [13].

В целом административные государства обеспечивают реализацию прав человека в той мере, в какой это не мешает реализации интересов административного класса. Они придерживаются тактики дозированного обеспечения отдельных прав человека, которые невыгодны административному классу. Государственный аппарат в руках правителя превращает людей в подданных, наделенных разным набором прав и свобод. Верноподданные получают привилегии. Те, кто стремится стать гражданами своей страны и поставить государственный аппарат на службу обществу, лишаются прав, закрепленных в конституции и законах, и подвергаются репрессиям [7, с. 394–421]. Здесь действует правило: «Друзьям всё. Врагам – закон».

Часто органы власти обеспечивают права отдельных лиц в качестве рекламы своей заботы о человеке. О фактах такой заботы много говорят в средствах массовой пропаганды. В рекламных целях государство может терпеть реализацию некоторых демократических прав оппозиции. Сегодня появилось такое явление, как мягкий авторитаризм, который допускает реализацию демократических прав, если она не угрожает власти правящей группы [14, с. 209–219].

Административное государство, где нет разделения властей, все построено на принципе вертикальной ответственности нижестоящих должностных лиц перед вышестоящими. Ответственность за нарушение прав и свобод человека наступает только по воле вышестоящего начальства. Таким образом начальник может позволить своим подчиненным нарушать права и свободы. Правитель стоит над законами. Он может проводить политику ограничения прав и свобод, не боясь никакой ответственности.

Наибольшей опасности нарушения прав подвергаются лица, находящиеся под полной опекой государства: дети в детдомах, пожилые люди в интернатах для престарелых, солдаты срочной службы и лица, находящиеся в местах лишения свободы. Зависимые от государства, они не могут использовать все имеющиеся у них средства защиты от него.

Государство, присвоив себе колоссальные полномочия по обеспечению прав человека, часто просто не в состоянии исполнить свои обязанности. Для этого нет ни материальных средств, ни кадровых возможностей, ни желания.

3. В демократических странах общество само организует защиту прав и свобод человека. Административное государство пытается монополизировать правозащитную деятельность, лишая общество и людей возможности самозащиты. Оно делает всех людей малоимущими, запрещая или препятствуя накоплению капитала и предпринимательской деятельности. Неимущий человек не может нанять адвоката для защиты своих прав. Часто у него нет даже времени для хождения по судам. Административное государство лишает своих подданных политических прав или существенно ограничивает использование их для самозащиты. Оно пресекает деятельность оппозиции, запрещает выходить на улицу с протестом. Ряд современных административных государств активно имитирует создание у себя гражданского общества.

Административное государство ограничивает права потерпевших в уголовном процессе. На них смотрят как на объект посягательств. Они сами не могут обратиться в суд с требованием привлечь к уголовной ответственности должностное лицо, посягающее на их права. Это право остается только у государственных органов, осуществляющих обвинение. Последние по своему усмотрению решают, существенно или нет нарушены права человека, стоит ли возбуждать уголовное дело. Государство старается ограничить права адвоката в уголовном процессе и подчинить себе адвокатуру [15, с. 58].

Необходимо отметить, что административное общество не способно на самозащиту своих прав. Это – «детское» общество, которое нуждается в государственной опеке. Население его привыкло к тому, что все вопросы решает государство. Подобно тому как маленький ребенок каждый раз бежит жаловаться маме, что его обидели, люди в административном обществе забрасывают государство жалобами на свои обиды. Неимущее население не в состоянии организовать охрану своих прав и их защиту. Оно нуждается в дешевой административной защите своих прав (например, через прокуратуру или вышестоящее начальство), попадая в полную зависимость от милости чиновников.

Государство ревниво относится к возникновению независимых от него правозащитных организаций. Оно применяет репрессии к тем, кто пытается защищать человека от произвола государственных органов и отдельных чиновников. В России активно ведется деятельность по ликвидации правозащитных организаций, конфликтующих с государством [16, с. 12–13, 17; 18, с. 8]. Только с 1 января 2012-го до конца 2015 г. количество некоммерческих организаций в России уменьшилось на 33 % [19]. На ряд общественных объединений в России был навешан ярлык «иностранный агент», и им создаются препятствия в их деятельности [20, с. 2; 21, с. 4].

Подчас государство идет на компромисс и терпит создание правозащитных объединений, находящихся под его контролем. Часто оно само создает марионеточные общественные объединения, которые действуют по указке государства или помогают ему обеспечивать какие-то права человека в рамках осуществления патерналистской политики [22]. Примером может служить созданный при Президенте РФ в 2004 г. Совет по защите прав человека [23, с. 9, 15], который встает на защиту некоторых прав, но в первую очередь должен обозначать заботу Правителя о человеке. Чтобы ограничить возможности Совета, наряду с известными правозащитниками в него вводятся послушные Администрации Президента люди [24, с. 9]. Российское государство допустило создание общественных наблюдательных комиссий, контролирующих соблюдение прав заключенных в следственных изоляторах, но наполнило их бывшими работниками системы исполнения наказаний, которые сами эти права нарушали [25].

В демократических обществах на защиту прав человека встают независимые от государства средства массовой информации. Административное государство превращает средства массовой информации в свои средства пропаганды. Через них оно старается усыпить бдительность общества, убедить его в необходимости доверия государственным органам. Средства массовой пропаганды встают на защиту человека в отдельных случаях, но в целом пытаются доказать, что в стране нет проблем с правами человека. Есть только отдельные недостатки. Так что лю-

ди могут спать спокойно. Органы пропаганды представляют правоохранительные органы как надежных защитников прав человека.

В конституционных странах присутствует сильная оппозиция, которая зорко следит за деятельностью правящей партии и возглавляемого ею государства. В административном обществе оппозиция слаба или находится на содержании государства. Она закрывает глаза на нарушения прав человека или очень вяло на это реагирует. Государство принимает репрессивные меры к несистемной оппозиции, возмущающейся нарушением прав человека или выходящей с протестом против него.

Административные государства, начиная с XX в., создают партеобразные объединения чиновников и их клиентелы, которые играют роль правящей партии в стране. Эти объединения берут на себя функцию защиты человека и дозированно осуществляют правозащитную деятельность, как правило, в рамках патерналистской политики государства. Через них клиентела бюрократии реализует свои политические права.

Административное общество не может поддерживать политический плюрализм. Оно не может отказать в доверии своему правителю и его партеобразному объединению. Они незаменимы и могут позволить себе выполнять функцию по обеспечению прав человека в рамках своего усмотрения.

4. Современные административные государства вынуждены признавать нормы международного права, закрепляющие права человека, но стараются, под предлогом суверенитета государства, пресечь международный контроль за их соблюдением. Они не допускают в страну международных наблюдателей, преследуют своих подданных, которые берутся сообщать в международные органы о нарушении прав и свобод внутри страны. После подписания Хельсинкского акта, в котором СССР брал на себя обязательство соблюдать права человека, все представители так называемой Хельсинкской группы, взявшейся наблюдать за выполнением этого акта в СССР, были отправлены в места лишения свободы как антисоветчики [26, с. 3–4].

Административные государства пресекают работу международных правозащитных организаций в своей стране. Они препятствуют оказанию финансовой поддержки правозащитного движения из-за рубежа. В Беларуси ОБСЕ запрещено готовить независимых наблюдателей. Декрет Президента Беларуси от 12 марта 2001 г. № 8 «О некоторых мерах по совершенствованию получения и использования иностранной безвозмездной помощи» запрещает правозащитным организациям, работающим на выборах, получать иностранную помощь под угрозой штрафа и закрытия [27, с. 125–126]. Правозащитникам международных организаций запрещают въезжать в страну или высылают из страны тех, кто въехал. Им не дают помещения для работы [28, с. 3]. А. А. Семенов отмечает: «Руководство КНР рассматривает деятельность зарубежных гражданских активистов как орудие враждебного западного влияния, поэтому с 2017 г. введены новые правила для иностранных НПО, серьезно осложнившие процедуру их регистрации и увеличившие степень контроля над ними со стороны правоохранительных органов» [29]. Ряд общественных объединений, которые работали на развитие гражданского общества в России, объявлены нежелательными [30].

Административные государства, вступившие в международные объединения, стараются мешать их работе. Все государства, являющиеся членами ООН, согласно его уставу, обязаны «поощрять и развивать уважение к правам человека» (ст. 1 Устава ООН). Однако представители Китая и России систематически препятствуют деятельности Совета Безопасности ООН по осуждению массовых нарушений прав человека в отдельных странах. Они взяли под защиту военную хунту в Мьянме, расправившуюся с манифестантами в 2007 г. [31, с. 6]. 11 июля 2008 г.

Россия и Китай совместно блокировали проект резолюции Совета Безопасности ООН по Зимбабве, предусматривающий введение санкций в связи с преследованием оппозиции в ходе президентских выборов [31, с. 6]. Представители России заблокировали в 2015 г. принятие решения Совета Безопасности ООН по созданию Международного суда для рассмотрения вопроса о сбитом над Украиной в 2014 г. гражданском самолете [32, с. 1, 5].

Сегодня все государства берут на себя обязательства обеспечить права и свободы человека и гражданина. Административные государства создают дефектный механизм обеспечения этих прав и свобод, который не может эффективно реализовывать свои задачи.

Литература

- 1. Денисов С. А. Административное общество. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011.
- 2. Денисов С. А. Общая теория административного государства. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010.
- 3. О свободе совести и о религиозных объединениях : Φ 3 Р Φ от 26 сентября 1997 г. // Российская газета. 1997. 1 октября.
- 4. Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан РФ : ФЗ РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. -2002. № 24. Ст. 2253.
 - 5. О референдуме РФ: ФКЗ // Российская газета. 2004. 30 апреля.
- 6. Авакьян С. А. Конституция Российской Федерации: итоги развития $/\!/$ Конституционное и муниципальное право. -2008. -№ 23.
- 7. Денисов С. А. Реальное государственное право современной России : в 3 т. Т. 3. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017.
- 8. Денисов С. А. Роль конституционного суда в механизме административного государства // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 3 (18). С. 60–70.
- 9. Денисов С. А. Конституционны ли решения Конституционного Суда РФ? // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 2 (2). С. 64–72.
- 10. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
- 11. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. № 11-П // СЗ РФ. -2007. № 30. Ст. 3989.
- 12. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.
- 13. Биография Татьяны Москальковой. URL: https://ria.ru/spravka/20160422/14170 11912.html (дата обращения: 13.05.2018).
- 14. Денисов С. А. Мягкий авторитаризм: условия и средства его поддержания // Политическая концептология. Ростов н/Д., 2016. № 1.
 - 15. Адвокатура в Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2000.
- 16. Охлопков А. Тюменское «За права человека» лишили прав // Коммерсантъ. -2008.-10 сентября.
- 17. НКО и Федеральная регистрационная служба 5 проблем // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 25. М. : Институт прав человека, 2008.
 - 18. Комаров Д. Защитники солдат не по штату // Коммерсантъ-Урал. 2015. 9 июля.
- 19. После возвращения Путина в Кремль число НКО уменьшилось на треть. URL: http://www.rbc.ru/politics/03/11/2015/5638c5139a7947b51926c4eb (дата обращения: 10.11.2015).
 - 20. Туманов Г. К НКО применили силу закона // Коммерсантъ. 2014. 10 июня.
 - 21. Туманов Γ . НКО напомнили о подотчетности // Коммерсантъ. 2014. 30 октября.
- 22. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций : Φ 3 P Φ от 5 апреля 2010 № 40- Φ 3 // C3 P Φ . 2010. № 15. Ст. 1736.
- 23. О Совете при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека : Указ Президента РФ от 6 ноября. 2004 г. № 1417 // Российская газета. -2004.-№251.
 - 24. Кузьмин В. Теперь Совет // Российская газета. 2004. № 251.

- 25. Сейчас нарушен ключевой принцип формирования OHK. URL: http://polit.ru/article/2016/11/15/onk/ (дата обращения: 18.11.2016).
 - 26. Голдберг П. Заключительный акт. М.: Московская Хельсинская группа, 2006.
 - 27. Беларусь // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 3.
- 28. Мишина В. Международных правозащитников лишили столичной прописки // Коммерсанть. 2016. 3 ноября.
- 29. Семенов А. А. Проблемы устойчивости современных авторитарных режимов. URL: https://conf.hse.ru/2017/program (дата обращения: 9.04.2017).
- 30. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Φ 3 РФ от 23.05.2015 № 129-Ф3 // Официальный интернет-портал правовой информации. 23 мая 2015 г. № 0001201505230001.
- 31. Белов Е. Как Россия использовала право вето в ООН // Коммерсантъ. 2010. 9 декабря.
 - 32. Макарычев М. Трибунал раздора // Российская газета. 2015. 15 июля.

Sergey Alekseevich Denisov,

Candidate of Law, Associate Professor at Human Rights Chair, Legal Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Mechanisms to Ensure Human Rights in Administrative States and their Defects

Under the pressure of democratic countries, all administrative states are forced to recognize the value of human rights and ensure their implementation. Nevertheless, they carry out it by defective means. A false or declaratory constitutional act is adopted. Public authorities are unable to carry out their functions effectively. Society is excluded from the protection of human rights. The state poses obstacles to monitoring the observance of human rights by international organizations.

Key words: human rights; ensuring their realization; legal; state; public and international means of ensuring rights; defects of means.

УДК 343.826 **А. Бурков***

В борьбе за право обнять мужа, отца, сына

До 2017 года Уголовно-исполнительный кодекс России содержал правило о запрете длительных свиданий для пожизненно заключенных в течение минимум десяти лет. Нет и права на искусственное зачатие от заключеннного. Вместе с заключенным наказание в виде лишения частной и семейной жизни несут и все члены его семьи. Статья о том, как велись стратегические судебные дела за право на длительные встречи и искусственное зачатие.

Ключевые слова: частная и семейная жизнь; длительные свидания; искусственное зачатие; стратегические судебные дела; Европейский суд по правам человека; Европейская конвенция по правам человека.

Еще живы те, кто на себе испытал, прочувствовал это совершенно средневековое, дикое, садистское гулаговское правило «десять лет без права переписки». А ведь многие современные благополучные юноши и девушки считали и продолжают считать, что подобное варварство существовало даже не в прошлом веке, а в прошлом тысячелетии. И очень удивятся, если узнают, что система исполнения наказаний современной России от гулаговской совсем не далеко ушла. До 2017 года Уголовно-исполнительный кодекс России содержал правило, в соответствии с которым мать не вправе обнять сына в течение десяти или пятнадцати лет. В строгих условиях заключенный вправе видеться с близкими родственниками лишь два раза в год, в течение не более четырех часов, через стекло или решетку, в присутствии тюремщика. Ни о каком непринужденном близком общении речи идти не может. Мать не обнимет сына, жена не поцелует мужа, дочь или сын не сядет на колени к отцу. И понятно, что детей у такой семьи по определению быть не может. Мы еще не научились размножаться воздушно-капельным путем. Получается, что вместе с заключенным наказание в виде лишения частной и семейной жизни несут и все члены его семьи, в том числе еще не рожденные. Такого больше нет нигде в Европе, что подтвердил Европейский суд по правам человека, проанализировав законы всех государств - членов Совета Европы. Подтвердил он это при рассмотрении дела Андрея Хорошенко, заключенного в 1994 году на пожизненный срок. Но об этом мы поговорим чуть позже. Так вот, в среднем по Европе заключенные имеют право на встречи с родственниками один раз в два месяца, а то и каждый месяц. Сравните отсутствие длительных свиданий в течение 15 лет и свидания каждые два месяца. И сам собой вырывается риторический вопрос: как может государство, спасшее мир от фашизма, быть столь жестоким?

В 2009 году Андрей Хорошенко обратился с письмом в международную общественную организацию «Сутяжник», в котором сообщил, что, как заключенный в 1994 году на пожизненный срок, в течение 15 лет не имеет права на длительные свидания. В связи с этим Андрей в 2005 году обратился в Европейский суд по правам человека, который в 2009 году сообщил о поступившей от Хорошенко жалобе властям России и начал процедуру рассмотрения дела 1. Андрей просил представлять его интересы.

^{*} **Антон Леонидович Бурков**, канд. юрид. наук, доктор права (Кембриджский университет), магистр права (Эссексский университет), руководитель Центра сравнительного правоведения и стратегических судебных дел юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург), юридический директор Международной общественной организации «Сутяжник».

¹ Коммуникация – сообщение властям России материалов дела и вопросов по делу, на которые государство обязано ответить.

[©] А. Бурков, 2018

Следует заметить, что юристам «Сутяжника» уже приходилось заниматься проблемой отсутствия длительных свиданий. В начале 2000-х годов Анна Деменева вела дело супругов Захаркиных. Валерий Захаркин был осужден к пожизненному лишению свободы. Это означало, что планам Захаркина и его жены зачать ребенка не суждено было сбыться. Пожизненники отбывают минимум первые десять лет срока в строгих условиях, что лишает их права на длительные (семейные) свидания. Такой срок, как это и произошло с Андреем Хорошенко, с большой долей вероятности может растянуться и до 15 лет без возможности обнять близких людей, а тем более зачать ребенка. Жестоко, несправедливо. Но что делать, таковы пока у нас нравы и законы. В начале двухтысячных годов Захаркины решили бороться за право на длительные свидания.

К сожалению, дело Захаркиных дошло только до судей Конституционного Суда России, в 2005 году отказавшихся рассматривать дело по существу, потому что, по мнению конституционных судей, заключенный, совершая преступление, должен предполагать, какие лишения его ждут. Семья Захаркиных распалась. Когда эта книга сдавалась в издательство осенью 2016 года, Валерий Захаркин был убит в исправительной колонии № 18 «Полярная сова».

Андрей Хорошенко по принципу получения первого ответа стал работать с Центром международной защиты прав человека. А «Сутяжник» продолжал заниматься другими судебными делами, пока с проблемой отсутствия длительных свиданий осенью 2014 года в организацию не обратилась Вероника Королёва.

В 2009 году Вероника вышла замуж за Николая Королева, заключенного-пожизненника, содержавшегося в исправительной колонии № 18 «Полярная сова». Колония расположена севернее полярного круга в поселке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа. Супруги желали завести ребенка и столкнулись с той же ситуацией, что Захаркины в 2003 году, Хорошенко – в девяностые и еще около 2 000 пожизненников и членов их семей. Ситуацией, озвучивание которой в нынешних условиях, в XXI веке, воспринимается не как приговор, не как наказание, а как возмездие заключенному и пощечина всему цивилизованному миру: «минимум 10 лет без права на длительные свидания!» Для Королёвых отсутствие свиданий стало причиной другой неразрешимой пока проблемы.

Само по себе наличие свиданий дважды в год через пятнадцать лет никак не гарантирует зачатия. Даже регулярная половая жизнь свободных супружеских пар не гарантирует, что женщина забеременеет. Поэтому в мире популярны такие средства, как искусственное зачатие и ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение). Длительные свидания, если бы они и были разрешены, проводились бы по графику колонии, но не по биологическому графику менструального цикла женщины и без учета здоровья заключенного. Поэтому Королёвы, как и Захаркины, решили провести искусственное зачатие и обратились к руководству колонии с просьбой оказать им в этом содействие.

Королёвы готовы были провести искусственное зачатие за свой счет. От государства требовалось лишь этапировать Николая в Москву или Екатеринбург, что делает возможной своевременную доставку биологического материала (спермы) пожизненника в специализированную клинику, лицензированную для проведения искусственного зачатия. Но Королёвым было отказано в помощи по проведению процедуры искусственного зачатия.

По ключевым словам «запрет на длительные свидания» и «пожизненное лишение свободы» Вероника Королёва нашла в Интернете материалы дела Захаркиных, размещенные на сайте «Сутяжника», в результате чего уральская правозащитная организация вновь занялась проблемой отсутствия длительных свиданий. На этот раз судебное дело касалось и права на проведение искусственного зачатия.

Королёвым повезло больше, чем Захаркиным. Во-первых, их брак, как и желание завести ребенка, с годами становился все крепче. Во-вторых, примерно в то же самое время, в 2007 году, в Европейском суде по правам человека появилось вызвавшее немало споров среди европейских судей дело «Диксоны против Соединенного Королевства» (Dickson v. UK) о праве на проведение искусственного зачатия по просьбе заключенного-пожизненника и его жены. Изначально палата судей четырьмя голосами против трех решила дело не в пользу Диксонов. Но спустя пару лет Диксоны с помощью замечательного юриста из Ливерпуля Элкана Абрахамсона (Elkan Abrahamson) убедили 17 судей Большой палаты ЕСПЧ, что право зачать ребенка — это неотъемлемая часть их семейной жизни, право, которое не теряется после лишения свободы, даже после осуждения на всю жизнь.

В 2014 году, вооружившись переводом на русский язык постановления по делу Диксонов, опубликованном в журнале «Права человека: постановления Европейского суда по правам человека», адвокат из «Сутяжника» Наталья Ермилова подготовила жалобу от имени супругов Королёвых в районный суд. Суть жалобы сводилась к одному очень простому аргументу: российский Уголовно-исполнительный кодекс, запрещающий длительные свидания, и все иные подзаконные нормативные акты, не содержащие обязанности оказывать содействие заключенному и его супруге в проведении искусственного зачатия, не должны применяться. Королёвы имеют право провести искусственное зачатие на основании ст. 8 Европейской конвенции по правам человека и постановления ЕСПЧ по делу Диксоны против Соединенного Королевства. В этом на стороне Королёвых даже Конституция России, отдающая приоритет международным договорам, если между последним и российским правом существует противоречие.

Однако судья Бабушкинского районного суда Москвы Невзорова отказала Королёвым в иске. В многословном решении главными словами стали «приговор Королёву – это кара». На языке Конвенции «кара» – это «возмездие», означающее «жестокое наказание», не имеющее цели исправления, а только преследующее целью причинение страданий за совершенное преступление. Такое возмездие как жестокое и бесчеловечное обращение запрещено международным правом, в том числе и ст. 3 Конвенции. Что получается? Для нашего правосудия цель – не исправление человека, а причинение ему страданий? Судья также отметила, что заключенный после осуждения лишается не только свободы, но и всех прав, в том числе семейных. Совершая преступления, он, якобы, должен ожидать таких лишений.

Этот вывод сложно поставить в вину только судье Невзоровой, поскольку она лишь переписала этот абзац из определений Конституционного Суда России по делам Хорошенко и Захаркиных 2005 года. К слову, данный вывод в деле Хорошенко был признан ЕСПЧ не соответствующим гуманности и семейным правам. В заключении в ответ на единственный аргумент Королевых о праве на зачатие на основании принципов, записанных в постановлении по делу «Диксоны против Соединенного Королевства», судья Невзорова записала лишь одну строчку: постановление по делу «Диксоны против Соединенного Королевства» не может являться основанием для удовлетворения требований заявителей, поскольку оно принято по другому делу, основанному на иных обстоятельствах. В том или ином виде три вышестоящие судебные инстанции, в том числе Верховный Суд России, вынесли то же решение.

Начиная судебный процесс по делу Королёвых, «сутяжники» помнили опыт Захаркиных. Мы объяснили Веронике, что надежды на российские суды почти нет, что прохождение всех инстанций имеет только тактическое значение для того, чтобы передать вопрос в Конституционный Суд России, решение которого также предсказуемо. И уже все накопленные в российских судах материалы необходимо

будет направить в ЕСПЧ, параллельно привлекая внимание к данной проблеме СМИ и социальных сетей.

Еще одной целью судебных разбирательств в судах России является поиск других семей, столкнувшихся с аналогичной проблемой и готовых бороться за ее разрешение. Опыт работы над делом Захаркиных показал, что, если заявители одни, они могут прекратить борьбу на какой-то стадии по разным причинам, в том числе в связи с разводом. Для стратегической цели изменения законодательства важно, чтобы в суды обращалась не одна, а несколько семей. С помощью Вероники Королёвой «Сутяжник» организовал подачу исков еще от имени трех семей.

План по ведению дела Королёвых не был высечен в камне, в нем постоянно что-то менялось. Очередное дополнение мы внесли, когда вновь услышали про Андрея Хорошенко, продолжившего борьбу уже в Большой палате ЕСПЧ. К тому времени с 2009 года дело прошло коммуникацию, и палата из семи судей ЕСПЧ решила передать свою юрисдикцию Большой палате в связи с тем, что в деле рассматривался серьезный вопрос права заключенного и членов его семьи.

30 июня 2015 года, к моменту, когда дело Королёвых дошло до судьи Верховного Суда, ЕСПЧ огласил постановление по делу Андрея Хорошенко. Единогласно 17 судей признали нарушение права Андрея на семейную жизнь в связи с отсутствием длительных свиданий на протяжении 15 лет отбытия наказания. Двое судей признали отсутствие свиданий, как таковое, жестоким и бесчеловечным обращением.

Примечательно, что судьи Большой палаты ЕСПЧ специально указали в постановлении, что «в своих устных объяснениях на слушании в Европейском суде власти Российской Федерации отмечали, что не ожидалось достижение цели речитеграции в общество в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, включая заявителя, и что изоляция таких лиц, как заявитель, была единственной целью соответствующих условий отбывания наказания».

Мы ждали этого решения и поэтому незамедлительно обратились к начальнику исправительной колонии № 18 «Полярная сова» о предоставлении Королёвым длительного свидания на основании постановления по делу «Хорошенко против России». Мы понимали, что у нас мало шансов на успех в споре с человеком, для которого приоритет нормы международного права над Уголовно-исполнительным кодексом — всего лишь пустой звук. Но все же, при дальнейшем оспаривании отказа начальника исправительной колонии, у нас было больше аргументов для убеждения судей в обязательности постановления ЕСПЧ по делу Андрея Хорошенко против России, чем постановления по делу Диксонов против Соединенного Королевства. И Королёвы вновь пошли в суд. Мы же стали решать другую стратегическую задачу — поиск новых пострадавших и потенциальных истцов.

В сентябре 2015 года журнал «Бюллетень Европейского суда по правам человека» опубликовал перевод постановления по делу «Хорошенко против России». Мы его распечатали и в октябре отправили начальнику колонии № 18 А. В. Воронину с приложением краткого заявления Вероники Королёвой с просьбой предоставить внеочередное длительное свидание на основании этого постановления. Начальник ответил, что предоставлять длительное свидание сейчас «нецелесообразно», поскольку по российскому закону такое право у них появится через многомного лет, когда супругам будет около 40. Полученный в ноябре 2015 года отказ Королёвы оспорили в том же Бабушкинском районного суде. На этот раз судья была другая.

Перед судьей Романцовой был поставлен простой вопрос: какой закон для начальника и для судьи имеет приоритет — УИК или Конвенция, постановление Конституционного Суда РФ по рассмотренным в 2005 году жалобам Хорошенко и Захаркиных или постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу Андрея Хорошен-

ко? О фактах никто не спорил. Не было спора и о приоритетной силе международных договоров. Об этом неоднократно давали разъяснения Верховный и Конституционный суды $P\Phi$.

Представитель колонии в суд не явился, не представив и отзыва. Судья выслушала аргументы о главном принципе международного права прав человека, Конвенции, состоявшего в применении европейских гарантий прав человека в российских судах, в районном суде. Смысл международного права в его применении не в международном суде, а в суде местном, российском, районном, том, который находится в районе вашего дома.

Каково́ же было удивление как Вероники, присутствовавшей в судебном заседании, так и представлявшего интересы Королёвых юриста «Сутяжника» Антона Буркова, когда судья огласила резолютивную часть решения суда: «Иск Королёвых... удовлетворить». Судья смогла пойти против исправительной колонии, против ФСИН, против УИК. Да, такой вывод — «удовлетворить» — соответствовал аргументам Королёвых.

Когда же судья продолжила оглашать свое решение, стало ясно, что иск Королёвых будет удовлетворен частично: судья отказалась «обязывать» начальника исправительной колонии предоставлять длительное свидание. Да, судья признала незаконным отказ предоставить длительное свидание, точнее неконвенционным, нарушающим принцип, продвинутый в Большой палате ЕСПЧ Андреем Хорошенко. Но следующий шаг сделан не был: судья лишь обязала начальника колонии «пересмотреть» свое решение. Риторический вопрос юриста «Сутяжника» о том, как долго придется Королёвой оспаривать такие пересмотры начальника, остался без ответа. Победа без результата?

О прецедентном решении по делу Королёвых сюжет снимали два федеральных телевизионных канала, но ни на одном из них он так и не появился — «зарубили». Негласная причина: дело выиграла жена националиста Николая Королёва, а это пропаганда его идей. Редакторам не было дела до мечты и желания свободной женщины Вероники Королёвой зачать ребенка от любимого человека, родить и воспитывать его. А ведь Вероника даже купила люльку для будущего ребенка. Но об этом знали только те, кто никак не мог повлиять на принятие решения, — другие семьи заключенных.

К моменту постановления Большой палаты ЕСПЧ по делу Хорошенко против России Вероника познакомилась по переписке с самим Андреем, с семьями некоторых заключенных, содержащихся в исправительной колонии № 18 «Полярная сова». Две семьи по примеру Вероники тоже решились на подачу аналогичных исков.

Первой обратилась в суд Олеся Мацынина вместе с пятилетней дочкой Снежаной. Их муж и папа содержится пожизненно за двойное убийство все в той же заполярной колонии, где не исправляют, а, по выражению уже известного нам представителя России в ЕСПЧ, «изолируют от общества». Учитывая опыт общения с журналистами по делу Королёвой, «сутяжники» понимали, что дело Мацыниных имеет больше шансов на освещение в СМИ. Муж — бытовой убийца, но, самое главное, дочь Снежана смогла бы увидеть папу не через решетку и обнять его задолго до своего совершеннолетия. Снежана стала ведущим истцом по делу, а мама Олеся — ее представителем по закону и вторым истцом. Третьим истцом должен был быть Антон Мацынин, но судья не принял иск от Антона на том основании, что его жена не могла подписать иск Антона, даже действуя по доверенности, потому что у Олеси нет высшего юридического образования. Но это уже отдельная история о доступе заключенных к правосудию.

Хорошенко особого интереса у газетчиков не вызывал, а националист Королёв если и вызывал, то только отторжение. И даже статьи и сюжеты тех журнали-

стов, кто проникся сочувствием к Веронике в ее стремлении стать матерью, разбивались о цензуру редакторов. Пятилетняя Снежана, сама того не осознавая, помогала не только себе, своим маме и отцу, но и Веронике и ее мужу, другим заключенным-пожизненникам и их семьям и в какой-то степени Андрею Хорошенко. Потому что мало что сравнится с эмоциональным воздействием ребенка на зачерствевшие души взрослых.

С Олесей «сутяжники» работали дистанционно, так как она жила далеко от Екатеринбурга и Москвы, в Белозерске Вологодской области. Бюджет организации не позволял регулярных поездок из Екатеринбурга в Вологодскую область. Аргументы по делу «сутяжники» отточили еще в деле Королёвых, оформили иск и выступление в суде. Олеся, пусть без требуемого судьей по новому Кодексу административного судопроизводства РФ высшего юридического образования, выступила в суде самостоятельно и выиграла дело. Судья Михеев удовлетворил иск. В отличие от судьи Бабушкинского райсуда, Михеев иск удовлетворил полностью с предоставлением одного длительного свидания в год. После вступления решения суда в силу Снежане с Олесей можно будет получить исполнительный лист и ехать за полярный круг на длительную встречу с папой и мужем. С момента осуждения Антона Мацынина в 2013 году Олеся не ездила со Снежаной в исправительную колонию в связи с тем, что для пятилетней Снежаны было бы большим стрессом такое далекое путешествие, а главное – встреча с папой без возможности его обнять.

Параллельно с рассмотрением в районном суде дела Королёвых о праве на длительные свидания, «сутяжники» продолжали вести и первое дело Королёвых о праве на искусственное зачатие. Следующим шагом было обращение в Конституционный Суд России по отмене норм Уголовно-исполнительного кодекса, которые не допускали длительных свиданий, а следовательно, вынуждали заявителей идти на искусственное зачатие. Жалоба Королёвых в Конституционном Суде ждала рассмотрения с октября 2015 года. 10 февраля 2016 года, на следующий день после частичного удовлетворения их иска о незаконности непредоставления длительных свиданий на основании постановления дела Хорошенко против России, судьи Конституционного Суда отказали Королёвым в рассмотрении жалобы по существу, ссылаясь на текущий судебный процесс в Бабушкинском районном суде, а следовательно, на непрохождение всех инстанций судов общей юрисдикции для решения проблемы Королёвых.

Интересно, что Конституционный Суд не учел того, что по первому делу Королёвы уже исчерпали все возможные средства защиты национального законодательства и именно поэтому и обратились в ЕСПЧ. Но «сутяжники» иного от конституционных судей и не ожидали. Наоборот, обращение в Конституционный Суд преследовало цель лишь продемонстрировать судьям ЕСПЧ поведение российских конституционных судей. Обращение в Конституционный Суд состоялось лишь после того, как была направлена жалоба в ЕСПЧ. Далее исключительно планировалось направить для внимания ЕСПЧ определение Конституционного Суда.

Странно было бы ожидать, что Конституционный Суд России после постановления по делу «Хорошенко против России» сам себя высечет, пересмотрит свое определение по этому делу и придет к выводу о неконституционности УИК в части запрета на длительные свидания. Также, осознавая неэффективность Конституционного Суда и руководствуясь желанием показать его бездействие при имеющихся полномочиях действовать, «сутяжники» подготовили жалобу в Конституционный Суд от имени Андрея Хорошенко. Задача состояла в том, чтобы продолжать точить «каплей камень», продолжать привлекать внимание СМИ к

данной проблеме. Просто ждать результата рассмотрения жалобы Королёвых в ЕСПЧ было бы преступлением по отношению к будущему ребенку.

Андрей Хорошенко, осужденный к смертной казни по показаниям других осужденных, полученным под пытками, – удивительный, несломившийся человек. Андрей остался в живых только потому, что Россия вступила в Совет Европы, а условием членства было прекращение исполнения смертных казней. Комитет ООН по правам человека обращался с просьбой к российским властям пересмотреть приговор Андрея Хорошенко еще в 2011 году. С тех пор прокуратура не инициирует пересмотр дела, вероятно, потому, что сама является заинтересованной стороной: именно прокуратура поддерживала обвинения Хорошенко на основании показаний, полученных с применением пыток.

Выплата компенсации по делу Андрея Хорошенко не освобождает Россию от исполнения постановления ЕСПЧ в части изменения закона, запрещающего длительные свидания. Даже после 23 лет отсидки и появления у Андрея права на длительные свидания в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом, не исключается полномочие администрации исправительной колонии за определенные нарушения перевести Андрея на строгий режим содержания, что автоматически влечет за собой лишение его права на длительные свидания на следующие 10 лет без права апелляции. Единственным условием предоставления свиданий является истечение 10-летнего срока. Госдума еще не вносила изменений в соответствующие статьи УИК, а у Конституционного Суда России есть полномочия признания законов неконституционными. Жалобу от имени Хорошенко мы подготовили быстро, но после обсуждения ее с Андреем и Вероникой Королёвой было принято решение пока не давать ей хода. Мы ожидали отказа Королёвым в правосудии от конституционных судей. Поэтому было решено подавать жалобу Андрея после получения отказа от Конституционного Суда по делу Королёвых.

Возникли трудности и при оформлении доверенности от Андрея. Вдруг администрация колонии заявила, что заверяет только доверенности для обращения в суды общей юрисдикции, но не в Конституционный Суд. Мы понимали, что наши телефонные переговоры с Андреем прослушивают и переписку читают, и Конституционный Суд оберегают от обращения Андрея.

Тем временем в марте 2016 года третья семья – престарелых родителей осужденного Леонида Рудика – подала административный иск о предоставлении длительных свиданий. Рудики опасались, что просто не доживут до первого свидания с сыном. Судья Симоновского районного суда Москвы Армяшина отказала в удовлетворении иска. Даже в окончательном тексте судебного решения судья выбрала какие-то строчки общих размышлений судей ЕСПЧ в постановлении по делу Хорошенко о том, что права заключенных ограничиваются, и сделала вывод, что на этом основании в предоставлении свиданий нужно отказать, а начальник колонии поступает правильно и в соответствии с Конвенцией.

К июлю 2016 года, когда две апелляции исправительной колонии № 18 – по делам Королёвых и Мацыниных – уже были направлены в апелляционные суды, а Рудикам было отказано в иске, ранее расставленные точки начали сходиться в созвездие. Андрею Хорошенко удалось убедить начальника исправительной колонии «Белый лебедь» подписать доверенность и отправить жалобу в Конституционный Суд. Пока конверт Андрея направлялся из колонии в Соликамске Пермского края в Санкт-Петербург, апелляционная жалоба исправительной колонии «Полярная сова» по делу Мацыниных поступила на рассмотрение Вологодского областного суда. В отличие от судьи Матвеева Белозерского районного суда тройка вышестоящих апелляционных судей Вологодского областного суда отказалась брать на себя ответственность за предоставление свиданий на основании постановления по делу «Хорошенко против России». Груз ответственности они

решили переложить на судей Конституционного Суда, приостановив производство по делу Мацыниных и направив запрос в Конституционный Суд о конституционности УИК в части запрета предоставления длительных свиданий. 4 июля тройка Московского городского суда по апелляции заполярной исправительной колонии отменила половинчатое, но все же в пользу Королёвых решение судьи Бабушкинского районного суда Москвы Романцовой и приняла новое решение: в иске Королёвым отказать. Следующий шаг Королёвых – новое обращение в Конституционный Суд.

Таким образом, к июлю 2016 года вслед за отказным определением Конституционного Суда России по жалобе Королёвых 2015 года на Конституционный Суд посыпались аналогичные дела Мацыниной, Хорошенко, Королёвой. Такова была стратегическая цель судебного дела о праве на длительное свидание и искусственное зачатие. Вода должна капать на камень равномерно и постоянно. Конституционным судьям нужно регулярно давать возможность исправлять свои ошибки или совершать всё новые и писать в определениях юридические глупости, которые войдут в историю.

Учитывая нежелание Конституционного Суда России заниматься пересмотром своей позиции 2005 года в вопросе о конституционности лишения Андрея Хорошенко и супругов Захаркиных длительных свиданий на 15 лет, конституционным судьям нужно будет постараться, чтобы придумать основания для отказа от рассмотрения жалобы Хорошенко и запроса судей по делу Мацыниной, а также новой жалобы Королёвых. Чем активнее будут попытки Конституционного Суда не заниматься рассмотрением жалобы Хорошенко, Мацыниных, Рудиков и Королёвых и запроса Вологодского областного суда по существу, тем интереснее будут материалы для рассмотрения дела Королёвых в Европейском суде по правам человека. Тем интереснее для рассмотрения Комитетом министров Совета Европы будут материалы по исполнению Россией постановления Большой палаты ЕСПЧ по делу Андрея Хорошенко против России. Конституционные судьи поставлены перед необходимостью вершить справедливое правосудие или совершать ошибки, которых судьи ЕСПЧ не пропустят. Недавно Конституционный Суд известил Веронику Королёву, что ее жалоба будет рассмотрена вместе с запросом Вологодского областного суда по делу Мацыниных «без проведения слушания». Судьба обращений Хорошенко и Рудиков пока не известна.

Когда точки начали складываться в созвездие, вспыхнула еще одна звездочка, зажженная еще 2005 году Андреем Хорошенко. Министерство юстиции России предложило законопроект, по которому вносятся изменения в УИК о предоставлении заключенным, содержащимся в строгих условиях, одного длительного свидания в год. Очевидно, законопроект стал реакцией на дело «Хорошенко против России». Отлично, но почему так мало, почему одно свидание в год, а не два, как для других заключенных и как было в УИК РСФСР, если в Европе они разрешаются раз в два месяца? В соответствии с анализом законодательной и пенитенциарной практикой других государств – членов Совета Европы, в среднем по Европе свидания предоставляются один раз в два месяца безотносительно к тому, на какой срок лишены свободы осуждены заключенные.

Каким будет созвездие борьбы заключенных-пожизненников и членов их семей, мы узнаем не скоро. Еще много предстоит сделать, некоторые звездочки погаснут, но еще не одна новая звездочка появится в созвездии реформы пенитенциарной системы России. Видимо пройдет еще некоторое время, прежде чем члены семей Королёвых, Рудиков, Мацыниных, а также члены других семей заключенных смогут обнять сына, мужа и отца, родившегося ребенка Королёвых... Сил вам, Вероника и Николай Королёвы, Снежана, Олеся и Антон Мацынины, Андрей

Хорошенко, Леонид и его родители Валерий Леонидович и Галина Николаевна Рудики. В одиночку и отдельными исками такие горы не сдвигаются.

В конце 2016 г. Конституционный Суд РФ опубликовал Постановление от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей ст. 125 и части третьей ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королёва и В. В. Королёвой», в котором удовлетворил запрос Вологодского областного суда и супругов Николая и Вероники Королёвых, признав неконституционными нормы УИК, исключавшие возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение минимум первых десяти лет отбывания наказания. Решение вынесено «во взаимосвязи со ст. 8 Конвенции по правам человека (о защите личной и семейной жизни) в ее интерпретации ЕСПЧ», - говорится в постановлении Конституционного Суда. Основанием послужило постановление ЕСПЧ от 2015 года по делу «Хорошенко против России». Конституционный Суд завершил постановление словами: «Федеральному законодателю надлежит, - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, а также соответствующих правовых позиций Европейского суда по правам человека, - установить условия и порядок реализации лицами, осужденными к пожизненному лишению свободы, права на длительные свидания. Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, осужденным к пожизненному лишению свободы должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год с лицами, указанными в части второй ст. 89 УИК Российской Федерации».

В январе и феврале 2017 и 2018 годов состоялись длительные свидания Вероники и Николая Королевых, Олеси и Антона Мацыниных. Остается вопрос о праве на искусственное зачатие.

Продолжение следует...

Anton Leonidovich Burkov,

Candidate of Law, PhD (University of Cambridge), LLM (University of Essex), Head of the Center for Comparative Law and Strategic Litigation of the Law Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg); Legal Director of the International Non-For-Profit Organization "Sutyazhnik"

In the Struggle for the Right to Hug Husband, Father, Son

Until 2017, the Penal Executive Code of Russia contained a rule banning long visits for life prisoners for a minimum of ten years. There is no right to artificial insemination from the prisoner. Together with the prisoner, the penalty of deprivation of private and family life is borne by all members of his family. This article is about strategic litigation for the right to conjugal meetings and artificial insemination.

Key words: private and family life; conjugal meetings; artificial insemination; strategic litigation; European Court of Human Rights; European Convention on Human Rights.

УДК 341.231.14:351.752

А. Р. Султанов*

Как дело о государственной регистрации превратилось в дело о защите свободы совести (Постановление ЕСПЧ от 01.10.2009 по делу «Кимля и другие против России»)

Регистрация религиозного объединения в Российской Федерации сопряжена со многими организационными и иными трудностями в силу дискриминационных положений в законодательстве и соответствующей этому законодательству — дискриминационной и нарушающей права граждан — судебной практики. Эти положения противоречат международно-правовым обязательствам России и в том числе нормам Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Отдельные, противоречащие международноправовым обязательствам России, нормы исключены из федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». Активная правозащитная деятельность приводит к постепенному расширению объема прав и свобод каждого в области свободы совести и свободы объединений, в том числе свободы религиозных объединений.

Ключевые слова: религиозное объединение; религиозная организация; религиозная группа; государственная регистрация; дискриминация; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Европейский суд по правам человека; свобода совести; свобода вероисповедания; свобода религиозных убеждений; свобода ассоциаций; религиозные меньшинства.

Прежде чем описать последствия дела, расскажем об обстоятельствах дела.

Суть дела предельно проста: ряд граждан России, увидев для себя пользу от дианетики и саентологии, решили объединиться и создать религиозное объединение как юридическое лицо. Казус состоял в том, что этой группе граждан вначале отказали в регистрации созданного ими объединения в качестве общественного, указав на религиозный характер саентологии. После того как были поданы документы на государственную регистрацию в качестве религиозной организации, регистрирующий орган долгое время не осуществлял никаких действий, а затем сообщил о том, что необходимо провести религиоведческую экспертизу, одновременно разъяснив, что в Татарстане орган для проведения религиоведческой экспертизы еще не создан... Поскольку по саентологии было проведено в разных странах огромное количество экспертиз, то не составило труда предоставить их в распоряжение Регистрационной палаты с требованием ускорить государственную регистрацию. Уполномоченный по правам человека в Республике Татарстан счел задержку в государственной регистрации нарушением конституционных прав граждан.

Мы ожидали, что будет применено дискриминационное правило, согласно которому при отсутствии справки о 15-летнем существовании религиозной группы, выданной органом местного самоуправления, государство может не регистрировать религиозную организацию. Абсурдность этого правила была очевидна еще в 1997 году при принятии закона о свободе совести и религиозных объединениях, поскольку из этого правила следовало, что для того, чтобы зарегистрировать религиозную организацию в 1997 году, нужно было найти машину времени, сгонять на ней в 1982 год, оставить заявление в советских государственных органах о соз-

^{*} **Айдар Рустэмович Султанов**, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим» (г. Нижнекамск).

[©] А. Р. Султанов, 2018

дании религиозной группы и потребовать поставить печать на копии заявления и, не попав в психушку, вернуться в 1997 год с бумагой и печатью...

Мы были готовы к такому повороту, более того, мы полагали, что такой отказ, основанный на «правиле о 15-летнем сроке» может дать нам шанс оспорить дискриминационное правило в Конституционном Суде РФ, но, как говорят, «того, к чему готов, — не случается». Регистрационная палата отказала в государственной регистрации по тому мотиву, что Совет по делам религий при Кабинете министров РТ не провел религиоведческую экспертизу... т. е. гражданам России вменили в вину бездействие государственного органа.

Безусловно, такой «нелепый» отказ был обжалован в суде, но суд первоначально отказал в удовлетворении жалобы, указав, что отказа-то не было...

Верховный суд РТ отменил этот судебный акт и отправил на новое рассмотрение. Затем новый отказ и новая отмена. В конце концов, 28 мая 2002 года суд удовлетворил нашу жалобу и признал отказ в регистрации религиозной организации «Саентологическая церковь города Нижнекамска» незаконным. Решение было обжаловано прокурором, но оставлено в силе и стало обязательным для всех государственных органов 4 июля 2002.

Однако с 01.07.2002 полномочия по государственной регистрации перешли к Управлению Министерства юстиции РФ по РТ, которое после долгих раздумий пришло к выводу, что поскольку отказывал в регистрации другой орган, то судебное решение они исполнять не должны...

Хотя, когда неисполнение решения суда было нами обжаловано, Управление Минюста моментально написало обращение к Председателю Верховного суда РТ с просьбой отменить судебное решение в надзорном порядке и приостановить исполнение решения суда. Верховный суд РТ внял просьбе Управления Минюста и 27 ноября 2002 года отменил решение, указав, что все-таки надо сделать экспертизу.

28 ноября 2002 была проведена государственная религиоведческая экспертиза. «Перед экспертами поставлены следующие вопросы:

- 1. Является ли «Саентологическая церковь города Нижнекамска» религиозной организацией, подпадающей под непосредственное действие Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»?
- 2. Достоверны ли представленные сведения относительно основ вероучения и соответствующей им практики местной религиозной организации «Саентологическая церковь города Нижнекамска»?

На основании изучения уставных и вероучительных документов многочисленных изданий Саентологической церкви, личных бесед с представителями Саентологической церкви, Экспертный совет пришел к следующим выводам: Саентологическая церковь основана в 1954 г. в Калифорнии, США. Основателем организации был Лафайет Рональд Хаббард. Штаб-квартира находится в г. Лос-Анджелесе (США). В настоящее время Церковь действует более чем в 100 странах мира, объединяя около 2 тысяч общин и миссий. В России первая церковь зарегистрирована 25 января 1994 г. Церковь саентологии, по собственному признанию, не имеет четкого догмата относительно Бога. Одна из особенностей саентологии как религии заключается в том, что она не требует от своих членов отказа от их религиозных традиций. «Прихожанин не обязан отказываться от своей веры, церкви, синагоги, храма, мечети и др. Саентология уважает другие вероисповедания» (см. п. 4.2. Устава местной религиозной организации «Саентологическая церковь города Нижнекамска»). Главная, основополагающая доктрина саентологии состоит в том, что человек - это духовное существо, чье существование охватывает более чем одну жизнь. Человек наделен способностями, выходящими далеко за пределы тех, о которых ему обычно известно. Он не только в состоянии

решить свои собственные проблемы, достичь своих целей и обрести долговременное счастье, но и может испытать новые ощущения духовного осознания, о возможностях которых он никогда не мечтал. Духовную свободу можно обрести, только следуя пути, описанному в Писании, без отклонений. У саентологов имеется культовая практика, обряды и ритуалы. Два главных направления в практике это одитинг и обучение. Одитинг (от лат. «audire» – слушать) – форма духовного общения между священником и прихожанином, своеобразная форма исповеди, которая, в отличие от православия и католицизма, деперсонализирована. Одитор не дает советов, основываясь на собственном духовном опыте и интуиции, а следует строгим предписаниям. Обучение состоит из курсов, на которых под наблюдением специалистов производится изучение материалов о саентологии, созданных Л. Роном Хаббардом, обучение процедурам одитинга. Церковь саентологии проводит богослужения для прихожан, на которых священники обращаются с проповедью к прихожанам. Совершаются обряды именования (имянаречения), бракосочетания, похорон. У саентологов есть свои символы. В саентологии имеются религиозные праздники (день рождения Л. Рона Хаббарда, день первой публикации книги «Дианетика», день одитора и др.), отмечаются и общехристианские праздники.

Саентологическая церковь подчеркивает свою лояльность по отношению к правопорядку тех стран, где она действует...

«Саентологическая церковь города Нижнекамска» отвечает признакам религиозного учения. Предоставленные сведения относительно основ вероучения и соответствующей ему практики "Саентологической церкви города Нижнекамска" достоверны».

Но после получения религиоведческой экспертизы регистрационные органы вспомнили о возможности оставить документы религиозной организации без рассмотрения в связи с отсутствием документа о 15-летнем существовании, и при новом рассмотрении дела суды сочли отказ в регистрации законным, поскольку не была представлена справка о 15-летнем существовании организации, выданная органом местного самоуправления.

Можно было, конечно, расстроиться, если бы не курьезность ситуации: на момент отказа в Республике Татарстан даже органов местного самоуправления не было.

То есть суды как бы говорили: зачем Вам победа над глупой ошибкой – победите несправедливость закона.

Немного о законе

Надо отметить, что вначале Президент РФ письмом № Пр-1201 от 21.07.1997 отклонил принятый Госдумой РФ проект Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», причем в качестве оснований для отклонения закона был указан факт противоречия нового закона международно-правовым обязательствам России и в том числе нормам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), обязательство подписания которой вытекало из вступления России в Совет Европы. Но подписанный в сентябре 1997 года закон практически сохранил недостатки отклоненного проекта.

Первое и, пожалуй, самое существенное замечание к данному закону — это попытка использовать предоставление статуса юридического лица для ограничения деятельности религиозных объединений. Согласимся с профессором Е. А. Сухановым, что «...категорию юридического лица стало принято рассматривать не как гражданско-правовой инструмент оформления, действительно необходимого для какой-либо организации участия в имущественных отношениях, а как некую вне-

отраслевую (или межотраслевую) категорию, ставшую обязательным атрибутом любого организационно оформленного общественного образования». Именно отход от частноправового подхода к категории юридического лица и породил стремление закрепить в различных законах «права юридического лица» с какимилибо малооправданными (а главное – малопродуманными) особенностями [3].

Впрочем, говорить о непродуманности ограничения в предоставлении прав юридического лица религиозным объединениям в данном законе было бы неправильно, поскольку он был анонсирован как закон для «противодействия» «нетрадиционным» религиозным объединениям. Данный закон ввел ограничение на государственную регистрацию религиозным объединениям, не имеющим доказательств 15-летнего срока существования и не входящим в соответствующую централизованную религиозную организацию. То есть, фактически, закон допустил государственную регистрацию лишь религиозных организаций, существовавших в советское время. Одновременно данным законом была предпринята попытка ограничить права религиозных групп. Эта попытка была осуществлена в виде указаний в законе на то, какие права имеют религиозные организации.

В силу позитивистских традиций российского права правоприменители понимают неперечисление прав религиозной группы как их отсутствие. Данный закон был определенным отходом от естественно-правового подхода, заложенного в Конституции РФ, и проявлением этатизма.

В преддверии ратификации Конвенции и ее вступления в силу на территории Российской Федерации в 1997 году группой независимых экспертов была проделана скрупулезная исследовательская работа по выявлению возможных направлений приведения российского законодательства, а также правоприменительной практики в соответствие с европейскими нормативами. Эксперты, в частности, рекомендовали либерализовать в более демократическом смысле закон о свободе совести. Закон 1997 года был признан отступлением от Закона 1990 года, более терпимого по отношению к так называемым нетрадиционным религиям.

В 2002 г. Уполномоченный по правам человека в РФ в специальном докладе «О выполнении Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы» указывал, что Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», принятый 26 сентября 1997 г., после присоединения РФ к Совету Европы, не учел как существующих норм международного права, так и его общепризнанных принципов. И подчеркнул, что «при нынешней ситуации нельзя исключать решений Европейского суда по правам человека не в пользу России по делам, связанным со свободой вероисповедания и религиозных убеждений».

Такое заключение было основано на том, что за последние годы ЕСПЧ сформировал значительную практику применения ст. 9 и 11 Конвенции, которая содержит в себе толкования обязательств в области свободы совести, вероисповеданий и свободы ассоциаций, вытекающие из участия Конвенции.

Поэтому для разрешения проблемы мы обратились в ЕСПЧ.

Постановление ЕСПЧ

ЕСПЧ в своем Постановлении от 1 октября 2009 года установил, что права саентологов были нарушены и государство-ответчик обязано выплатить заявителям компенсацию. Всегда приятно, когда правда побеждает, когда справедливость торжествует. Когда в жизни происходят правильные вещи, то чувствуешь своего рода «возрождение» уверенности в том, что мир может быть улучшен. Тем более что каждое решение ЕСПЧ оказывает непосредственное влияние на 47 стран членов Совета Европы, поднимая стандарт защиты прав человека на более высокий уровень [2]. Постановление ЕСПЧ по делу «Кимля и другие против РФ» от 01.10.2009 стало прецедентным. В Постановлении было отмечено, что «устоявшаяся прецедентная практика Европейского суда заключается в том, что возможность учреждения юридического лица для совместной деятельности в сфере взаимного интереса представляет собой один из важнейших аспектов свободы объединения, без которого это право лишено всякого значения. Отказ национальных властей в предоставлении статуса юридического лица объединению лиц, религиозному или иному, составляет вмешательство в осуществление права на свободу объединения с другими (см. Постановление Большой Палаты по делу «Гожелик и другие против Польши» (Gorzelik and Others v. Poland), жалоба № 44158/98, § 52 и другие, ЕСНК 2004-I; и упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции», § 31 и другие). Европейский суд ранее признавал, что отказ властей в регистрации группы прямо затрагивают саму группу и ее председателей, учредителей или индивидуальных членов.

...Власти Российской Федерации не указали "настоятельной общественной необходимости", которой отвечало оспариваемое ограничение, или "относимых" и "достаточных" причин, которые могли бы оправдать длительный период ожидания религиозной организации для получения статуса юридического лица. Что касается ссылки властей Российской Федерации на дело Сидиропулоса и других (упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Сидиропулос и другие против Греции"), то Европейский суд напоминает, что в том деле он установил нарушение ст. 11 Конвенции даже с учетом того, что объединениезаявитель подозревалось в преследовании незаконных целей и ему было отказано в регистрации в качестве превентивной меры. Европейский суд указал, что "никогда не существовавшее объединение не имело времени для совершения какихлибо действий" и что в любом случае власти не были бессильны, поскольку «суд мог принять решение о ликвидации объединения, если... его деятельность оказалась бы противоречащей закону, морали или общественному порядку» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Сидиропулос и другие против Греции", § 46).

Напротив, в настоящем деле ни на одном этапе разбирательства не утверждалось, что заявители - как физические лица или как религиозная группа - участвовали или намеревались участвовать в какой-либо незаконной деятельности или преследовали иные цели помимо богослужения, преподавания, совершения религиозных и культовых обрядов. Основание для отказа в регистрации было чисто формальным и не связанным с их реальной деятельностью. Единственное "правонарушение", в котором заявители были признаны виновными, заключалось в намерении требовать регистрации объединения, которое являлось "религиозным по характеру" и не существовало в регионе в течение хотя бы 15 лет. Европейский суд также отмечает в этой связи, что оспариваемое положение Закона "О свободе совести" было направлено только на религиозные общины базового уровня, которые не могли доказать своего присутствия в данном российском регионе или принадлежности к централизованной религиозной организации. Таким образом, представляется, что только вновь возникшие религиозные группы, не являвшиеся частью строго иерархической церковной структуры, были затронуты "правилом о 15-летнем сроке". Власти Российской Федерации не представили обоснования для столь дифференцированного подхода».

С учетом изложенных соображений, Европейский суд решил, что вмешательство в права заявителей на свободу религии и объединения с другими не может считаться "необходимым в демократическом обществе" и имело место нарушение статьи 9 Конвенции, истолкованной в свете ст. 11 Конвенции» [1].

На данное постановление сам ЕСПЧ ссылается в своих решениях, на данный прецедент ссылается также и Конституционный Суд РФ [4]. В сентябре 2010 Минюст РФ разослал по своим подразделениям указание не применять «правило 15 лет». Летом 2015 года из федерального закона норма о 15-летнем сроке была исключена из Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». То есть, защитив свои права, мы добились и защиты прав каждого в области свободы совести и свободы объединений.

К сожалению, в настоящее время уже появились новые дискриминационные нормы, направленные на подавление свободы совести, — это принятые в 2016 году нормы о миссионерстве.

Это уже другая история, но это продолжение непонимания значения религиозной свободы для гражданского общества.

Однако именно на почве признания полной религиозной свободы, отделения церкви от государства выросли американские «декларации прав» — отдельных штатов и всего союза — декларации, послужившие образцом для знаменитого акта французского национального собрания — Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Убедительное исследование немецкого юриста Георга Еллинека в книге «Декларация прав человека и гражданина» о корнях концепции прав человека показывает, что именно стремление к религиозной свободе стало причиной принятия Декларации штата Виргинии 1776 года, которая оказала сильнейшее воздействие на все последующие декларации прав человека.

В 1988 году папа Иоанн Павел II напомнил, что «гражданское и общее социальное право на религиозную свободу, поскольку оно затрагивает самую глубоко интимную сферу духа, предстает как опорная точка, а в известном плане также и становится мерилом всех других основных прав».

Ответ на вопрос, почему необходимо понимать, что такое свобода совести и почему ее нужно уважать, можно найти в книге одного из корифеев российской юридической науки профессора И. А. Покровского:

«Духовные интересы составляют самое содержание, самую сущность человеческой личности — то, что дает ей ощущение ее подлинного "я" и от чего она не может отказаться, не переставая быть самой собою. Вот почему религиозные и нравственные убеждения способны бросить маленькую горсть людей, даже одного единственного человека, на самую решительную борьбу с огромным обществом, со всемогущим государством. Вот почему самый вопрос о неотъемлемых правах личности был поставлен впервые именно в этой области. Раз государственное или общественное вмешательство грозит сломать в человеке его самое ценное, грозит убить самую его духовную сущность, нет ничего удивительного, если он примет решение или отстоять себя, или погибнуть. Чем более растет человеческое самоосознание, тем более растет и ценность духовной свободы. Борьба личности за свои права является, таким образом, в этой области борьбой за свободное целеполагание, за нравственную свободу. Человек хочет свободно искать Бога и его правды, ибо только свободно признанный Бог есть Бог; принудительно навязанным может быть только идол».

Полагаю, что осознание этих простых истин уже могло бы изменить отношение к правам и свободам религиозных меньшинств.

Уважение к правам человека всегда возвращается государству сторицей в виде поддержки населением программ Правительства и доверием к нему.

Литература

- 1. Султанов А. Р. Еще один урок европейского суда по правам человека по защите свободе совести // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. С. 40–44.
- 2. Султанов А. Р. О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ // Российская юстиция. -2014. -№ 1. C. 24-28.
- 3. Султанов А. Р. О правосубъектности религиозных объединений // Религия и право. 2009. № 3. С. 39.
- 4. Султанов А. Р. Совершенствование системы защиты прав и свобод человека // Закон. -2012. -№ 2. C. 25–34.

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of the Legal Department of PJSC Nizhnekamskneftekhim (Nizhnekamsk)

As case of the state registration has turned into case of protection of freedom of conscience (European Court of Human Rights, Kimlya and Others v. Russia (Appl. No. 76836/01, 32782/03) judgment of 1 October 2009)

Registration of religious association in the Russian Federation entails many organizational and other difficulties owing to discrimination provisions in the legislation and jurisprudence, which correspond to this legislation – discrimination and violating the human rights. These provisions contradict international legal obligations of Russia including standards of the European Convention on protection of human rights and fundamental freedoms. Particular norms contradicting international legal obligations of Russia are excluded from «The Freedom of Conscience and Religious Associations Federal Act». The vigorous human rights activism leads to gradual expansion of everyone's rights and freedoms in the field of freedom of conscience and freedom of associations, including freedom of religious associations.

Key words: religious association; religious organization; religious group; state registration; discrimination; Convention on protection of human rights and fundamental freedoms; European Court of Human Rights; freedom of conscience; freedom of religious; freedom of religious beliefs; freedom of associations; religious minorities.

УДК 341.231.14:37

С. И. Глушкова*

Развитие правового просвещения и образования в области прав человека: международные стандарты и региональный опыт (на примере Свердловской области)

В статье рассматриваются международные стандарты и региональные программы по образованию в области прав человека. Обобщается и анализируется опыт правового просвещения и образования в сфере прав человека в Свердловской области, взаимодействие Уполномоченного по правам человека и уральских вузов.

Ключевые слова: Всемирная программа образования в области прав человека, правовое просвещение; ООН; обучение правам человека; уважение прав человека; опыт Свердловской области; Гуманитарный университет.

С 2005 года по настоящее время в различных странах мира — членах ООН постепенно, разными темпами развивается Всемирная программа образования в области прав человека (далее — Программа). Как верно отметили в 2012 г. в комментарии к плану действий второго этапа Программы Н. Пиллэй, Верховный комиссар ООН по правам человека, и И. Бокова, Генеральный директор ЮНЕСКО, «образование в области прав человека — это процесс, продолжающийся на протяжении всей жизни и формирующий знания и навыки, а также подходы и модели поведения в целях поощрения и защиты прав человека». Программа была создана как глобальная инициатива для содействия «разработке конкретных мер в целях интеграции образования в области прав человека во все сектора» (1, с. 1).

Первый этап Программы (2005–2009 гг.) был направлен на развитие образования по правам человека в школьной системе. Второй этап Программы (2010–2014 гг.) предполагал развитие образования по правам человека в вузах, а также обучение правам человека различных групп населения – гражданских служащих, сотрудников правоохранительных органов, женщин, мужчин-военнослужащих. Третий этап Программы (с 2015-го по 2020 г.) направлен на развитие образования по правам человека прежде всего для журналистов, правозащитников, мигрантов, и в то же время продолжение развития образования по правам человека для учителей и школьников, студентов и преподавателей, военнослужащих и других групп населения.

В плане действий по реализации второго этапа Программы отмечается, что образование в области прав человека – это образование, подготовка и информационно-разъяснительная деятельность, направленные на воспитание универсальной культуры прав человека. Актуален, как всегда, вопрос о том, каким будет это образование – эффективным или неэффективным. Важно достижение эффективного образования в области прав человека, которое предполагает не только усвоение знаний о правах человека, но и формирование навыков «для поощрения, защиты и осуществления прав человека в повседневной жизни», а также поощрение подходов и моделей поведения, «необходимых для защиты прав человека всех членов общества». Занятия и мероприятия, в целом, должны иметь практический характер, должны быть направлены на усвоение фундаментальных ценностей (равенство и недопущение дискриминации), взаимосвязь жизненного опыта и прав человека. Содержание и методика обучения правам человека «должны отражать

^{*} Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, председатель Свердловского регионального отделения РАПН (г. Екатеринбург).

правозащитные ценности, поощрять участие и содействовать формированию учебной среды, свободной от нужды и страха» (2, с. 2).

Подготовке и провозглашению ООН 10 декабря 2004 г. Всемирной программы по образованию в области прав человека предшествовала большая и тяжелая работа по формированию международных и региональных стандартов по правам человека, прежде всего по разработке стандартов по образованию, воспитанию, обучению в области прав человека.

В каждом новом международном стандарте постепенно закреплялись новые направления или новые аспекты, новые методики или способы, механизмы развития, новые субъекты/объекты образования в области прав человека, например:

- ✓ увеличение уважения к правам человека и основным свободам (Всеобщая декларация прав человека, ООН, 1948 г.),
- ✓ укрепление уважения к правам человека и основным свободам (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ООН, 1966 г.),
- ✓ поддержка программ международного воспитания, программ обучения правам человека в школьном и внешкольном образовании (Рекомендации о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод, ООН, 1974 г.),
- ✓ глобальная мобилизация энергии и ресурсов для обучения отдельных лиц и групп правам человека (Всемирный план действий по обучению правам человека и демократии, ООН, 1993 г.),
- ✓ разработка эффективных стратегий развития образования в области прав человека на всех уровнях образования, формального и неформального обучения, координация разработки учебных материалов в этой области, распространение в глобальном и доступном масштабе Всеобщей декларации прав человека (План действий на десятилетие образования в области прав человека, ООН, 1995–2004 гг.), др. (3, с. 4–7).

В России впервые Год прав человека был проведен в 1998 г. В том же году состоялась первая Всероссийская научно-методическая конференция по преподаванию прав человека, организованная Московской школой прав человека (в Совет Школы входили А. Азаров, С. Алексеев, А. Асмолов, Л. Богораз, В. Карташкин, Ю. Колосов, М. Лазутова, Т. Рамишвили, М. Савин, Г. Солнцева, З. Шнекендорф, др.) (4, с. 3). Данная конференция дала старт многим образовательным и просветительским проектам по правам человека в российских регионах. Следующие столичные или региональные конференции, московские или региональные Зимние и Летние Школы, организованные Московской школой прав человека и ее сторонниками, последователями, постепенно объединяли усилия представителей средней и высшей школы, общественных организаций, журналистов, представителей органов государственной власти и негосударственного сектора, создавая сообщество сторонников необходимости эффективного образования в области прав человека в России.

Со временем во многих регионах энтузиастами, подвижниками прав человека были созданы школы (например, Рязанская, Уральская, др.), центры (например, широко известный Санкт-Петербургский центр «Стратегия»), ассоциации и другие организации по образованию в области прав человека, которые и в настоящее время продолжают активно заниматься обучением знаниям, умениям и навыкам защиты прав человека молодежи и поколения третьего возраста, других социальных групп населения.

Мощную работу по развитию образования в области прав человека с 1997 г. по настоящее время ведут уполномоченные по правам человека на всех уровнях (России и многих российских регионов), важным направлением деятельности которых является правовое просвещение и образование в области прав человека.

Ценно то, что многие уполномоченные не только сами активно занимаются этими направлениями, но и поддерживают институты гражданского общества в регионах, которые предлагают новые инициативы или проводят ставшими традиционными мероприятия по образованию в области прав человека (олимпиады, конкурсы, семинары, конференции).

В 2011 г. Президентом Российской Федерации были приняты «Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (далее – Основы). С принятием Основ в российских регионах начали разрабатываться программы, концепции развития правовой грамотности и правосознания граждан. Так, с 2012 года по настоящее время в Свердловской области реализуется Концепция развития правовой грамотности и правосознания граждан Свердловской области, которая была разработана экспертным сообществом из числа ученых, представителей органов государственной власти и институтов гражданского общества.

Одним из передовых регионов, в которых образование в области прав человека имеет многолетний опыт и изданы широко известные в России (и за ее пределами) научные/учебные пособия/словари/энциклопедии, является Свердловская область (далее – CO).

С 2005 г. по настоящее время в СО успешно реализуется Областная программа правового просвещения, которая на общественных началах ведется Уполномоченным по правам человека в СО Т. Г. Мерзляковой, юридическим факультетом Гуманитарного университета (декан – д-р юрид. наук, профессор А. П. Семитко) и Центром правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета (директор – замдекана, д-р полит. наук, профессор С. И. Глушкова). В рамках этой программы развивается правовое просвещение и образование в области прав человека, объединяются усилия представителей органов государственной власти и институтов гражданского общества. Среди партнеров Областной программы правового просвещения и тех, кто ее поддерживает, нужно отметить: депутатов Законодательного Собрания СО, сотрудников Уставного Суда СО, сотрудников Арбитражного Суда СО, Коллегию адвокатов «Свердловская областная гильдия адвокатов», АНО «Уральский центр медиации», АНО «Институт частного права», Свердловское региональное отделение ООО «Ассоциация юристов России», Свердловское региональное отделение ООО «Российская ассоциация политической науки (РАПН), др. Постоянный многолетний партнер - Ассоциация преподавателей права CO «Правовое образование – XXI век» (председатель – канд. ист. наук, доцент СУНЦ УрФУ И. С. Огоновская, которая в течение последних трех лет является советником министра образования Свердловской области).

Среди практических действий по образованию в области прав человека в СО, реализуемых в рамках Областной программы правового просвещения в 2017—2018 гг., нужно назвать следующие: 1) обучающие школы, мастер-классы, олимпиады и конкурсы по праву и правам человека для старшеклассников; 2) семинары, обучающие школы по праву и правам человека для учителей; 3) конкурсы творческих работ и семинары, посвященные деятельности Международного Комитета Красного Креста, для школьников и студентов; 4) конференции и семинары по правам человека для преподавателей и студентов.

Среди многолетних просветительских проектов по образованию в области прав человека (2005–2018 гг.) и новых инициатив, которые реализуются в рамках Областной программы правового просвещения, нужно отметить следующие: 1) Алексеевские (Осенние и Весенние) юридические школы, которые с осени 2013 года стали именоваться Алексеевскими в память об известном российском ученомправоведе, знаменитом юристе, д-р юрид. наук, профессоре, нашем земляке С. С. Алексееве; 2) олимпиады и конкурсы по правам человека, интерес к кото-

рым с каждым годом растет (так, заявки на участие в Областной олимпиаде по правам человека в 2018 году подали 180 старшеклассников); 3) Летние (Алексеевские) юридические школы для учителей; 4) конференции по правам человека для преподавателей, студентов, учителей права и обществознания; 5) правовые педагогические форумы.

Важную роль в образовании в области прав человека, правовом просвещении, гражданском образовании играют общественные и экспертные советы. Так, при Уполномоченном по правам человека в СО по инициативе экспертов из вузов и общественных организаций в 2014 году были созданы два общественных совета, которые действуют и по настоящее время: 1) Совет Уральской школы по правам человека, объединяющий представителей уральских вузов, которые готовят юристов (УрГЮУ, УрГПУ, УрИУ РАНХиГС, Гуманитарный университет), а также магистров по правам человека (УрФУ, УрГЮУ, Гуманитарный университет); 2) Общественный совет по медиации в образовательных организациях, которым за период с 2014-го по 2017 г. были проведены конференции, обучающие семинары, Школы юного медиатора, курсы повышения квалификации по созданию школьных служб примирения, школьных служб медиации для учителей, др. Новым направлением работы Общественного совета по медиации в образовательных организациях в 2017 году стали мероприятия по созданию студенческих служб примирения, организованные Уполномоченным, Гуманитарным университетом, АНО «Уральский центр медиации» (директор – О. П. Махнева).

Большая работа по правовому просвещению и образованию в области прав человека ведется ООО «Ассоциация юристов России», региональными отделениями. Например, в рамках Дней бесплатной правовой помощи детям активно и масштабно проводятся открытые лекции, встречи с практикующими юристами, адвокатами, судьями, интерактивные мероприятия (викторины, конкурсы, олимпиады).

Наряду с этим в Свердловской области активно проводятся городские и областные конкурсы по развитию правовой культуры, межтерриториальные олимпиады для учащихся, например на тему «Государство, в котором мы живем», среди организаторов которых — Избирательная комиссия Свердловской области, территориальные избирательные комиссии, методические объединения учителей городов области, Центры внешкольной работы городов области, др.

В ноябре 2014 г. при Президентском центре Б. Н. Ельцина в Екатеринбурге по инициативе известного политического деятеля и ученого Г. Э. Бурбулиса был создан Народный университет российского конституционализма (НУРК) в виде «Открытого университета», который успешно действует по настоящее время. Среди интересных и важных форм работы НУРК, которые поддерживаются областным омбудсменом, уральскими вузами, органами государственной власти и институтами гражданского общества, можно отметить следующие: 1) народные дискуссионные трибуны; 2) дискуссионный клуб старшеклассников; 3) социальногуманитарный лекторий (инициаторами которого выступили представители Гуманитарного университета); 4) встречи с известными политическими деятелями; 5) открытые лекции известных ученых, политических деятелей, специалистов по правам человека.

Фундаментальные и практические знания, умения и навыки получают выпускники магистерских программ по правам человека, которые действуют в трех уральских вузах — Уральском государственном юридическом университете (УрГЮУ), Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Гуманитарном университете. Это стало огромным шагом вперед в совершенствовании системы образования в области прав человека, когда сразу три уральских вуза при поддержке Уполномоченного по правам человека в

СО вступили в октябре 2014 г. в Консорциум российских университетов (далее – Консорциум), который успешно функционирует при поддержке УВКПЧ ООН и МИД России. В Консорциум входят МГИМО, РУДН, РГГУ, КФУ (Казань), ПГНИУ (Пермь) и с 2014 г. по настоящее время уральские вузы – УрФУ, УрГЮУ, Гуманитарный университет. Также в 2014 г. в консорциум вступил Воронежский государственный университет. В настоящее время рассматривается вопрос о расширении состава Консорциума и о распространении образовательных программ, большой учебно-методической базы Консорциума, успешного опыта Консорциума по образованию в области прав человека и в других российских регионах.

Опыт Консорциума уникален своими программами, методиками, лекторами и учебными курсами. Магистры и преподаватели Консорциума активно участвуют в таких международных проектах, как Венецианская Летняя академия по правам человека для преподавателей (Италия), Венецианская Летняя школа по правам человека для магистров (Италия), которые организует Европейский центр по правам человека и демократизации, при поддержке УВКПЧ ООН.

Среди постоянных, ежегодных мероприятий консорциума надо отметить такие, как: 1) семинары и академии для преподавателей вузов (среди организаторов – РУДН); 2) лекции российских и зарубежных профессоров и практиков по правам человека, которые транслируются на все вузы консорциума посредством ресурсных центров, созданных при поддержке УВКПЧ ООН); 3) ежегодные российские Летние школы по правам человека для магистров вузов консорциума, в рамках которых проходят Модели Европейского суда по правам человека (на английском языке); 4) практикумы и открытые лекции сотрудников Аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ для магистров консорциума; 5) конкурсы и конференции для магистров и преподавателей.

Каждый из вузов Консорциума имеет свою магистерскую программу по правам человека. Так, в УрФУ реализуется магистерская программа «Правовое регулирование международных процессов», в УрГЮУ реализуется магистерская программа «Международная защита прав человека», в Гуманитарном университете реализуется магистерская программа «Правовая защита и обеспечение правовой безопасности личности».

Наряду с чтением базовых и специальных курсов по правам человека для магистров правозащитных программ, также спецкурсы по правам человека имеются в программах по подготовке бакалавров и магистров УрФУ, УрГЮУ, УрИУ РАНХиГС, Гуманитарного университета. Темы прав человека включены во многие юридические дисциплины, которые читаются на юридических факультетах/институтах УрГЮУ, УрГПУ, УрИУ РАНХиГС, УрГЭУ, Гуманитарного университета.

В ряде уральских вузов имеются профильные кафедры и центры, специально занимающиеся образованием в области прав человека. Так, с 2004 г. по настоящее время действует кафедра прав человека и Центр правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, организующие совместно с Уполномоченным по правам человека в СО правозащитные школы, конкурсы, конференции, семинары для различных групп населения. Центр «Кафедра ЮНЕСКО прав человека, мира, демократии, толерантности и международного взаимопонимания» функционирует в УрФУ. Постоянными мероприятиями являются ежегодные Декабрьские чтения по правам человека, которые проводятся при поддержке Уполномоченного по правам человека в СО.

Важную работу по правовому просвещению, консультированию граждан ведут Студенческие правовые консультации (юридические клиники) — Общественные приемные Уполномоченного по правам человека в Свердловской области,

которые функционируют в УрГЮУ, УрИУ РАНХиГС, Гуманитарном университете.

Большую роль в развитии образования в области прав человека играет Уполномоченный по правам человека в СО Т. Г. Мерзлякова, которая с 2001 г. по настоящее время систематически и профессионально, грамотно и умело, на высоком уровне взаимодействия координирует всю деятельность в сфере гражданского образования, образования в области прав человека, правозащитного просвещения в Свердловской области, выступает посредником/медиатором/связующим звеном между органами государственной власти и институтами гражданского общества. При поддержке Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой были подготовлены и вышли в свет, получили признание учебники и учебные пособия по правам человека и по правам ребенка, словари по правам человека: 1) Словарь-справочник по правам человека: понятия и институты (гл. редактор С. С. Алексеев, зам. гл. ред. А. П. Семитко, С. И. Глушкова) (М., 2006); 2) Права человека: энциклопедический словарь (гл. ред. С. С. Алексеев, зам. гл. ред. А. П. Семитко, С. И. Глушкова) (М., 2009); 3) Философский словарь по правам человека (ред. совет: председатель А. В. Гайда, отв. ред. Н. В. Бряник, Л. А. Закс, Т. Г. Мерзлякова, В. Д. Перевалов) (Екатеринбург, 2009); 4) уникальная серия, посвященная правовому воспитанию учащихся начальной школы: «Первоклассные истории о правах человека» (2003), «Увлекательные истории о правах» (2004), «Правдивые истории о правилах и правах» (2005), «Истории о правах» (2006), др. Благодаря многолетним гуманитарным и правозащитным практикам, своевременной и профессиональной поддержке и пониманию Уполномоченным Т. Г. Мерзляковой всех проблем в сферах гражданского образования, образования в области прав человека, правозащитного просвещения, в Свердловской области существует постоянный диалог власти и общества, появляются и развиваются гражданские и просветительские инициативы, деятельность специалистов и экспертов по правам человека является многосторонней и эффективной, широко используются все известные формы и технологии сотрудничества и взаимодействия.

Анализируя уральский опыт, нужно отметить, что правовое просвещение и образование в сфере прав человека в Свердловской области развиваются успешно, планомерно, в соответствии с российским и региональным законодательством и с учетом фундаментальных принципов Всемирной программы образования в области прав человека. Однако надо отметить, оценивая ситуацию в России в целом, что пока не всё из планов действий данной Программы и предложений институтов гражданского общества, академического сообщества, омбудсменов реализовано – как в целом в России, так и в регионах. В связи с этим из приоритетных задач ближайшего времени, которые важно решить для эффективного развития образования в области прав человека, нужно отметить следующие: 1) введение обязательного для всех образовательных организаций (школ, колледжей, вузов) курса по правам человека, 2) разработку Национальной программы по образованию в области прав человека, 3) создание учебных программ, учебников, учебных пособий, практикумов, словарей, энциклопедий по правам человека, в том числе с учетом тематики международной защиты прав человека, региональных систем защиты прав человека, механизмов национальной защиты прав человека, защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Литература

- 1. Пиллэй Н., Бокова И. Предисловие // Всемирная программа образования в области прав человека. Второй этап. План действий. Нью-Йорк ; Женева, 2012. С. 1.
- 2. Всемирная программа образования в области прав человека. Второй этап. План действий. Нью-Йорк ; Женева, 2012. С. 2.
- 3. Мерзлякова Т. Г. Реализация права на образование и просвещение в сфере прав человека: доклад // Европейско-Азиатский конгресс «Правовая интеграция Европейско-Азиатского региона в условиях глобализации». Екатеринбург, 2007. С. 4–7.
- 4. Азаров А. Образование в области прав человека в Российской Федерации : аналитическая записка. М. : Московская школа прав человека, 2003. С. 3.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Sciences, the Head of Human Rights Department, the Chairman of Centre for Education in the Law and Human Rights at Liberal Arts University, the Chair of Russian Political Science Association in Sverdlovsk Region (Ekaterinburg)

Development of Education in the Law and Human Rights: International Standards and Regional Experience (the example of the Sverdlovsk region)

The paper covers international standards and regional programs for Human Rights Education. The author generalizes and analyses the experience of the Sverdlovsk region in education in the law and human rights, and cooperation of Human Rights Defender with Ural high schools. **Key words:** world program for human rights education; education in the law; UN; human rights education; respect for human rights; Sverdlovsk region experience; Liberal Arts University.

УДК 130.2:004 **А. В. Дроздова***

Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры

Включение в мир человеческих отношений многочисленных медиумов и цифровых интерфейсов размывает границы между офлайн- и онлайн-средой. В статье выделяются основные свойства расширенной, или «удвоенной», повседневной реальности, выявляются ее новые качества в эпоху цифровой культуры, требующие новой рефлексии и теоретического осмысления. Важно понимать, каковы различия в изучении концепта повседневности в цифровую и доцифровую эпоху, как «работать» с повседневностью сейчас, каковы способы гуманитарного наблюдения за онлайн-повседневностью.

Ключевые слова: повседневность; офлайн; онлайн; цифровая культура; сингулярность; транспарентность.

Изучение современной повседневности, существующей в эпоху цифровой культуры, требует теоретического уточнения исследовательских подходов, разработанных еще в доцифровую эпоху. Несмотря на то что в современной гуманитаристике выработаны исследовательские подходы, позволяющие анализировать самый разный социальный, культурный и антропологический опыт, проблематика повседневности, связанная с развитием цифровых медиакоммуникаций и интернет-технологий, занимает незаслуженно скромное место. Тогда как в новой ситуации расширения привычных границ повседневности важно понимать, каковы различия в изучении концепта повседневности в цифровую и доцифровую эпохи, как «работать» с повседневностью сейчас, каковы способы гуманитарного наблюдения за онлайн-повседневностью.

В работе мы опирались на исследования зарубежных и отечественных авторов, изучавших сферу повседневной жизни во множественных историко-культурных, социальных, коммуникационных контекстах. С нашей точки зрения, значимым подходом для современной трактовки повседневности является социологическая теория А. Шюца, который выдвинул ключевой для социального знания тезис о множественности реальностей [13], в которой пребывает человек. По Шюцу, повседневность, будучи одной из конечных областей значений, определяется как «верховная реальность», в ряду других миров научной теории, игры, фантазии, искусства, сновидений [12], и она связана с деятельной природой человека и его личностной вовлеченностью в мир социального действия и коммуникации. Во «множественной реальности» А. Шюца каждый из миров замкнут и обладает своей суверенностью, но только в повседневность человек погружен полностью, в отличие от других «конечных областей значений», где он участвует частично.

Как было отмечено ранее, в рамках социальной феноменологии произошла суверенизация повседневности как особого мира, несводимого к другим мирам. Понимая, что человеческие мотивы сложны и запутанны и их практически невозможно анализировать, А. Шюц (вслед за Э. Гуссерлем) формулирует «общий тезис о взаимозаменяемости перспектив», согласно которому взаимодействие и понимание людьми друг друга базируется на предположении, что мои партнеры по коммуникации видят мир так же, как и я сам. Следовательно, повседневность здесь понимается как общий, интерсубъективно типизированный мир социально-

^{*} **Алла Владимировна Дроздова,** канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург).

[©] А. В. Дроздова, 2018

го действия и коммуникации, где мы имеем дело с привычными формами, типами взаимодействий (типические ситуации, мотивы и т. д.), которые представляют собой репертуар культурных моделей, используемых индивидами в практической деятельности.

Однако важно отметить, что для современной культуры тезис А. Шюца «о взаимозаменяемости перспектив» имеет ряд ограничений и требует, с нашей точки зрения, конкретизации и уточнения, обязательного соотнесения с реалиями современного общества. Этот тезис не отрицает наличия индивидуальных различий в восприятии мира, уникальности биографического опыта, но, тем не менее, подчеркивает, что повседневные взаимодействия возможны только тогда, когда действующие индивиды приобретают черты социальности – универсальности и безличности. Однако развитие современности складывается из противоречивых практик быстро изменяющегося общества, поэтому и повседневный мир человека с возрастанием мобильности и социальной неопределенности перестал быть устойчивым и стабильным.

Новые характеристики современности заставляют обратить внимание на разные, отличные друг от друга, «локусы» повседневности (городская/сельская, советская/постсоветская, офлайновая/онлайновая, частная/публичная и т. п.), на множественность и вариативность сценариев взаимодействия, плюральность норм и ценностей, которые могут противоречиво сосуществовать, дополняя друг друга. В текучем и мобильном пространстве коммуникаций, где одна реальность «набегает» на другую, где одновременно существуют разные социальные группы и сообщества, для которых актуальны принципиально отличные друг от друга правила и ценности, скорее можно говорить о фрагментарной, «лоскутной» повседневности.

Кроме того, нельзя не отметить, что парадокс повседневного взаимодействия людей заключается в том, что типическое не исключает ситуацию «лицом к лицу», в которую партнеры по коммуникации могут быть вовлечены не только функционально, но и сущностно. Поэтому если рассматривать повседневность как процесс, где происходит формирование и организация человека и общества, то не следует сводить ее к уже готовым образцам и ранее знакомым сценариям взаимодействия с другими людьми, к некоему известному набору свойств определенного типа. В современной ситуации повседневность, как сфера рутинного и типического, вместе с тем становится «местом образования смысла, открытия правил» [2, с. 47], именно здесь происходит пересечение традиции и инновации, определенных норм и отклонения от них.

Автор считает, что признание текучей и многомерной природы социальной жизни заставляет пересмотреть центральный тезис феноменологии повседневности о «множественности миров» как «замкнутых» и «конечных» областей смысла, теперь сама «верховная реальность» начинает рассматриваться как сложно структурированный мир, переставший быть единым. В новой перспективе исследования повседневность обнаруживает свое сложное и противоречивое содержание, несводимое к ранее существовавшим универсальным формам рутинного взаимодействия людей; более того, повседневность становится гетерогенной реальностью, местом пересечения разных жизненных миров, где граница между мирами больше не замкнута. Изменившийся эффект «присутствия» человека в мире, его одновременная принадлежность сразу двум мирам – реальному (офлайновому) и цифровому (онлайновому) означает не только повседневное проживание в них, но и ценностно-смысловой переход внешнего во внутреннее, индивидуального в массовое, частного в публичное. При этом специфика цифровой среды начинает приобретать признаки самостоятельной реальности, влияющей на виды человеческой деятельности и практики повседневности в офлайновой среде.

Анализ «повседневных способов делания», или практик взаимодействия, является важным для исследования концепта повседневности. В этой связи в рамках нашего изучения особый интерес представляют такие разные по исследовательским установкам авторы, как Э. Гидденс [3], Н. Элиас [14], М. де Серто [9], Л. Болтански и Л. Тевено [1], которые в рамках практической парадигмы изучали «детали» повседневности, плюрализм социальной жизни, множественные и разноуровневые формы включенности в мир. Значимость понятия «практика» трудно переоценить для культурологических исследований современной повседневной жизни, так как обращение к множественным конкретным частным практикам позволяет вывести их из зоны незамечаемых и потому нерефлексируемых действий. Так, в работе «Изобретение повседневности» де Серто обращает внимание, прежде всего, на то, что повседневность представляет собой не столько реализацию норм и вынужденного подчинения правилам и схемам, сколько импровизацию, «уловки», «браконьерство», «процедуры повседневной изобретательности» тех, кого «обычно считают обреченными на пассивность». Следует отметить, что интерес исследователя перемещается от «пассивной неподвижной фигуры» индивида к актору, способному к повседневному анонимному творчеству, которое проявляется в будничных актах потребления, обустройстве быта или освоении городского пространства.

Между тем акторная позиция де Серто, распространенная на изучение стратегий и тактик повседневных действий, также требует расширения анализа. В цифровой современности следует учитывать, что практики повседневности постоянно обновляются и множатся в принципиально другом пространстве – пространстве Интернета, именно здесь формируются новая интерактивная среда, новые коммуникативные смыслы и способы взаимодействия. На смену линейному принципу традиционных медиакоммуникаций пришел новый, нелинейный, т. е. веерный (рандомный), доступ к Интернету, позволяющий в онлайн-режиме быть связанным одновременно с множеством других пользователей. Посредством цифровых изображений пользователи в социальных сетях не просто делятся контентом, но и становятся просьюмерами, акторами, маркируя разные сценарии представления себя в повседневной жизни, они производят то, что соответствует своему и чужому интересу. Так, с появлением социальных сетей и блогинга формируются совершенно другие, не имеющие ранее прецедентов культурные практики просьюмеризма, которые характерны для человека активного, самостоятельно обустраивающего среду своего проживания, принимающего экономические решения, вовлеченного в производство культурных продуктов и смыслов.

Очевидно, что в цифровой среде формируются новые культурные практики и новый субъект, который способен самостоятельно «отстраивать» свои привычки и правила, обучаться, обретать новые профессиональные навыки и умения, формировать свой круг общения, создавать новые формы высказывания. Подобного рода практики до недавнего времени было сложно себе представить, поскольку они были закреплены за определенными элитами, но теперь можно говорить о демократизации культурного и социального производства, где каждый пользователь — и потребитель, и актор. Здесь важно отметить и еще одну важную характеристику современных повседневных практик, принадлежащих к тактическому типу (покупать, готовить, писать, путешествовать, работать): они перестали быть анонимными, так как получили возможность быть показанными разными медиа, в том числе и новыми, сетевыми, превращая любое рутинное действие из непроницаемого в очевидное для других.

В многообразии подходов к исследованию повседневных практик выделим программу И. Гофмана, для которого повседневный мир – событийный порядок непосредственного взаимодействия людей, в основе которого лежат устойчивые

формы интерпретации опыта — фреймы. В работе «Представление себя другим в повседневной жизни» [4] Гофман изучал способы и действия, с помощью которых индивид, как искусный актер, создает версию себя. Более всего Гофмана интересуют перформативные аспекты этого процесса, знаковая оснастка и инструментарий, позволяющий управлять создаваемым впечатлением, достигать взаимопонимания и социального взаимодействия. С нашей точки зрения, гофмановский фрейм-анализ как схема интерпретации повседневной коммуникации может быть использован в современной ситуации для изучения онлайн-коммуникации, моделей самопрезентации и контента социальных медиа.

Однако важно понимать, что фреймы «исполнения себя», анализируемые Гофманом, получают дополнительное измерение в новой ситуации. Сетевой характер медиа обозначил целый ряд проблем изучения теперь уже цифровых коммуникативных практик. Их растущее число обусловило трансформацию повседневных ругинных взаимодействий, реальных связей и отношений, расширило границы конструирования и презентации себя в онлайновом режиме, сделав эти практики обязательными для рядовых пользователей социальных сетей. Важной характеристикой произошедшего культурного сдвига является «производство самости», создание «версии себя» в опосредованной цифровыми технологиями онлайн-культуре. Так, если в традиционных медиа представление себя другим было уделом знаменитостей и политиков, то сейчас каждый желает быть вовлеченным в публичную сферу. Пользователи строят свой образ и конструируют расширенную идентичность при помощи лайков, различных профилей, картинок, выстраивая уровни и группы своих друзей, они тем самым заботятся о росте своей аудитории. Иными словами, с помощью онлайн-инструментов происходит одновременное представление себя как персонажа и как спектакля [7, с. 146]. Эту тенденцию нам удалось подтвердить в рамках исследования репрезентации повседневности в социальных сетях; мы зафиксировали, что конструирование повседневности осуществляется через самопрезентацию, или собственный жизненный мир пользователя.

Изменения, связанные с трансформацией структуры коммуникации в повседневном мире, рассматриваются в работах Ю. Хабермаса [11, с. 20]. Несмотря на то что его концепция публичной сферы (коммуникативной рациональности) воплощает идеальную модель взаимодействия, она обретает новое звучание в связи с расширением границ повседневной жизни в онлайн. Растущее в социальных сетях производство себя указывает на желание аудитории пользователей быть вовлеченными в публичную сферу, но не в ту, легитимирующую власть, о которой писал Ю. Хабермас. Для того чтобы описать способы представления себя в повседневной онлайн-коммуникации, необходимы новые категории, раскрывающие в более широком смысле публичную сферу. Отметим, что в рамках традиционного социологического видения без учета остаются изменения режимов частной и публичной вовлеченности, а также новые модели идентификации, влияющие на практики повседневной жизни. Используя технологические возможности социальных медиа, теперь уже не только «звёзды», но и обычные пользователи попадают в эпицентр повышенного общественного интереса, самостоятельно, без продюсирования они расширяют пространство публичного Я. Частная жизнь, в ее самых простых и ординарных проявлениях (приготовление пищи или хождение по магазинам), стала неотъемлемой частью публичного дискурса в социальных медиа, здесь в онлайн-форматах она постоянно воспроизводится и редактируется для поддержания востребованности и интереса к индивиду, его онлайн-идентичности.

Важно понимать, что современная повседневная жизнь обладает «ускользающей» сущностью. Выявить ее общую связанность в изменяющемся многообразии индивидуальных практик — означает выделить ключевые точки «сборки» социо-

культурной реальности, которые сцепляют в единый жизненный мир события повседневной жизни. Так, в традиционной культуре формы рефлексии обыденного были связаны с преданиями, мифами, которые закреплялись в «формульных» текстах житейской мудрости — пословицах, поговорках, позднее важную роль стали играть художественная и мемориально-дневниковая литература, журналы и газеты, нарративность которых являлась своеобразным «социальным клеем» [10] и способом фиксации жизненного мира в слове. В современной культуре эта роль в полной мере принадлежит визуальным образам и изображениям, транслируемым разными медиа. Теперь они задают композиционную рамку нашего видения, через которую мы наблюдаем, оцениваем, рефлексируем происходящие изменения. Они из очевидного средства превратились в особое зеркало, помогающее ориентироваться в мире, в способ рефлексии и конструирования жизненных миров. Специфика современной ситуация такова: то, что мы переживаем как наш повседневный мир, по сути является репрезентацией действительности, задающей рамку для наших мнений и убеждений, целей и потребностей, образов и понятий.

И здесь важно подчеркнуть, что принципиальным моментом современной трансформации повседневности стал иной подход в использовании визуальной информации. Если в эпоху рукотворного образа и живопись, и графика были уделом либо узкого круга ценителей, либо небольшого круга людей, то сегодня с развитием новых цифровых средств коммуникации изменения повлияли даже не столько на функции и статус образов, сколько на стиль жизни, габитус современного человека, способы его взаимодействия со средствами информации. К тому же сетевые изображения сразу помещены в интерактивный контекст, а значит, дополнены и насыщены эмоциональными реакциями других пользователей, чье восприятие только усиливает их первоначальную экспрессию и чувственность, позволяя мгновенно коммуницировать, откликаться на событие.

Именно эта проблема «визуального расширения» повседневности определила еще один корпус теоретических источников, связанных с анализом феномена визуального, его роли в современной медиакультуре. С разных дисциплинарных позиций в работах Дж. Элкинса, М. Баль, Н. Трифта, К. Мокси, Г. Бальтинга, С. Альперс, Д. Дракер визуальность рассматривается как основная черта современного общества. Снимая вопрос об уникальности, неповторимости визуального образа как эстетического объекта, авторы отсылают нас к изучению изменившихся структур и отношений в жизненном мире, к тем условиям существования современной культуры, которые связаны с использованием средств технического тиражирования изображений. Но заметим, что интерпретативный анализ визуальных материалов доцифровой эпохи имел дело только с графическими и фотографическими изображениями, которые сегодня вытесняются «постфотографическими», или цифровыми, расширяющими сферу видимого, изменяющими практики видения и самого актора, ставшего потребителем и производителем образов. Поэтому для изучения визуального важно осмыслить этот процесс, чтобы приблизиться к пониманию репрезентации множественных микроконтекстов повседневной жизни и производства визуальных образов.

В исследованиях визуального Дж. Элкинса и М. Баль вне научного рассмотрения оказалась взаимосвязь современных практик видения и новых способов визуализации повседневного мира, которые скрепляют фрагментированную повседневность, образуя единство многообразия социальной структуры, поскольку с помощью визуальных образов объективизируется, опредмечивается и укореняется некая общая для всех реальность, которая переводится на язык видимых форм. Вместе с тем новые свойства визуальной культуры, ставшей цифровой, проблематизируют не только сам характер видения и видимого, но и изменения традиционных взаимоотношений между создателем и зрителем, а также сами способы пе-

редачи культурных смыслов и ценностей. Так, скорость и огромный поток опосредованных сетевых образов, безусловно, вступают в противоречие с традиционной, укорененной тысячелетиями культуры, статикой нашего восприятия; современный человек учится быстро считывать культурные коды, не всегда адаптируясь к симультанной множественности образов.

Ключевая роль в трансформации концепта повседневности принадлежит медиа. Перспективным, на наш взгляд, в условиях современного медийного общества является подход Н. Лумана, позволяющий показать, что коммуникация имманентно присуща повседневности, укоренена в ней, поскольку «коммуницируемым становится весь мир и место «феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации» [8, с. 152]. Луман считает, что именно новые средства коммуникации обусловили в современной культуре переход общества от иерархического к гетерархическому порядку, т. е. сетевым контактам, многообразным системным отношениям, которые в свою очередь определяют плюральность повседневной жизни. И если жизненный мир у Гуссерля был смысловым феноменом сознания, то у Лумана он выступает как смысл, который конструируется в коммуникации, проявляясь не в «ощущениях», а в медиа и опосредованных вербальных или визуальных текстах.

Изменения последнего десятилетия в мире медиа только усилили тезис Н. Лумана о «реальности массмедиа». Можно констатировать, что современная медиакультура — это конвергенция традиционных и новых форм коммуникации, которые всё больше и больше вовлекаются в повседневную жизнь. Но именно изменяющаяся и формирующая среда новых медиа стала основанием для переосмысления самой ситуации повседневной коммуникации ее кодов и репрезентации агентов. Включенность в мир человеческих отношений многочисленных медиумов (традиционных и новых), диктующих свои правила, не только «расширила возможности» человека, но и привела к «нелинейному», сетевому принципу коммуникации.

Включение в мир человеческих отношений многочисленных медиумов и цифровых интерфейсов размывает границы между офлайн- и онлайн-средой. В этих условиях повседневное пространство жизни приобретает еще одно онлайновое измерение, куда переносятся и способы наших ругинных действий, и способы коммуникации с другими людьми. Новая среда жизни человека, расширенная интернет-технологиями, носит двойственный характер: с одной стороны, она структурирована и стратифицирована офлайновыми вариантами и типикой социальных взаимодействий, а с другой – функционирует по своим собственным законам, обладая собственными социальными отношениями и сообществами. Онлайновая повседневность как особая и самоценная реальность с собственной онтологической логикой и феноменологией существует в режиме реального времени и имеет собственное пространство, со своими способами «передвижения» и своим горизонтом выбора. Интернет-реальность, как отмечает Л. Закс, это «уникальная по своей функциональной универсальности культурная институция, которая одновременно банк и магазин, биржа и аукционный дом, почта и собес, библиотека и архив, консалтинговая служба и кинотеатр, музей и концертный зал, научная организация и дискуссионная площадка, игротека и всезнающее справочное бюро, служба знакомств и разведслужба, образовательная организация и работающий на гигантскую аудиторию массовик-затейник» [5]. В онлайн-среде человек получает еще одну среду, где апробируются разные модели социальных действий и потребностей, которые воспринимаются пользователями как реальные проявления своей жизни. Сегодня в полной мере можно говорить о специфике сетевой реальности, которая выражается в интернет-практиках, интернет-существовании, интернет-общении, интернет-самовыражении, оказывающих влияние и на мир «большой» повседневности.

В этом контексте одна реальность может восполнять и дополнять другую. Так, повседневная онлайн-коммуникация, заданная интерактивным форматом социальных медиа, создает свободный обмен информацией «от пользователя к пользователю», приводит к развитию эгалитарной культуры совместного производства контента, но в то же самое время характеризует другую тенденцию офлайновой реальности — атомизацию и коммодификацию социальной жизни и отношений. Транспарентность и пересечение двух сфер повседневности конституирует новые характеристики повседневности: неустойчивость паттернов, сценариев частной жизни, сетевой, «рандомный» тип коммуникации, сокращение дистанции частного/публичного, далекого/близкого, визуализацию индивидуального опыта, самопрезентацию и конструирование образа себя и, как следствие, множественность способов идентификации в онлайн-среде, требующую новой рефлексии и теоретического осмысления.

В современной гуманитаристике проблематике современной медиасферы посвящено немало работ, связанных с изучением нового «сетевого характера» социальных взаимодействий, возникающих в ходе интеракций и определяющих современную повседневную жизнь. Так, Г. Дженкинс [15] в качестве основной характеристики онлайн-коммуникации называет партиципацию, Б. Веллман [16] рассуждает о новом характере социального взаимодействия и способах создания сообщений в новых медиа, Г. Ловинк [6] обращает внимание на то, что с развитием типовых информационныех действий (использование лайков, репостов, добавление в группу новых друзей) происходит упрощение сложности коммуникации и, главное, - уменьшение свободы пользователя. Но необходимо отметить, что такая постановка исследовательского вопроса сводится только к рассмотрению специфики, следствий функционирования новых медиа и не учитывает логику взаимовлияния и взаимодействия цифровой реальности с повседневными практиками. Тогда как, с нашей точки зрения, главным является вопрос о том, что в «превращенной» повседневности человек основывает свой опыт визуального наблюдения не только на информации, которую он получает через органы зрения, но и, все чаще, через контакт с монитором компьютера или экраном гаджета. Поэтому для анализа повседневности важно проблематизировать то, как одна реальность пересекается с другой, как трансформируются практики и варианты их визуального представления.

Как мы отмечали, современный повседневный мир является миром технически опосредованной коммуникации, и способами его сцепления выступают медиа, которые как в офлайн-, так и в онлайн-среде тиражируют визуальные образы. Визуальные изображения не только репрезентируют «множественность миров» повседневной жизни, они также придают оптическую согласованность этим разным мирам, экономят когнитивные усилия пользователей, задают типические режимы взаимодействия и правила ролевого функционирования. В отличие от анонимной типики «ожидаемого сходного опыта» (А. Шюц), социальные медиа создают свою типику – самопоказа, вынуждая пользователя обратиться к внесетевым событиям частной жизни, сделать видимыми свои личные действия, отношения и переживания как для презентации Другому, так и на уровне сетевой политики с целью регистрации никнейма. Визуализация частного опыта приводит к «детерриториализации частного», размыванию привычных границ партикулярного пространства. Вместе с тем, рассчитанная на «взгляд и оценку другого», повседневная жизнь становится проектно-сконструированной, опосредованной интересами и видением Другого.

Таким образом, учитывая имеющийся опыт исследования повседневности в современном гуманитарном знании, мы ввели ряд ограничений, существующий в определениях повседневности, который связан с новым социальным и культурным контекстом, в котором повседневная жизнь развивается. Во-первых, в современном обществе повседневность представляет собой текучую, непрерывную, трансформирующуюся реальность, и она не может регулироваться ранее сложившимися традиционными и стабильными образцами интерпретации и типизации. Во-вторых, смысловое пространство «жизненного мира» человека воспроизводится в качественно новых формах повседневных практик, быстро меняющихся под воздействием медиа и цифровых средств коммуникации. Коммуникативное пространство повседневности представляет собой все больше неразделенный опыт существования человека в цифровой и внецифровой среде. В-третьих, в современной культуре изменяются способы и средства представления многообразных миров, и таким инструментом «схватывания реальности» выступают визуальные изображения, массово тиражируемые медиа.

Новые смысловые ориентиры современности имеют важное значение для обоснования авторской концепции изучения повседневности как сферы множественных коммуникативных взаимодействий, которые сцепляются друг с другом посредством как традиционных, так и социальных медиа, образуя новую медийную и оцифрованную среду существования человека, с новыми режимами вовлеченности и практиками типизации «лицом-к-лицу». В свете этого обсуждения можно констатировать, что все три важных для нашего исследования понятия — «повседневность», «визуальность» и «медиа», — имеющие свою интеллектуальную историю, с точки зрения другой, текучей современности требуют критического осмысления и обновления исследовательских подходов. Кардинальные изменения, которые происходят в стилях жизни, обыденном опыте вследствие цифрового поворота, появления персональных средств и сред потребления информации, распространения сервисов «пользовательского веба», интенсивности коммуникации и ее ориентации на визуальный контент, позволили перенастроить оптику изучения повседневности как новой, расширенной реальности.

Литература

- 1. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеневой ; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. М. : Новое литературное обозрение, 2013.-576 с.
- 2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. Вып. 1 : Общество и сферы смысла. М. : Прогресс, 1991. С. 39–50.
- 3. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 354 с.
- 4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 304 с.
- 5. Закс Л. А. К исследованию аксиологии Интернета // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 : Общественные науки. -2016. Т. 11, № 3 (155). С. 11–24.
- 6. Ловинк Г. Психопатология информационной перегрузки // Медиа: между магией и технологией / под общ. ред.: Н. Н. Сосна, К. Е. Федорова. Екатеринбург : Кабинетный ученый, $2014. C.\ 232-240.$
- 7. Маршалл Д. Продвижение и предъявление себя: селебрити как символ презентационных медиа // Логос. -2016. -T. 26, N $\underline{0}$ 6. -C. 137–160.
- 8. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М. : Весь мир, 2012. 248 с.
- 9. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, $2013.-330\,\mathrm{c}.$

- 10. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. -2011. T. 10, № 3. C. 4-19.
- 11. Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов // Между натурализмом и религией : философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. М. : Весь мир, 2011. С. 15–25.
- 12. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; Научн. ред. пер. Γ . С. Батыгин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
- 13. Шюц А. О множественности реальностей / пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. -2003. Т. 3, № 2. С. 3-34.
- 14. Элиас Н. О процессе цивилизации. М. : Университетская книга, 2001. Т. 1–2. 332 с., 382 с.
- 15. Jenkins H., Clinton K., Purushotma R., Robison A. J. Weigel M. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st centrury. Cambridge: MIT Press, 2009. 72 p.
- 16. Rainie H., Wellman B. Networked: The new social operating system. Cambridge: MIT Press, 2012. 358 p.

Alla Vladimirovna Drozdova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, head of Advertising Chair at Social Psychology department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Conceptualization of Everydayness in the Epoch of Digital Culture

The inclusion of diverse media and digital interfaces into the world of human relationships dilutes boundaries between offline and online environment. The article singles out key properties of expanded or "doubled" everyday reality, identifies its new features requiring further reflection and theoretical comprehension in the age of digital culture. It is essential to grasp what differences exist in the digital and pre-digital epochs, how one should "handle" everydayness at present, what ways human sciences can use to monitor online-everydayness.

Key words: everydayness; offline; online; digital culture; singularity; transparency.

УДК 130.2

Е. А. Калистратова*

Типизация и стереотипизация как сущностные черты человека повседневности

В настоящее время исследователи отмечают, что в современном обществе повседневность уже не может регулироваться ранее сложившимися традиционными и стабильными образцами интерпретации реальности, стереотипами поведения и структурами отношений. Но всё же одной из сущностных черт человека повседневности остается типизация. В статье проанализированы процессы типизации и стереотипизации, формирующие поведенческие матрицы и схемы понимания в повседневности.

Ключевые слова: повседневность; человек повседневности; тип; идеальный тип; типологизация; типизация; стереотипизация; стереотип.

Традиционно считается, что одним из ведущих смыслов понятия «повседневность» является понимание повседневности как стандартизированного и нормированного среза эмпирической жизни, как мира правил, циклов и стереотипов [1, с. 11–12] Современные исследования показывают нам, что представления о человеке повседневности изменились. Помимо типизации как способа организации повседневного бытия человека, среди особенных черт, характеризующих человека повседневности, выделяют такие черты, как спонтанность, хитрость, уклончивость и т. п. Но типизация все же остается сущностной характеристикой человека повседневности. Поэтому в процессе исследования нам необходимо рассмотреть такие понятия, как тип, типологизация, типизация.

С точки зрения типологического подхода категория «тип» обозначает такую совокупность признаков, которая образует внутреннее ядро взаимозависимостей и в этом своем виде становится всегда конкретной «единицей» типологического знания.

Типологизация представляет собой логико-методологическую процедуру поиска и обнаружения того минимума существенных признаков, без которых исследуемое сложное явление не способно ни существовать, ни множиться.

Особой формой осмысления и реализации типологического подхода является типологический метод, который характеризуется тремя исключительно важными чертами: генерализующим принципом, алгоритмичностью, направленностью. Генерализующий принцип выделяется своей способностью концентрировать знание вокруг некоторой главной идеи.

Типологический метод имеет алгоритмический характер, который формируется благодаря предметному синтезу последовательностей, характерных для каждого из трех наиболее значимых для типологии уровней организации – генетического, структурного и когнитивного. В зависимости от сферы приложения типологического метода этот алгоритм может варьироваться, усложняться или, наоборот, упрощаться, но сохраняется, как минимум, в своей общей направленности. Эта направленность, будучи осознана в проективном плане, приобретает конструктивный характер или, говоря иначе, становится типизацией. Типизация является, с одной стороны, концептуальным завершением типологического подхода, а с другой — началом практической реконструкции реального мира.

^{*} Елена Анатольевна Калистратова, доцент кафедры истории и экономической теории, Уральский государственный лесотехнический университет (УГЛТУ) (г. Екатеринбург).

E-mail: kalistratovae@mail.ru

Концептуальный смысл типизации аксиологичен: он всегда связан с поиском значимости любых человеческих действий и отношений, с осознанием судьбоносных последствий всякого рода социальных изменений, с оценкой и переоценкой всего уходящего из человеческой жизни или возникающего в ней, со стремлением понять свои ближайшие, повседневные перспективы (пользу) или, напротив, ценностные ориентиры отдаленного будущего. Именно эти аксиологические ориентиры (благо, значимость, польза, ценность, оценка и смысл) окончательно оформляют любые образы «типического». И только в той мере и степени, в какой поняты эти ориентиры, складываются разные формы типизации, изменяющие саму реальность. Наиболее сложный и ответственный характер имеют схемы типизации в «социальном конструировании реальности»: они непосредственно влияют на всю сферу жизни индивидов, на их самочувствие и судьбу [2].

Итак, важным в понимании типизации является то, что, с одной стороны, – это итог, результат процесса типологизации, а с другой – это точка, которая становится началом для практических изменений реального мира.

Н. Н. Козлова в своей работе «Социально-историческая антропология» определяет тип как «объект, выделяемый и рассматриваемый в качестве представителя множества объектов. Тип — своего рода шаблон, который можно использовать неоднократно. Тип представляет наиболее вероятное, "образцовое" для данной системы связей явление» [3, с. 42].

Категория идеального типа была предложена М. Вебером в качестве познавательной модели в социально-историческом исследовании. По мнению М. Вебера, идеальный тип являлся теоретической конструкцией. Идеальный тип не извлекается из эмпирической реальности, а конструируется как теоретическая схема: «Тот, кто придерживается мнения, что знание исторической действительности должно или может быть "непредвзятым" отражением "объективных" фактов, не увидит в идеальных типах никакого смысла. <...> В самом деле, априорно вообще никогда нельзя установить, идет ли речь о чистой игре мыслей или о научно плодотворном образовании понятий; здесь также существует лишь один критерий: в какой мере это будет способствовать познанию конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, в их причинной обусловленности и значении. Тем самым в образовании абстрактных идеальных типов следует видеть не цель, а средство. <...> Попытка дать генетическую дефиницию понятийного содержания приводит к тому, что сохраняется только форма идеального типа в указанном выше смысле. Это – мысленный образ, не являющийся ни исторической, ни, тем более, "подлинной" реальностью. Еще менее он пригоден для того, чтобы служить схемой, в которую явление действительности может быть введено в качестве частного случая. По своему значению это чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которая наша ориентированная на действительность, научно дисциплинированная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные». Одним из наиболее распространенных заблуждений Вебер считает «реалистическое» (в средневековом значении данного термина) истолкование идеальных типов, т. е. отождествление этих умственных конструкций с самой историкокультурной реальностью, их «субстанциализацию». Однако тут у Вебера возникают затруднения, связанные с вопросом: «Как же все-таки конструируется идеальный тип?» И вот одно из его разъяснений: «Содержательно эта конструкция (идеальный тип) имеет характер некой утопии, возникшей при мыслительном усилении, выделении определенных элементов действительности». Выходит, эта идеальная конструкция в определенном смысле извлечена из самой эмпирической реальности [4, с. 9–10]. Следовательно, опираясь на анализ реальности, тип может быть сконструирован через исследование существующих практик – телесных и ментальных, через образ и стиль жизни.

А. Шюц отмечал, что поведение и мышление человека, существующего в пространстве повседневности, характеризуют следующие черты: во-первых, повседневное — это все то, что воспринимается как устойчивое, стабильное, постоянное, привычное, нормальное; во-вторых, повседневная жизнь организована типологически. Восприятие личностей, идей, событий в рамках повседневности — это восприятие с точки зрения их типической определенности.

О повседневном мышлении А. Шюц пишет как о системе конструируемых типов: «Попытаемся показать, как бодрствующий взрослый человек воспринимает интерсубъективный мир повседневной жизни, на которую и в которой он действует как человек среди других людей. Этот мир существовал до нашего рождения, переживался и интерпретировался нашими предшественниками как мир организованный. Перед нами он предстает в нашем собственном переживании и интерпретации. Но любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним - нашем лично или передаваемом нам родителями или учителями. Этот опыт в форме "наличного знания" (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания. Такой опыт включает в себя представление о том, что мир, в котором мы живем, - это мир объектов с более или менее определенными качествами. Среди этих объектов мы движемся, испытываем их сопротивление и можем на них воздействовать. Но ни один из них не воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Несомненно, предшествующее знание с самого начала дано нам как типичное» [5].

По мнению А. Шюца, для того чтобы люди понимали друг друга, а также разбирались в ситуациях и обстоятельствах взаимодействия в повседневной жизни, они должны соблюдать ряд условностей. Главная из них заключается в том, что человек руководствуется предположением, согласно которому его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир, в сущности, так же, как он сам. Шюц именовал это бессознательно используемое в повседневной жизни допущение «общим тезисом о взаимозаменяемости перспектив». Этот общий тезис состоит из двух постулатов: 1) постулата о взаимозаменяемости точек зрения: «Я принимаю на веру – и предполагаю, что другой поступает так же, – что если я поменяюсь с ним местами так, что его "здесь" станет моим, то я буду находиться в том же удалении от предметов и видеть их в той же степени типичности, как и он сам, более того, для меня будут достижимы те же вещи, что и для него (и наоборот); 2) постулата о совпадении "систем релевантностей": «Пока не доказано противоположное, я принимаю на веру (и предполагаю, что другой поступает так же), что различия в перспективах, обусловленные уникальностью его и моей биографических ситуаций, безразличны по отношению к наличным целям любого из нас... и мы оба отбираем и интерпретируем актуально и потенциально общие объекты и их свойства одинаковым образом или по крайней мере "эмпирически идентичным" образом, т. е. достаточно одинаковым для достижения любой практической цели» [5].

В чем суть этого общего тезиса? Этот тезис можно сформулировать так: в повседневной жизни мы ведем себя так, будто от перемены наших мест характеристики мира не изменятся. При этом мы отлично сознаем факт индивидуальных различий в восприятии мира, следующий из уникальности биографического опыта, особенностей воспитания и образования, специфики социального статуса и других характеристик каждого из нас. Мы осознаем, что смотрим в разные сторо-

ны в буквальном и в переносном смысле, т. е. фактически стоим лицом друг к другу, а наши жизненные планы могут кардинально противоречить один другому, но, тем не менее, наше взаимодействие, например заключение торговой сделки, удается без труда. Значит, мы автоматически, нисколько не задумываясь, с самого начала приняли допущение, согласно которому эти различия не имеют значения для решения задач, стоящих перед нами в данном повседневном взаимодействии. Именно поэтому взаимодействие проходит гладко и бесконфликтно. Именно по этой причине проходят ровно, без осложнений, мириады повседневных взаимодействий [6, с. 119].

Наша повседневная жизнь состоит из встреч с типами, а не с живыми людьми, потому что у живых людей есть проблемы, боли, обиды и т. д., а в большинстве повседневных взаимодействий все это нас не интересует. Возможность такой незаинтересованности, а следовательно, и беспроблемности взаимодействий обеспечивает два шюцевских постулата. Оба этих постулата представляют собой средство типизации явлений и объектов, принадлежащих к общей для взаимодействующих индивидов среде. Поскольку эти постулаты действенны, постольку объекты взаимодействия лишаются уникальных черт, свойственных им в непосредственном опыте того или иного индивида, и приобретают черты универсальности и безразличности, черты социальности. Эти объекты теперь принимаются на веру каждым из участников взаимодействия и входят в определение ситуации не как субъективные значения его собственного переживания, а как нормативное значение, субстантивированное в фактической жизнедеятельности группы, общности, членом которой является индивид. Применение тезиса о взаимозаменяемости перспектив способствует восполнению приблизительности повседневного знания, делая возможной коммуникацию и взаимопонимание вне ситуаций непосредственного взаимодействия [6, с. 120].

Истолкование и конструирование жизненного мира опирается на накопленный личный опыт и усвоение опыта других людей. Благодаря этому происходит типизация феноменов и упорядочивание нового опыта. Опыт возникает благодаря вниманию, которое человек уделяет ситуации. Сталкиваясь с похожей ситуацией, человек активизирует память и пытается решить проблему, исходя из накопленных обобщений. Это и есть образование смысловых связей. Если обобщение получает дальнейшее применение, оно становится типизацией. Типизация — это не абстрактное обобщение. Она прагматически ориентирована и состоит в том, чтобы выявить актуальное значение положения дел, исходя из множества их значений и оценок.

Продолжая феноменологическое исследование повседневности, П. Бергер и Т. Лукман писали: «Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни» [7, с. 59].

Главной чертой повседневного взаимодействия, выделенной П. Бергером и Т. Лукманом, выступает ситуация «лицом-к-лицу: в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого посредством схем типизации, хотя они и более подвержены непосредственному вмешательству с его стороны, чем "отдаленные" формы взаимодействия. Иначе говоря, хотя довольно сложно применять жесткие образцы к взаимодействию лицом-к-лицу, но даже оно с самого начала упорядочено, если происходит в рамках привычного порядка повседневной жизни. Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу. <...> Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями, пока они не станут проблематичными. <...> Конечно, здесь моя схема типизации должна видоизме-

ниться. Однако до тех пор, пока не брошен вызов и нет свидетельств об обратном, типизации будут сохраняться и будут определять мои действия в данной ситуации» [7, с. 55–56].

Типизация является не только познавательной, но и практической операцией. Мы «доверяем» нашей повседневности, считаем ее нормальной во многом потому, что она типизирована, систематизирована, упорядочена, стандартизирована и понятна:

- «– Да ну, Юля беззаботно махнула рукой. Ничего сложного. Просто ты мыслишь стандартно, а стандартный ход мысли угадывать нетрудно...
 - Значит, я стандартный? обиженно спросил Мусатов.
- Да не обижайся ты, это же хорошо. Во всяком случае, ничего плохого в этом нет. Кто сказал, что быть стандартным плохо? Я, например, абсолютно стандартная, среднестатистическая, поэтому мне легко представить ход твоих мыслей. Он у нас с тобой одинаковый» [8, с. 122–123].

Повседневность также конституирована порядком, который возник до нашего появления на сцене жизненного театра. Мы сталкиваемся с уже существующими способами и средствами типизации. Усваивая эти способы и средства типизации, мы применяем их в ситуациях социального взаимодействия и тем самым изменяем социальную и культурную реальность, но также изменяем и себя. Социальный мир не является готовой структурой, которая совершенно не зависит от человеческой деятельности. Социальный мир создается, конструируется человеком, но многие шаблоны для конструирования созданы до нас: «...человек рождается в этот мир как в мир типических определенностей и уже на ранних стадиях развития, усваивая язык, научается воспринимать явления, предметы, существа в мире как типы, а не как сочетания уникальных и неповторимых качеств» [6, с. 126].

Поэтому следует отметить, что главной формой отражения типичных схем опыта является язык. В языке объективировано большинство типизаций человеческого опыта. Выразительными примерами таких типизаций могут служить пословицы, поговорки, идиомы.

Привычки, как результат повторения типизаций для решения проблем, образуют естественную установку. Но этот само собой разумеющийся опыт иногда может давать сбои. В этом случае естественная установка подвергается модификации. Но это бывает редко. Как правило, человек интерпретирует мир так, каким он его знает. Подобные интерпретации являются не просто теоретическими. Они всегда имеют характер инструкций: если положение дел таково, то поступай такто. Благодаря своей применимости, интерпретации становятся рецептами действий, «прописными истинами», клише, стереотипами.

А. Шюц подчеркивал, что повседневное знание имеет «социальное происхождение» и «социально распределено», но не исключал также и индивидуальных познавательных различий. Он ввел понятие когнитивного стиля, содержание которого заключается в объединении «конечных областей значений» в различных сферах индивидуального опыта. При этом А. Шюц рассматривает когнитивные стили не как сугубо персональные, а как типичные когнитивные стратегии для типичных областей опыта и познания. «Психологическая убежденность субъекта в существовании миров опыта, постулированная У. Джеймсом как единственный критерий реальности этих миров, в теории Шюца находит отклик в более масштабном понятии еросhе повседневности, т. е. воздержании от всякого сомнения в существовании объектов мира. Феномен еросhе можно в этом случае понимать как своего рода "аксиоматическую подкладку" – основу "метода" обыденного мировоззрения» [9, с. 22–23].

Такой «подкладкой» может выступать, например, стереотип.

Современник А. Шюца Уолтер Липман трактовал стереотипные формы как «выжимку» из свода моральных норм, социальной философии, политической агитации. Липман отмечал, что в повседневной жизни люди поступают шаблонно, в соответствии со сложившимся стереотипом: «...что бы мы ни считали истинной картиной вещей, мы относимся к этому образу так, как если бы то была сама окружающая нас среда». Это замещение естественно, «ведь реальная среда чересчур объемна, сложна и текуча для непосредственного с ней знакомства. Мы не приспособлены к такой тонкости, разнообразию, стольким изменениям и комбинациям. И хотя нам приходится действовать в этой среде, мы должны сначала воссоздать ее на простой модели, прежде чем сможем ориентироваться в ней». Такую модель Липман называет «псевдо-средой». Мы же не замечаем посредства этой модели, и «любое нападение на стереотипы», входящие в ее состав, – это потрясение «основ нашего мира» [9, с. 23; 10, с. 345].

Повседневная типизация напрямую связана со стереотипизацией, которая возникает из повторяемости, цикличности, неизменности и порождает шаблоны, трафареты, стереотипы.

Стереотип есть «сокращенное», упрощенное и ценностно окрашенное представление о действительности, функционирующее в общественном сознании. Стереотип возникает в сознании члена любой социальной группы как результат многократно повторяемой связи определенных символов с определенной категорией явлений. Он возникает на основе восприятия, не связанного с прямым опытом, поскольку нам говорят об окружающем мире до того, как мы его увидим и оценим.

Многие стереотипы возникают стихийно и спонтанно из-за неизбежной потребности экономии внимания в процессе усвоения опыта других людей и предшествующих поколений, опыта, закрепленного в виде привычных представлений. Явление стереотипизации — характерная особенность переработки человеком внешнего воздействия. Она тесно связана со стремлением человека «рассортировать» полученную им информацию, «разложить ее по полочкам» в сознании.

Естественно, что для подобной сортировки необходимы определенные критерии. На уровне обыденного сознания подобными критериями стали наиболее характерные, броские, «лежащие» на поверхности черты объекта, явления и т. п. Сознание человека неизменно стремится упрощать эти критерии с тем, чтобы расширить рамки категорий, в которые можно было бы вместить как можно больше явлений. Человеку вообще свойственно искать общее в разном, «суммировать» познание, обобщать.

Односторонность в отборе черт для определенного стереотипа обусловливается интересами конкретных общностей. Для каждой из них социальный стереотип представляет собой обобщение ее опыта в отношении социально значимых объектов, процессов, явлений, типов людей и т. д.

Стереотипы способствуют закреплению традиций и привычек. В этом плане они выступают как средство защиты повседневного мира человека и как средство его самоутверждения. Иначе говоря, стереотипы — это крепость, стоящая на страже собственных традиций, и под ее прикрытием мы можем чувствовать себя безопасно в том положении, которое мы занимаем.

Стереотипы воздействуют на формирование нового опыта: они наполняют свежее ви́дение старыми образами и накладываются на тот мир, который мы воскрешаем в своей памяти. Стереотипы – преимущественно неточные образы реальности: они могут быть основаны на «ошибке», на привычке принимать предвзятость за истину.

Стереотип однозначен, он делит мир лишь на две категории: «знакомое» и «незнакомое». «Знакомое» становится синонимом «хорошего», а незнакомое –

синонимом «плохого». Стереотипы выделяют объекты таким образом, что слегка знакомое видится как очень знакомое, а мало знакомое воспринимается как остро враждебное. Следовательно, стереотип несет в себе оценочный элемент. Для человека, усвоившего стереотипы своей группы, они выполняют функцию упрощения и сокращения процесса восприятия другого человека. Стереотипы представляют собой инструмент «грубой настройки», позволяющий человеку «экономить» психологические ресурсы. Они имеют свою «разрешенную» сферу социального применения. Например, стереотипы активно используются при оценке групповой, национальной или профессиональной принадлежности человека.

Стереотипность повседневной жизни — «это условие коммуникации, важнейший момент взаимопонимания. Жизнь понятна потому, что она стереотипна. Единообразие форм делает сложный процесс многомерного общения прозрачным, ясным. Поведенческие матрицы и схемы понимания облегчают социокультурное взаимодействие, прокладывают четко очерченные пути в подвижном тумане людских контактов» [1, с. 34].

Повседневность выступает как сфера согласованных действий и такого поведения, где все взаимосвязаны друг с другом и интерпретируют мир вместе. А для этого человеческие позиции должны быть принципиально соизмеримы. (Постулат о взаимозаменяемости перспектив, выдвинутый Шюцем: «Я всегда могу стать на точку зрения другого человека и посмотреть на действительность с его позиций, из его перспективы. Более того, различия в наших биографиях не будут играть существенной роли, если наша цель едина».) Таким образом, повседневность не только связывает людей и стереотипизирует их мир, но и утверждает их онтологическое равенство. Представители разных культур и социальных слоев — «люди дна» и «люди элиты», верующие и атеисты — способны понять друг друга и прагматически действовать вместе. И пусть это понимание не будет нести в себе интимности и душевности, но оно обеспечивает воспроизводство реальных отношений, самой жизни, оно дает возможность опираться на других для получения благ и саморазвития [Там же, с. 15].

В конце концов, чтобы достигнуть своих целей и удовлетворить свои потребности, человеку необходимо знать, как ему следует поступать. Обыденная стереотипизация отвечает на это «как?»: житейские истины – это осажденный опыт, результат многократно повторенных экспериментов, которые были поставлены жизнью.

Итак, человек воспринимает от общества «готовые значения», стереотипы, верования, усваивает схемы восприятия и интерпретации событий в социальном мире, т. е. «коллективные», социальные представления, стандарты, нормы. В немалой степени общество формирует для человека и его потребности.

По мнению Е. В. Золотухиной-Аболиной, стереотипность характерна для повседневности в «генетическом аспекте – как культурно наследуемые способы поведения». Стереотипность – это неустранимая черта повседневности, потому что «стереотипность повседневной жизни – это условие коммуникации, важнейший момент взаимопонимания. Жизнь понятна, потому что она стереотипна. Единообразие форм делает сложный процесс многомерного общения прозрачным, ясным. Поведенческие матрицы и схемы понимания облегчают социокультурное взаимодействие...» [Там же, с. 34].

Согласно исследованиям различных авторов, стереотипы отличаются следующими качествами: 1) они не привязаны жестко к критерию истинности и устойчивы к противоречащему им опыту; 2) они не отрефлексированы; 3) иррациональны и могут быть основой иррациональных действий; 4) включают в себя ценностный аспект; 5) формируются в коммуникативных процессах, традиционны и являются элементом социализации.

Тем не менее следует отметить, что понятность, повторяемость, типичность, стереотипность не являются тотальными качествами повседневности.

В повседневной жизни, наполненной стереотипами, привычными формами, ритуалами и общезначимыми представлениями, как ни странно, огромное место занимают ситуации неопределенности, необычности: необычное возникает из того, что все встречающееся нам в опыте не вписывается в наш привычный мир.

Непонятное для человека повседневности может возникать даже в самом частом и регулярном контакте: не только в контакте с другими людьми, но даже в контакте с самим собой. Стереотипы, которыми мы обмениваемся в общении с другими и в диалоге с самими собой, — лишь поверхность реального процесса. На самом деле человек очень часто непонятен сам себе именно потому, что его внутренний мир не вписывается ни в какие стереотипы. «И У. Джеймс, и экзистенциалисты, и гуманистические психологи отмечали тот факт, что, несмотря на все внешние установления, индивид ежеминутно должен принимать самостоятельные решения, делать выбор, для которого у него практически никогда не хватает информации. Человек осуществляет выбор на свой страх и риск» [1, с. 36].

В этом случае происходит пересмотр стереотипов, старые стереотипы уходят, уступая место новым, отражающим современную обстановку, поскольку «традиционные стереотипы размываются временем, становятся неактуальны, от них пахнет стариной и ретроградностью. Новая ситуация ждет открытий, спонтанности, единственно точного решения. <...> Стереотипы никогда не указывают нам на конкретные детали возможных событий, а детали порой играют в жизни решающую роль, в корне меняют дело. <...> Всякое общее правило и принятый стереотип — результат индукции, а индукция заведомо неполна. Кто знает, не является ли наш конкретный случай той миллион первой ситуацией, для которой данный стереотип, разделяемый всеми, вовсе не пригоден?» [Там же].

Однако лишиться стереотипизации повседневный мир не может. «Более того, стереотипный характер повседневности несет в себе насильственность и навязчивость. Он может не только мягко и вкрадчиво внедряться воспитанием и окружением, но и вколачиваться наказаниями, побоями, остракизмом. На страже привычных и обеспечивающих наличную общественную систему образцов и норм стоят не только общественное мнение, полиция, юриспруденция, сердитое фрейдовское "супер-эго", но и средства массовой информации» [Там же, с. 15–16].

Стереотипизация может оказывать как позитивное, так и тормозящее, сдерживающее воздействие на развитие человека, его самореализацию. Это тормозяще-сдерживающее воздействие связано с разными факторами и может проявляться по-разному.

Мир повседневной жизни — это консервативный мир, который складывался на протяжении веков. Повседневность имеет свою предысторию, свои глубинные тенденции, традиции, здесь складывается вполне определенное сочетание различных жизненных факторов, включая природный мир, условия быта, специфику межличностных отношений, ценностные предпочтения и т. п. Этот исторически сложившийся, стабильно функционирующий по своим законам мир может оказаться мощной силой сопротивления против поползновений человека изменить, перестроить его по-новому, стеной, которую бывает трудно перешагнуть, пробить. Более того, в этой своей устойчивости, упругой сопротивляемости мир повседневности оказывается не просто пассивной силой, а силой, активно воздействующей на человека, в определенной мере подчиняющей его себе.

Хотим мы того или нет, но мир человеческих связей, человеческих взаимодействий функционирует на основе сложившихся традиционных схем, стандартов, стереотипов, которые зачастую труднее всего поддаются изменениям, – как в силу их традиционности, апробированности, общепринятости, так и в силу скрытости их собственной природы. Эти стандартные типификации в случае попытки их изменения человеком как бы восстают, не подчиняются модернизирующим усилиям человека и, как правило, сами подчиняют его себе. Их сопротивляющееся возможным изменениям воздействие – это также грань повседневности, будничности [11, с. 382–383].

Человек в мире повседневности живет в потоке разнообразных воздействий, либо поддающихся ему, либо ему сопротивляющихся. В определенном смысле человек повседневности — это человек, подчиняющийся воздействию повседневности и одновременно преодолевающий его. Без такого постоянного борения, соглашения и преодоления в принципе невозможна человеческая жизнь, невозможны изменения человека и повседневности.

Литература

- 1. Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность и другие миры опыта. М. : ИКЦ «МарТ», 2003.
- 2. Плотников В. И. Типологический подход // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. М. : Академический проект, 2004.
 - 3. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1999. 192 с.
- 4. Гайденко П. П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
 - 5. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 129–131.
 - 6. Ионин Л. Г. Социология культуры. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2004. 427 c.
 - 7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1996. 323 с.
 - 8. Маринина А. Пружина для мышеловки : роман. М. : Эксмо, 2005.
- 9. Лютикова Е. В. Аксиоматика повседневности. Внерациональные основания познания и коммуникации. М. : ИКАР, 2006. 264 с.
 - 10. Социологический энциклопедический словарь. М.: Норма, 2000.
- 11. Философская антропология / под ред. С. А. Лебедева. М. : ИКЦ «Академкнига», 2005.

Elena Anatolevna Kalistratova,

Assistant Professor, Ural State Forest Engineering University (Ekaterinburg).

Typification and Stereotyping as the Substantive Features of Everyday Man

The current researchers state that everyday life in contemporary society can't be regulated by pre-existing and stable samples of reality interpretation, behavioral stereotypes and relationship structures. However, one of the essential features of everyday man is typification. This research is based on the analysis of the processes of typification and stereotyping, that create the behavioral patterns and understanding schemes in everyday life.

Key words: everyday life; everyday man; type; ideal type; typology; typification; stereotyping; stereotype.

УДК 130.2 Д. **В.** Суворов*

Роль новой российской духовной и художественной культуры в осмыслении и корректировании процесса модернизации

В статье рассматривается особая историческая и социокультурная роль русской духовной и художественной культуры эпохи последней модернизационной волны имперского периода. Кардинальной чертой этой культуры является ее европейский (в философскокультурном смысле) генезис. Рассматривая классический спор западников и славянофилов, автор отмечает наличие в дискурсе спора большего количества платформ — таких, как византинизм, евразийство и «русский европеизм», а также нарастающие черты интегратизма.

Ключевые слова: западники; славянофилы; евразийство; византинизм; русский европеизм; интегратизм; аксиология; дуальность; архаическая регенерация.

Духовно существует Россия...

Н. Бердяев.

В русском самосознании переплелись Гоголь и Белинский, Толстой и Ткачёв, Розанов и Чернышевский.

Г. Шпет. Очерк развития русской философии

В понимании динамики и направленности российских модернизационных процессов XIX—XX вв. невозможно не коснуться одного принципиально важного и специфичного именно для данного исторического момента явления. Это роль независимой, неподконтрольной официозу духовной и художественной культуры в формировании общего духовно-психологического настроя в обществе, в осмыслении происходящего и даже в определенной коррекции историко-политических реалий. Это и есть та самая «русская духовность», которая стала символом России во всей остальной ойкумене и через призму которой традиционно воспринимают Россию в мире — за все Новое время ни разу данный фактор не был столь активен и весом, как в период между восстанием декабристов и началом «Великой смуты XX века» (выражение А. Деникина).

Прежде всего, это касается роли художественной культуры. Напомним общеизвестное: XIX век (начиная, как минимум, с пушкинской эпохи) вошел в историю культуры под названием Золотого века русского искусства, а конец XIX века и начало XX века — это Серебряный век. Эти понятия, заимствованные искусствоведением у древнеиндийских мистических философов и древнегреческого поэтамыслителя Гесиода, — не случайность и не дань пышнословию: за ними стоит осознание того, что именно в ходе Золотого и Серебряного веков было — впервые за весь петербургский период — преодолено состояние «догоняющего типа культуры». Именно в своей духовно-художественной культуре (а также и научной, что специально отмечал Д. Лихачёв) [13, с. 44–45] Россия выходит из состояния «ученичества» и не только «догоняет» Европу, становится с ней вровень, но и опережает ее по целому ряду параметров. Впервые это понял и прочувствовал П. Я. Чаадаев, который сперва, в «Философических письмах», оценил историческую роль России как несложившуюся, созданную как будто специально для демонстрации

^{*} Дмитрий Владимирович Суворов, кандидат культурологии, доцент АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[©] Д. В. Суворов, 2018

негативного примера¹, а впоследствии, в «Апологии сумасшедшего», скорректировал собственную позицию следующим выразительным образом: если появился Пушкин, значит, ничего еще не потеряно... «Басманный философ» (как называли Чаадаева) уловил самое главное: у России имелся единственный шанс (который она использовала!) стать не объектом, а субъектом мировой истории. Будущее России заключено в ее духе, как и будущее любой цивилизации, и даже более – как и смысл и оправдание жизни каждого конкретного человека (впоследствии М. Шелер именно дух определит как подлинно и единственно человеческое начало в человеке). Дух же России мощно воплотился именно в ее новой, модернизацией рожденной художественной и научной культуре, старт которой во многом символически совпал с пушкинской эпохой и который застал Чаадаев. Почти буквально выводы Чаадаева насчет Пушкина и роли его эпохи в истории России повторил Ф. Достоевский в своей известной речи о Пушкине.

У этой новой культуры была своя, несводимая только к эстетическому фактору роль в эволюции российского общества. Дж Биллингтон, говоря о событиях конца XX века в России, заметил: «Эти грандиозные перемены были предугаданы в большей степени... исследователями творческого духа русского народа, чем экономистами и политологами» [2, с. 15]. Слова американского ученого еще в большей степени могут быть применены к описываемому в данном разделе историко-культурному периоду: именно «исследователи творческого духа русского народа» - к каковым можно отнести всю духовно-творческую элиту страны - оказались самыми прозорливыми и беспощадными диагностами и прогнозистами, именно в их творениях были поставлены знаменитые «проклятые вопросы» и предложена многовариантная палитра ответов на поставленные историей «вызовы», причем глубина и точность этих ответов не теряет своей диагностическопророческой остроты по сей день. Такая ситуация естественным способом ставила художников и мыслителей в позицию «учителей жизни» (почти в раннехристианском или древнерусском смысле - о «сжигающей духовности» деятелей российской культуры писал Т. Самуэли) [17, с. 388] и выводила их самих и их творчество за рамки собственно профессиональные. Последнее обстоятельство усиливалось еще и тем, что общей тенденцией в XIX-XX вв. была утрата церковным официозом своих позиций духовного монополиста – в результате чего в крестьянстве стремительно распространялись многочисленные разновидности реформатского протестантизма, а образованные «верхи» либо склонялись к прокатолическим симпатиям (примеры многочисленны - от Чаадаева, Зинаиды Волконской и декабриста М. Лунина до известного теократического проекта В. Соловьёва, породившего движение «восточных католиков»), либо проникались духом позитивизма и атеизма, либо принципиально переосмысляли сами основы православия (Ф. Достоевский, Л. Толстой, о. П. Флоренский, С. Франк, Н. Лосский, Трубецкие). Этот процесс логично подготовил широко известный феномен: русская литература, по словам А. Герцена, взяла на себя функцию «светской церкви»; по мысли В. Кантора, «литература у нас была особая; это была своего рода независимая церковь внутри государства, которая вместо официальной церкви вносила в сознание людей основные ценностные понятия» [10, с. 54]. Этому способствовало и то обстоятельство, что описанная Ю. Лотманом и Б. Успенским традиционная для России дуальная аксиологическая установка (см.: [15]) не была до конца преодолена европеизацией XVIII века и оставалась действующим фактором хотя бы на уровне «коллективного бессознательного» даже в «образованном» сословии; при наличии благоприятных обстоятельств она имела шанс

¹ Взгляд П. Чаадаева, при всей его парадоксальности, увы, не лишен наблюдательности: на Западе сейчас выходят немало трудов (например, у М. Тэтчер), где на примере российских реформ 90-х гг. XX в. изучается, как *не надо* проводить подобные мероприятия...

мгновенно «реанимироваться» (что и произошло в послепушкинский, «гоголевский» период русской литературы — именно Гоголя надлежит считать первым новорусским литератором проповеднического толка). Таким образом, деятели культуры объективно заменили собой «духоводцев», «психагогов»² (эти функции традиционно были прерогативой религии) и начали играть роли, говоря словами Фридриха Горенштейна, «Дон-Кихотов и Гамлетов» российской культуры.

К этому необходимо прибавить следующую констатацию. Вне зависимости от индивидуальной направленности и парадигмы собственного понимания пути России и самопрезентации у каждого конкретного представителя новой русской духовной культуры, общая характеристика этой новой культуры может быть определена как преобладание черт европеизма (в философским смысле слова; Г. Померанц прямо констатировал, что «самая цветущая пора русской культуры — это культура европеизированной России») [7, с. 126]. На это самым решительным образом указывал И. Ильин; об этом же, впоследствии – у Д. Лихачёва: «Россия никогда не была Востоком» [13, с. 35]. Но дело даже не в конкретных авторах или произведениях, а в том, что российская культура Золотого и Серебряного веков несет в себе мощное утверждение ценностного элемента, который является главнейшим для понимания экзистенциальной сущности европейской культуры проблемы свободы. Причем в условиях социальной и правовой несвободы именно в духе художники и мыслители обретали искомую «силу высоты» и несли ее другим через собственные творения: получалось, что творчество как раз и является моментом духовного освобождения. Как образно и символически выразился Н. Гоголь (почти повторяя Шопенгауэра), «лишь в музыке обретает человек свободу» [2, с. 128], явно имея в виду искусство вообще. Кроме того, деятели российской культуры описываемого времени были так или иначе солидарны с К. Кавелиным, декларировавшим: «Для народов, призванных ко всемирноисторическому действованию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно... личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство – есть необходимое условие всякого духовного развития народа» [9, с. 22]; с И. Ильиным, вопрошавшим о том, «на чем мы будем строить грядущую Россию – на личности или на обезличении человека» [8, т. 1, с. 238], и с В. Бехтеревым, писавшим: «Народ, у которого совершенно не развита общественная жизнь, у которого личность подавляема, обречен на разложение и утрату своей самостоятельности» (см.: [3, с. 247]). Хронология, персоналии и направление дискурса, как видим, меняются (Кавелин и Ильин представляют разные парадигмы российской мысли), а кардинальная посылка остается неизменной.

И это тоже чисто европейская черта: по Д. Лихачёву, «три основания европейской культуры – личность, универсализм и свобода» [13, с. 31]. То есть проблема человеческой личности (причем свободной личности) с самого начала Золотого века стала одной из центральных в российской духовной и художественной культуре, а неразвитость и подавление последней – главной болевой точкой в понимании творцов. «Наше больное место – пассивность, стертость нравственной личности; поэтому нам предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самодеятельности», – писал К. Кавелин [9, с. 317], и поставленная им проблема была магистральной не только в литературе «западнического» толка, но и у «почвенников» (классический пример – Н. Лесков), и в отечественной философии любого направления, и даже за пределами вербального творчества (достаточно вспомнить концепции симфоний П. Чайковского, прямо восходящие – как и у Достоевского – к концепциям экзистенциальной философии). Экзистенциалистские параллели, надо сказать, простираются достаточно далеко: проблема свобо-

² «Психолог» – термин из религиозной практики Античности, означающий, в переводе с греческого языка той эпохи, «ведущий душу».

ды у творцов новой русской культуры всегда была сопряжена с проблемой ответственности – типичная черта экзистенциализма.

Наконец, феноменологически европейской чертой для российской культуры Золотого и Серебряного веков является и ее христианский генезис и этическая ориентация – что, кстати, глубинно сочетается с проблемой свободы, ибо именно в Евангелии от Матфея Иисус Христос произносит слова, немыслимые в контексте ни одной другой священной книги человечества: «Познайте истину, и она сделает вас свободными» (а Достоевский впоследствии обобщил: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его» [5, т. 21, с. 16] – опять типичнейший экзистенциализм!). Все деятели новой российской культуры или солидаризировались с христианскими концепциями (не обязательно православными - помимо вышеописанных прокатолических и пропротестантских симпатий, имели место и гностические, как у Льва Толстого, и старообрядческоеретические, как у Лескова³), или в той или иной мере полемизировали с ними; примерами здесь могут служить ренессанс эстетизированного язычества (у славянофилов – например, в «Снегурочке» А. Островского или в сочинениях композиторов «Могучей кучки», особенно у Н. Римского-Корсакова) или взрыв интереса к различным до- или нехристианским концепциям в Серебряном веке – языческим (футуристы – особенно В. Хлебников), манихейским (поздний Л. Толстой, впоследствии – Д. Андреев), масонским (Д. Мережковский и З. Гиппиус), индуистско-буддийским (Е. Блаватская, Рерихи), даосским (чуть ли не с Тютчева, очень ярко – у «космистов»), пифагорейским (о. П. Флоренский), зороастрийским (поздний пример – «Мастер и Маргарита» М. Булгакова), а также с наследием позитивизма (почти все представители российской науки того времени) и Ницше (Н. Гумилёв, М. Горький, А. Скрябин). Но, так или иначе, нравственные столпы новой российской культуры были прочно привязаны к христианской платформе (полемику с христианством у вышеупомянутых авторов тоже можно рассматривать как форму духовной связи); кроме того, описанные «экзотические» тенденции в Серебряном веке были отражением общеевропейского культурного процесса обращения к неевропейским духовным источникам как реакции на «закат Европы» и попытки сделать «стареющей» европейской культуре живительную «заморскую» прививку (как отметил Питирим Сорокин, полемизируя со Шпенглером, культура не умирает, а меняет сущность). Уже не говоря о том, что в том же Серебряном веке имел место настоящий религиозный ренессанс во всех видах духовной деятельности. В общем, констатацию Достоевского о «самостоятельном назначении России в семье европейских народов» (именно «европейских», а не иначе) можно считать самым емким символом русской духовной культуры эпохи последней (в имперский период) волны модернизации.

Значение этой культуры в процессе воздействия на идейно-политический курс официальной России и даже в корректировке последнего трудно переоценить. Никогда за всю историю российской цивилизации духовно-культурное воздействие независимой мысли и искусства на официоз не было столь масштабным и не приводило к столь ощутимым сдвигам. Вспомним о возникновении в это время свободной прессы (в том числе эмигрантской, неподцензурной) и знаменитой русской пореформенной адвокатуры; вспомним также, что во 2-й половине XIX века под давлением патриотической общественности Россия – вопреки желанию высшей власти – даже вступила в войну (Русско-турецкая война 1877–1878 гг.); можно вспомнить и о той моральной роли, которую сыграла русская классическая проза в формировании общего этического и даже психологического настроя в стране – того, что теперь называется общественным мнением и что в корне про-

³ Сам Лесков часто называл себя «еретиком» (в литературно-философском смысле слова).

тиворечит патриархально-традиционалистскому сознанию. А в эпоху Серебряного века феномен русской духовной и художественной культуры приобрел международное значение: роль таких явлений, как «Русские сезоны» С. Дягилева, в деле презентации России как современной и стремительно модернизирующейся державы, а также вклад российских художественных феноменов начала XX века в процесс активизации межкультурных и межцивилизационных обменов – проявления своего рода духовной глобализации тех лет. Можно даже сформулировать следующую посылку: именно развитие новой российской культуры исподволь формировало в стране основы и главные контуры гражданского общества и начал демократии, именно интеллигенция (по определению Д. Лихачёва, к ней «принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам») [13, с. 617] была в пореформенной России главным оплотом не только экономической модернизации (в отличие от формирующегося социального слоя рыночников), но и модернизации социальной и духовной.

Как известно, конкретные пути, предложенные российской духовной культурой для определения стратегического вектора развития страны и цивилизации, были различны и даже внешне полярны. Традиционно принято констатировать ставший уже хрестоматийным спор западников и славянофилов (на эту тему существует обширнейшая литература, что избавляет меня от необходимости обзора и анализа данной проблемы). На самом же деле ситуация была намного сложнее и многопрофильнее, и читается она не столь однолинейно. Для объективного рассмотрения данной проблемы необходимо выделить следующие моменты.

Во-первых, описываемый спор специфичен исключительно для России. Не только ни в одной европейской (или имеющей европейские культурные корни) стране ничего подобного не возникало, но даже в восточно-христианском, православном мире прецедентов чего-то подобного мы не встретим. В то же время в Европе все же имеется страна, где интеллектуалы – пусть не в таких масштабах, как в России - обсуждали и обсуждают нечто схожее: это Испания. Очень симптоматичное совпадение: Испания – страна, пребывавшая 800 лет под властью арабов-мусульман (что отразилось на культуре, менталитете и даже этногенезе), и к тому же законсервировавшая в своем культурном пространстве множество артефактов древнейшего происхождения, восходящих ко временам античным и даже доантичным. Испанская цивилизация и культура (как и русская) чисто географически и исторически носит характер некой межкультурной, межцивилизационной и даже (используя термин Л. Гумилёва) межсуперэтнической маргинальности – что и провоцирует возникновение подобных историософских дискуссий. Следовательно, к возникновению дискуссии западников и славянофилов имелись объективные геополитические предпосылки, специфичные не только для России.

Во-вторых, сам момент появления оппонирующих интеллектуальных лагерей и инициирования исторического спора был хронологически и процессуально чрезвычайно точно обусловлен. Очень показательно, что ни в киевскую, ни в московскую эпохи подобный спор возникнуть не мог – в Киеве потому, что киевская цивилизация была и географически, и культурологически европейской; в Москве же потому, что старомосковская цивилизация осознавала и позиционировала себя исключительно как антиевропейскую, да и географически страна резко сдвинулась на восток, в сторону от Европы. Первый прецедент будущей историософской дискуссии возникает в точно обозначенный исторический отрезок – в середине XVII века, во время церковного раскола, в ходе «великой при» за веру (А. Герцен даже определил раскольников как «первых славянофилов») [4, с. 438]. Хронология явления предельно симптоматична: в таких обстоятельствах что-то подобное просто должно было произойти. Показательно также, что впоследствии, в XVIII ве-

ке, подобных споров не возникало: это говорит о том, что страна (и цивилизация) в определенной степени обрела идентичность - хотя бы в лице властной и интеллектуальной элит. К тому же Россия в результате петровских войн снова придвинулась к Европе (символический жест – строительство Санкт-Петербурга как обретение утерянного в свое время статуса «внешней Руси»); екатерининские войны еще более усилили этот процесс. Так что идеологема «Россия есть европейская держава» никого не шокировала и не вызывала потребности ее ревизии. В периоды всех волн модернизаций XVIII – начала XIX в. европейская идентичность России не оспаривалась ни элитой, ни интеллектуалами, ни - что характерно - городским (да и в значительной степени и сельским) населением страны в целом: последнее относилось к данной проблематике прагматически и, не отвергая традиционного уклада жизни, охотно перенимало все идущие из Европы «полезные новины» – свидетельством тому служит вся русская бытовая культура XVIII-XIX вв. на самых разных уровнях. Единственной демографической группой среди русских, резко отвергавшей на словах любой европеизм, были старообрядцы, жившие в дореформенную эпоху предельно замкнуто (подчеркиваю: отвержение европейского в их среде было декларативным – на практике процесс адсорбции элементов европейской материальной и даже духовной культуры в старообрядческой среде в XIX веке шел полным ходом).

Контуры собственно спора западников и славянофилов наметились только в начале XIX века, в рамках возникновения кружков «Беседа» (протославянофилы), «Арзамас» и «Зеленая лампа» (протозападники). Настоящее же формирование обоих оппонирующих лагерей произошло позднее - в николаевскую эпоху (кружки Грановского и Станкевича, с одной стороны, и кружок Киреевских – с другой); Г. Шпет прямо отметил, что «о философском национальном сознании до уваровской эпохи (т. е. до николаевской. – \mathcal{A} . \mathcal{C} .) говорить не приходится» [21, с. 242]. То есть оформление позиций и начало спора относятся к периоду последней волны модернизации имперской эпохи, и это глубоко симптоматично. Данный период отличался внутренней глубинной противоречивостью, разнонаправленностью тенденций развития; именно тогда и у официоза возникла необходимость не только прагматически действовать, но и как-то категориально осмыслить тактику и стратегию своей власти. К тому же в результате постоянных войн за «дальнейшее расширение границ империи» Россия сдвинулась и к югу, и к востоку, дав «протуберанцы» в те миры, которые всегда были ей цивилизационно чужды, - что, естественно, стимулировало знакомые черты рецидивов и даже стабилизации аномии и культурного лага (да и хронотоп российской цивилизации именно в это время приобретает современные «евразийско»-имперские черты). Всё это подталкивало мыслящую часть общества к постановке фундаментальных вопросов и породило историческую дискуссию. Подчеркиваю: эта дискуссия могла возникнуть только в петербургской России и только в эпоху третьей волны модернизации (но, как показала дальнейшая история, культурологические условия для продолжения сего спора сохранятся и в советской, и в постсоветской России).

В-третьих, не следует преувеличивать полярность и тем более непримиримость позиций спорящих (А. Пятигорский даже определяет прямолинейное противопоставление западников и славянофилов как принимающее «крайне примитивные и нелепые формы») [19, с. 102]. Конечно, споры велись в стилистике весьма напряженной, и в ходе их зачастую произносились очень резкие оценки и приговоры (достаточно вспомнить П. Чаадаева с одной стороны, В. Стасова и К. Леонтьева – с другой), но при этом сплошь и рядом обнаруживалось, что оппоненты де-факто обсуждают и констатируют одинаковую проблематику (в разном освещении): в этом смысле, наверное, права В. Фёдорова, констатировавшая, что «западный, славянофильский и евразийский взгляды – это не пути, а ракурсы ин-

терпретации» [7, с. 81]. Тем более внес свои коррективы Серебряный век, когда идейные оппоненты — неозападники и неославянофилы — не только выдерживали корректную тональность в дискуссиях, но и плодотворно обменивались идеями (самый характерный пример — отношения Ф. Степуна с Трубецкими).

В целом, как представляется, самый точный диагноз ситуации дал А. Герцен, назвав спорящих «друзьями-врагами» и написав: «Да, мы были противниками... но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая. У нас и у них запало с ранних лет... чувство безграничной, охватывающей всё наше существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» [4, с. 467]. С. Аверинцев называл взаимоотношения западников и славянофилов «взаимоупором» [7, с. 220], а современная исследовательница К. Касьянова констатирует: «Они... были согласны друг с другом в своих нравственных реакциях и в своей моральной интуиции» [11, с. 51]. Дело, однако, еще глубже и парадоксальнее, и оно не сводится только к «моральной интуиции» - суть в том, что фактически и те и другие были культурологическими европейцами в самом глубинном, экзистенциальном смысле. Представляется, что В. Межуев выразил этот момент с точностью диагноза: «Русские западники XIX века не были русофобами, а первые славянофилы не были врагами Запада; они в равной степени любили Россию и Запад, хотя и по разным основаниям. Те и другие признавали свое родство с Западом, но расходились в понимании того, в чем оно состоит. Каждому из них был дорог свой Запад (курсив мой. – \mathcal{A} . С.), и в этом вся проблема» [7, с. 144]. А А. Кара-Мурза дополняет этот тезис следующим: «Те и другие – европеисты, только выступающие за разную Европу» [7, с. 378] (просветительскую или патриархально-«романтическую», по мысли А. Кара-Мурзы).

В-четвертых, и это представляется главным, в историческом споре лагерей было явно больше двух. Отпочковавшееся в конце XIX века от славянофильства евразийство, несмотря на общую антиевропейскую идеологическую платформу, имело свою собственную идейную базу (очень типичную для рубежа веков, когда в Европе в связи с ощущением «заката» возник интерес к неевропейским культурам), свою собственную философию и футурологию, а историософская мифология евразийцев («туранство» и связанная с ним ревизия многих драматических узлов отечественной истории в аксиологическом и даже фактологическом ключе) не только не вписывалась в славянофильские трафареты, но сплошь и рядом прямо противоречила им. То же можно сказать и о «русском византинизме», представленном К. Леонтьевым и Н. Данилевским, - их политические и историософские воззрения (во многом прагматически носившие характер фантазмов) абсолютно не укладываются в прокрустово ложе классического славянофильства, а иногда даже антагонистичны славянофильской идейной платформе (например, в вопросе отношения допетровской и петровской эпох: для славянофилов первой волны эти эпохи взаимоисключающи, для «русских византийцев» в пресловутом «восточном вопросе» между ними наблюдается прямая преемственность).

С другой стороны, от традиционно понимаемого западничества существенно отличается описанный В. Кантором феномен «русского европеизма» (термин А. Герцена и К. Кавелина), в основе которого, по мысли В. Кантора, лежит «реалистический и исторический взгляд на судьбу России и Запада, которому была важнее живая действительность, а не утопические упования на возможность существования... некоего идеального мироустройства» [10, с. 5]. По определению В. Кантора, реализм и прагматизм «русского европеизма» определенно представлял собой антитезу романтическому по сути мироощущению как западников, так и славяно-

филов (последние были классическими романтиками европейского толка⁴). Ю. Лотман прямо называл славянофилов «одним из течений европейского романтизма» [14, с. 160], а Б. Чичерин и Н. Трубецкой уточняли: у славянофильства были ясно узнаваемые германско-романтические корни [7, с. 348]. Кроме того, и западническая, и славянофильская позиция, по определению Ю. Лотмана, «подразумевала исходную потерю себя, потерю связи с народом и его глубинной культурой, тем, что еще предстоит обрести и положить во главу угла» [14, с. 160] – в то время как, по квалификации В. Кантора, «подлинный европеизм произрастает из своей культуры – но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и пресуществления ее почвенных основ» [10, с. 6]. Такой тип мышления и такая историкофилософская альтернатива возникли параллельно с традиционным западничеством и славянофильством, если даже не раньше их – многие мыслители оправданно считали первым таким «русским европейцем» А. Пушкина.

Водоразделом между «русскими европейцами», с одной стороны, и «классическими» западниками и славянофилами — с другой, может служить отношение к «русской идее». Позиция славянофилов по данному вопросу широко известна и многократно описана, поэтому повторяться нет необходимости; что же касается западников, то они практически так же исповедовали ту же концепцию, только перевернутую наизнанку: для них «русской идеей» была знакомая максима «Россия есть европейская держава». Отсюда и всё вытекающее: если для славянофилов (и евразийцев) задачей № 1 было «возвращение к истокам», то для их оппонентов — приобщение к «европейским ценностям», понимаемым субъективно, ибо, как абсолютно точно заметил М. Эпштейн, «Запад» существует только в России — в Европе никакого «Запада» нет [22, с. 85–91]. Проблему классические западники видели в том, что, говоря словами Н. Бердяева, русский человек «не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность» [1, с. 74]. Так или иначе, но и те и другие в данном вопросе были идеалистами.

«Русские европейцы» же по отношению к данной проблематике выступают с диаметрально противоположных позиций, сугубо реалистических и притом последовательно христианских - ибо декларация «национальной идеи» прямо противоречит евангельскому «несть ни эллина, ни иудея» и де-факто санкционирует обожествление своего народа (что, как справедливо отмечал о. А. Мень, есть неизжитое язычество) [16, т. 4, с. 225–232]. Декларативно этот момент «озвучил» в наши дни Д. Лихачёв: «Никакой особой миссии у России нет и не было!» [13, с. 46]. «Русские европейцы» отказывались от романтических поведенческих и аксиологических установок, свойственных и западникам, и славянофилам; предпочитали в своих оценочных и практических актах исходить не из виртуальной, а из реальной действительности. Отсюда и позиционирование по отношению к «Западу», характерное для данной генерации, - от максимы С. Витте «Настоящее существительное к прилагательному русский есть европеец; мы русские европейцы, как есть европейцы английские, французские, немецкие» [7, с. 370] и до афоризма историка Русского Зарубежья Владимира Вейдле: «Они (западники. – \mathcal{A} . C.) хотят превратить Россию в Европу, забывая, что она – уже Европа» [Там же, с. 384]. Надо отметить, что при этом резко противопоставлять «европеистов» остальным интеллектуальным лагерям также не представляется правильным, поскольку всех их объединял фактор нравственного порядка – вышецитированные слова Герцена о «двуглавом орле с единым сердцем» применимы и в этом случае. Все они могли бы подписаться под словами Э. Дюркгейма о том, что «моральное сознание наций не ошибается... нравственность – это необходимый минимум, без которого общества не могут существовать» [6, с. 38–39].

⁴ Это, к слову, говорит за то, что славянофилы – при всем своем декларативном антиевропеизме – также были своеобразными «русскими европейцами».

И еще один важный момент. В позиции «русских европейцев» очень сильно ощущаются черты интегратизма - тенденции к снятию полемических крайностей в позициях западников и славянофилов при творческом синтезе и дальнейшей разработке наличествующих в их платформах позитивных моментов. Этот программный пункт явственно присутствует уже у Пушкина, позднее – у П. Чайковского. Интегристской по духу была и знаменитая пушкинская речь Ф. Достоевского (именно этот программный момент речи Фёдора Михайловича вызвал неподдельное возмущение убежденного антиевропейца К. Леонтьева). Теоретически же данную позицию осмыслил и провозгласил В. Соловьёв – как на уровне деклараций («Нам не нужно самодовольное славянофильство, и нам не нужно слепое западничество»), так и на уровне законченных философских и религиозных концепций (пример – теократический проект Соловьёва). В. Соловьёв в своей поздней работе «Три разговора» говорил о «трех равноценных и равно истинных христианствах» – «христианстве Петра» (католичестве), «христианстве Павла» (протестантизме) и «христианстве Иоанна Богослова» (православии; все определения принадлежат В. Соловьёву и повторены Е. Трубецким, обосновывавшем данную точку зрения ссылкой на 1-е послание апостола Павла коринфянам). В этом же русле лежат и идеи Д. Андреева об «интеррелигии», и «софиянство» о. П. Флоренского, и необуддийские фантазмы Рерихов, и нашумевшее мистическое «дионисийство» символистов (как известно, в эстетизированных символистских «оргиазмах» у Д. Мережковского-3. Гиппиус принимали участие не только непосредственно символисты, но и некоторые мыслители – например, Н. Бердяев). Не говоря уже о том, что художественная программа и Золотого, и тем более Серебряного века была интегратистской на практике: интегратизм был живым процессуальным явлением, ощутимо менявшим сам облик и позиционирование российской культуры, а с ней – и общую парадигму развития всей эволюции российского социума; по крайней мере, такая тенденция была абсолютно реальной.

Трагическим моментом в историософии России является тот факт, что голос ее духовных и творческих «психагогов» не был услышан – ни «верхами», ни «низами». Вспоминается горестная констатация Ф. Степуна: «Своевременное включение идеалистичной и жертвенной интеллигенции в работу государственного аппарата могло бы изменить путь России; к несчастью, царское правительство не смогло переставить стрелку на революционном пути, чем и загнало интеллигенцию в подполье» [20, с. 621]. Что же касается «низов», то, помимо постоянно акцентируемого факта тонкости европеизированного слоя в России и антагонизма «верхушечной» и народной культур, решающую и роковую роль сыграли антилиберальные и антимодернизационные установки «коллективного бессознательного», коренившиеся в толще народного подсознания и не только никогда там не умиравшие, но и игравшие в российской социальной жизни функцию ощутимого регрессивного резерва («регенерации архаических форм», по Ю. Лотману и Б. Успенскому). Именно это и имел в виду Н. Бердяев, когда писал: «В русском народе есть темная, в дурном смысле иррациональная непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия; как бы далеко ни заходило просветление и подчинение культуре русской земли, всегда остается осадок, с которым ничего нельзя поделать» [1, с. 52]. Бердяев не прав только в одном: данный «осадок» наличествует во всех национальных культурах – иначе не было бы в XX веке того, что X. Ортега-и-Гассет определил как «восстание масс».

По остроумному замечанию А. Пятигорского, «ни одна страна мира так не "пленена" культурой, как Россия» [19, с. 95]; философ даже говорит о «всепоглощающем факторе культуры» в России, о том, что она – страна с «огромным преувеличением культуры» [18, с. 95], о «мании культуртрегерства» в России [19, с. 103]. Но, по выражению Г. Киселёва, «такая широта культуры совсем не озна-

чает "качественности" ее воздействия на социальность» [12, с. 58]: в социальнополитической жизни Российской империи до самого конца нормой оставались архаизированные отношения и ценности (а новая духовная и художественная культура чем дальше, тем больше становилась оппозиционной по отношению к официально-государственному статус-кво). Таким образом, нарастали черты культурной конфликтности по всем параметрам, а темп модернизаций — при всей
впечатляемости конкретных достижений последних — исторически явно запаздывал. Это обстоятельство сыграло в судьбе петербургской России роковую роль и
предопределило ее трагический конец в начале XX века.

Литература

- 1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 346 с.
- 2. Биллингтон Дж. Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре. М. : Логос, 2001. 248 с.
- 3. Бушков А. А., Буровский А. М. Россия, которой не было-2: Русская Атлантида. Красноярск : БОНУС ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 512 с.
 - 4. Герцен А. И. Былое и думы. М.: Дет. лит., 1970. 576 с.
 - 5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1984.
 - 6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. 432 с.
- 7. Западники и националисты: возможен ли диалог? / сост. А. Трапкова. М. : ОГИ, $2003.-480~\mathrm{c}.$
 - 8. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992.
- 9. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 653 с.
- 10. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. Философско-исторический анализ. М. : РОССПЭН, 2001. 704 с.
- 11. Касьянова К. О русском национальном характере. М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Дел. книга, 2003. 559 с.
- 12. Киселёв Г. С. Человек, культура, цивилизация на пороге третьего тысячелетия. М. : Восточная лит. РАН, 1999. 87 с.
 - 13. Лихачёв Д. С. Раздумья о России. СПб. : Логос, 1999. 672 с.
- 14. Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9. С. 157–162.
- 15. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Т. XXVIII : Литературоведение. Тарту, 1977.
 - 16. Мень А. В. о. История религии : в 8 т. М. : Слово, 1991–1992.
- 17. Новый Колокол. Литературно-публицистический сборник / ред. Н. Белинкова ; обл. Е. Герчук. М. : Весть ВИМО, 1994. 480 с.
 - 18. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. СПб. : Лань, 1999. 431 с.
- 19. Пятигорский А. М. Индивид и культура : интервью с А. Пятигорским // Вопросы философии. -1990. -№ 5. C. 93-104.
 - 20. Степун Ф. А. Сочинения / сост. В. К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2000. 998 с.
 - 21. Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 601 с.
 - 22. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. М., 2000. 368 с.

Dmitriy Vladimirovich Suvorov,

Candidate of Culturology, Associate Professor at Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

The Role of New Russian Spiritual and Artistic Culture in Understanding and Correcting the Process of Modernization

The article deals with the special historical and socio-cultural role of Russian spiritual and artistic culture of the last modernization wave of the Imperial period. The cardinal feature of this culture is its European (in philosophical and cultural sense) Genesis. Considering the classic dispute between Westerners and Slavophils, the author notes the presence of other platforms in the discourse of dispute – such as Byzantinism, Eurasianism and "Russian Europeism", as well as the growing tendencies of integration.

Key words: Westerners; Slavophiles; Eurasianism; Byzantinism; Russian Europeanism; integralism; axiology; dualism; archaic regeneration.

УДК 124.4:74 **И. А. Антонова***

Ценность ручного труда в современном мире

В статье исследуются причины возникновения интереса к ручному творчеству в современном мире. Рассматривается взаимовлияние западных и восточных движений возрождения ремесленных практик. Анализируется уникальный опыт японской культуры, направленный на сохранение самобытных традиций ручного труда.

Ключевые слова: материал; вещь; ручной труд; ремесло; творчество; handmade.

Во все времена люди трудились собственными руками. Этот фактор наиболее характерен для доиндустриальной эпохи, когда ручной труд был единственным способом изготовления вещей. Созданные таким способом вещи, являясь единичными, штучными, изготовленными по канону, несли на себе печать автора и выгодно отличались от вещей, производство которых началось в эпоху промышленной революции, наступившую в конце XVIII – начале XIX века.

В Англии, стране передовых технологий, возникла критика последствий развития промышленности, которая звучала из уст деятелей искусства. Возникновение бездушных, стандартизированных и «холодных» вещей породило движение протеста, которое вылилось в создание артели «Движение искусств и ремесел». Во главе этого движения стоял Уильям Моррис, на деятельность которого оказали большое влияние идеи художника и искусствоведа Джона Рескина.

Вдохновляясь примерами средневековых художников, мастера этого движения пытались возродить к жизни ремесленное искусство. В данной мастерской работали художники и архитекторы, мастера резьбы по дереву, керамике, изготовлению мебели, стекла и ковров.

Одной из величайших потерь эпохи, по мнению Морриса, была утрата ручного труда. Это привело к отделению труда от радости творчества, искусства от ремесла [5, с. 74]. Ведущие принципы, сформулированные Моррисом, касаются взаимосвязи вещи и материала, соответствия ее формы и функции, сочетания в вещи эстетических и утилитарных функций. Он делал акцент на эстетизации всех сфер повседневности посредством рукотворного труда.

Мастера «Движения искусств и ремесел» изготавливали вещи высокого качества, выгодно отличавшиеся от предметов промышленного производства. Но стоимость натуральных материалов, ручного труда и времени, затраченного на изготовление, — все это складывалось в высокую себестоимость, недоступную для простых людей. Развитие промышленного производства невозможно было остановить таким способом, и оно уверенно вытесняло ручной труд. Казалось бы, «Движение искусств и ремесел» потерпело фиаско. Действительно, артель прекратила свое существование, не выдержав конкуренции промышленности, но идеи ее главных представителей получили развитие впоследствии. Деятельность Морриса оказала большое влияние на изменение предметного окружения эпохи; возрождение ручного труда, ремесленных школ и выставок. Его идеи распространились далеко за пределы Англии.

В Японии, в период становления промышленного производства и упадка значимости традиционных ремесленных изделий, также возникли оппозиционные движения. Это ярко подтверждает появление теории мингэй. Теория мингэй воз-

E-mail: irina.farmart@yandex.ru

 $^{^*}$ **Ирина Анатольевна Антонова,** аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

[©] И. А. Антонова, 2018

никла в 20-х годах XX века. Это понятие складывается из двух дефиниций: иероглиф «мин» — означает народ и «гэй» — талант, ремесло. Автором данной теории является Янаги Мунэёси, исследователь и коллекционер ремесленных изделий. Он изложил теорию ремесел — «мингэй» — в своих трудах, в которых многие исследователи усматривают сходные черты с идеями западных деятелей «Движения искусств и ремесел». Мунэёси, действительно, многое почерпнул из трудов Рескина и Морриса, но, несмотря на некоторые сходства, его взгляды отличает самобытный колорит, и они тесно переплетаются с традиционными японскими верованиями. Это отражается в отношении к таким понятиям, как труд, материал, вещи и красота.

Особое отношение к материалу в ручном труде — это характерная черта японских традиций, которая берет начало в синто — буддийских верованиях. Согласно этому учению, природа есть совершенство, а задача человека — приблизиться к совершенству. Учась взаимодействовать с материалом, человек учится у самой природы. Отношение к природному материалу у японцев очень трепетное, человек, работая с материалом, не должен навязывать ему свою волю, он должен прислушаться и предугадать, как он поведет его. Если же человек ставит себя выше природы, то материал не подчинится ему.

Труд ремесленника в теории Янаги Мунэёси является нравственным долгом, и труд этот, в его понимании, необходимо совершать в «состоянии отрешенного сознания, когда Природа, традиции и высшая Сила» способствуют появлению Вещи, воплощающей в себе прекрасное [1, с. 267]. Таким образом, повседневный труд мастера превращается в творческий акт, вследствие которого рождается красота. Это понимание тесно связано с синтоистскими верованиями, одухотворяющими окружающий мир. Изготавливая новую вещь, мастер создает предмет, имеющий как материальную, так и духовную ценность [6, с. 157].

По традиции мастер, задумывая работу, долго размышляет о сути будущей вещи, после чего он тщательно выполняет все детали, как внешние, так и внутренние. Вследствие такого подхода природные ресурсы не расходуются понапрасну, а изготовленные вещи отличает целесообразность и высокое качество.

В отличие от западных симметричных и «правильных» идеалов прекрасного, японское искусство более тяготеет к «неправильным», асимметричным формам. То, что на Западе воспринимается как нарушение порядка, на Востоке символизирует движение природы, текучесть, плавное перетекание одного в другое.

Еще одна отличительная черта японского понимания рождения прекрасного, имеющая противоположные принципы западным взглядам, — это вопрос самовыражения мастера. Перекликаясь с буддийскими понятиями, теория мингэй утверждает, что действительно прекрасная вещь может быть создана руками только такого мастера, который не заботится о самовыражении, находится в состоянии, свободном от лишних чувств и движений разума (так как они вводят человека в заблуждение и препятствуют постижению сути создаваемой вещи). «Рассудочное понимание — это, скорее, знание, а знание — это только часть подлинного постижения, поэтому истинную красоту может передать только тот, кто не ставит себе подобной цели, не обременен творческим замыслом и действует по естественному побуждению» [1, с. 262]. Только в состоянии спокойной созерцательности, когда мысли и чувства не обременены ничем лишним, становится возможным достижение истинной красоты.

Если в западной культуре вещь – это всегда неодушевленный предмет, то отношение к вещи в Японии не столь однозначно. Причина этого – отсутствие четкого разделения на мир духовный и материальный. Мир, в понимании этой культуры, представляется как единое целое, и человек, познавая очарование какойлибо вещи, познает ее суть. Вещи, в понимании японцев, являются связующим

звеном во взаимоотношениях «человек – природа». Потому вещи, изготовленные промышленным способом, не несут в себе жизни, так как при их изготовлении человек не взаимодействует с материалом, передавая этот труд машине. Подобные вещи не имеют «души» и кажутся безликими.

Мунэёси описывает несколько принципов, соблюдая которые мастер может создать одухотворенную, наполненную красотой и гармонией Вещь. Для этого мастеру прежде всего необходимо хорошо знать, для какой цели будет предназначена вещь; понимать материал, с которым он взаимодействует, не навязывать ему свою волю, а вслушиваться и чувствовать его; правильно выбирать технологии и средства для изготовления этой вещи [1, с. 269]. Вещь должна сама вести мастера к обнаружению сокрытой в ней красоты, и если мастер способен понять этот путь, то происходит рождение прекрасного, в вещи проявляется «утонченно-терпкая, спокойная, неброская» красота... [Там же, с. 270].

Распространение теории мингэй оградило страну от некоторых негативных последствий глобализации, содействовало становлению Японии как прекраснейшей страны с уникальными древними традициями. Изготовленные японскими мастерами товары ручной работы пользовались большой популярностью на Западе и вскоре стали доставлять стране немалый доход. Поэтому правительство позаботилось о создании специальных образовательных учреждений, обучающих традиционным ремеслам и совершенствующих существующие технологии. Мунэёси не только способствовал возрождению ремесленного труда, благодаря его усилиям предметы ручной работы были гармонично вписаны в пространство городской среды.

На сегодняшний день в Японии, стране высоких технологий, ручной труд имеет большое значение. В школе обучению декоративно-прикладному искусству отводится немалое количество времени. Дети учатся создавать вещи из разных материалов, с которыми японцы работают с древних времен, такими как бумага, глина, дерево, пластилин, гипс, цветы и камень. В ходе учебного процесса детям прививают традиционное отношение к материалу, обучают умению подчеркивать сущность природной субстанции, с которой они взаимодействуют. «При этом дети практически усваивают гармонию природы и искусства, их сочетания, учатся осознанию того, что произведение человеческих рук не должно портить впечатление от природы, а должно лишь дополнять ero» [3, с. 139]. Еще до обучения в школе дети способны отличать 24 цвета, а оканчивая школу, выпускники свободно различают помимо основных 24 цветов еще не менее 10 оттенков каждого из них. К концу обучения в общеобразовательной школе выпускники владеют примерно тридцатью видами техник декоративно-прикладного искусства, в которые входит умение создавать костюмы и маски для национальных праздников, владение искусством керамики, оригами, икебаны и т. д. Этот компонент в образовании является одним из способов приобщения детей к национальным японским традициям.

В Японии создание прекрасного входит в повседневную жизнь человека, красота гармонично наполняет его быт. Японцы продолжают традицию создавать прекрасное своими руками. Об этом свидетельствуют выставки товаров ручной работы, где принимает участие большое количество людей. Подобные выставки проходят и на Западе, но по своей популярности и по качеству представляемых работ японские мероприятия имеют явные преимущества. Японские вещи ручной работы соединяют в себе эстетические и утилитарные функции, они одновременно и прекрасны, и полезны, они не отделены от повседневной жизни, а гармонично встроены в нее. Такие вещи «по форме просты, но лишены строгой "правильности", несут на себе отпечаток местного колорита, утилитарны в высшей степе-

ни, стоят недорого, их вид вызывает чувство чего-то близкого, родного» [6, с. 165].

На Западе также отмечается неугасающий интерес к ручному творчеству. Помимо профессионального ремесла, большой популярностью пользуется handmade — изготовление или декорирование вещей собственными руками. Анализируя широкий спектр распространения этого феномена, можно проследить его взаимосвязь с современными тенденциями глобализации. На это указывают такие факты, как смешение техник разных стран, материалов, ручного труда и промышленного производства, оригинальных идей и известных культурных кодов.

Популярность ручного труда в современном мире доказывает истинность идей Рескина, Морриса, Мунэёси и других исследователей вопроса о ценности ручного труда. Но в контексте кризиса постмодернизма эти ценности приобретают еще большее значение. Люди, живущие в странах с высокими технологиями, не имеют нужды в изготовлении вещей собственными руками, но часто занимаются этим, решая многие важные задачи.

Прежде всего, это возможность приобщения к традициям, к своим корням. Промышленные технологии, информационные потоки и виртуальная реальность порождают недостаток телесных практик, тогда как ручная работа дает человеку возможность прочувствовать реальность бытия. Ручной труд открывает возможность для человека непосредственного взаимодействовать с материалом. Тот мастер, который способен разглядеть красоту материала, понять его сущность, получает возможность учиться законам красоты у самой природы.

Ручная работа в современном мире — это добровольный труд, с помощью которого человек, изготовляя вещь, преобразует материал, трансформируя при этом и свою внутреннюю сущность. Добровольный труд предполагает «дар», в процессе которого человек отдает свое время, силы и энергию. Совершая труд добровольно, человек «обретает возможность пережить труд как полный смысла дар, а созидание — как служение, а не обычную повинность, что исподволь подталкивает к общей переоценке ценностей» [2, с. 185].

Современные вещи промышленного производства часто оказываются «далекими» для человека, потому что усовершенствование технологий увеличивает разрыв между человеком и его окружением. Но, создавая вещь собственными руками, человек вновь познает сущность вещи, сознает ее «дельность». Такая вещь не будет пассивной, она будет способствовать созданию гармонии в пространстве жилища, рождению «ручного контекста в «окрестностях» человеческого бытия. Это пространство будет нести на себе отпечаток индивидуальности и одухотворенности, представляя резкий контраст обезличенным пространствам современных интерьеров. «Вещи, изготовленные собственными руками, отодвигают влияние технологизма и функционализма и помогают раскрыть в вещи ее вещественность, тайну и смысл – всё, что забыто технической цивилизацией» [4, с. 72].

Итак, можно выявить определенную взаимосвязь между развитием промышленности и распространением ручного труда: чем выше развиты технологии в стране, тем большую популярность там приобретает ручное творчество. Только лишившись радости рукотворного труда, человек осознал те преимущества, которые он утратил. Ручной труд способствует гармонизации как внешнего, так и внутреннего пространства человека. Это доказывают современные тенденции возврата «назад, к сути вещей», которые характерны как для Запада, так и для Востока.

Литература

- 1. Герасимова М. П. Теория ремесел Янаги Мунэёси // Япония 2016 : ежегодник. М. : АИРО-XXI, 2016. С. 166–181.
- 2. Дэй К. Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М. : Ладья, 2000.
- 3. Железняк О. Н. Эстетическое воспитание в Японии : дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.
- 4. Збинякова Т. В. Эволюция образа вещи в культуре : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / Збинякова Татьяна Викторовна. СПб., 2000. 153 с.
 - 5. Ковешникова Н. А. Дизайн: история и теория. М.: Омега-Л, 2007. 202 с.
- 6. Японское общество: изменяющееся и неизменное / рук. проекта Э. В. Молодякова. М. : АИРО-XXI, 2014. 300 с.

Irina Anatolevna Antonova,

Post-graduate Student, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

The Value of Handmade Work in the Modern World

The article discusses the causes of emerging interest in handmade in the modern world. The contributor examines the mutual influence of the western and eastern movements on the revival of handicraft practices. It analyzes the Japanese culture experience aiming at the revival of original handicraft traditions.

Key words: material; thing; handicraft; creativity; handmade.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

А. А. Кушнарева*

Дни науки в Гуманитарном университете 22–23 мая 2018 года

В статье освещаются итоги основных мероприятий, проходивших в рамках Дней науки в Гуманитарном университете.

Научная работа является неотъемлемой составляющей высшего образования. Бакалавры, магистры, аспиранты не только осваивают теоретическую базу знаний, но и реализуют свой творческий потенциал, разрабатывая проекты, выдвигая гипотезы и проводя эмпирические исследования в различных областях наук. Провести апробацию своих исследований студенты Гуманитарного университета могут ежегодно на конкурсе научно-практических работ «Новые голоса в науке: идеи и проекты». Этот конкурс состоит из двух этапов. Первый этап — это факультетские мероприятия, на которых производится отбор наиболее интересных работ конкурсантов. Второй этап является заключительным, университетским этапом в рамках Дней науки. В 2018 году этот конкурс проводился в тринадцатый раз, в новом формате. Изначально конкурс имел статус внутриуниверситетского, затем стал межвузовским, в этом году конкурс приобрел статус всероссийского, что позволило молодым исследователям из разных уголков страны делиться новыми идеями, взглядами и мыслями.

Традиционно торжественно открыл мероприятие ректор Гуманитарного университета Лев Абрамович Закс, подчеркнув ценность науки в современном обществе. Также приветствовал участников конкурса Евгений Викторович Кныш, менеджер по работе с выпускниками. Он рассказал о мероприятии ПрофАпГрейд, проходившем впервые на площадке Гуманитарного университета, где участники имели возможность пройти профориентационное тестирование, узнать об открытых вакансиях от работодателей, посетить интересные семинары.

Торжественная часть продолжилась выступлениями Марии Хвостовой, студентки юридического факультета, исполнившей песню, создавшую атмосферу праздника, и Влады Гурлив, студентки факультета телеорадиожурналистики, прочитавшей стихотворение, посвященное науке.

На конкурс представили свои работы 80 конкурсантов: бакалавры, магистры и аспиранты. В рамках конференции работали по направлениям бакалавриата «Гостиничное дело», «Туризм», «Сервис», «Конструирование и моделирование одежды», «Хореографическое искусство» – секция «Сервис, стиль, искусство»; для направлений бакалавриата «Экономика», «Менеджмент», «Прикладная информатика», «Юриспруденция» — секция «Проблемы экономики и права в информационном обществе»; для направлений бакалавриата «Реклама и связи с общественностью», «Журналистика» — секция «Социальные коммуникации в современном обществе».

Во второй день была организована работа секций для магистрантов и аспирантов: «Психология», «Экономика», «Юриспруденция и политология», «Философия, культурология, социология».

E-mail: Kushnaryova.alla@yandex.ru

^{*} **Алла Александровна Кушнарева,** помощник проректоров по научной и учебной работе, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

В состав жюри вошли преподаватели и выпускники Гуманитарного университета, они отметили высокий уровень и актуальность работ конкурсантов.

Далее представлены результаты конкурса

В секции «Сервис, стиль, искусство»:

1-е место заняла Анастасия Миланич, студентка 3-го курса направления «Хореографическое искусство», с темой «Христианская модель телесности в спектакле Ромео Кастелуччи "Inferno"» (научный руководитель канд. культурологии, доцент Н. В. Курюмова);

2-е место занял Андрей Коростин, студент 3-го курса направления «Туризм» с работой «Особенности проф. этикета в "онлайн"-продажах» (научный руководитель канд. филос. наук Е. Ю. Базаров);

3-е место было присуждено Дмитрию Вершинину, студенту 4-го курса направления «Сервис», с работой «Организация семейного фестиваля для людей с ОВЗ "Я МОГУ!"» (научный руководитель канд. филос. наук Е. Ю. Погорельская).

В секции «Проблемы экономики и права в информационном обществе»:

1-е место заняла Анастасия Старкова, студентка 2-го курса направления «Юриспруденция», с работой на тему «Суррогатное материнство в России: актуальные вопросы, законодательство и практика» (научный руководитель канд. юрид. наук Е. С. Резник).

2-е место было присуждено Валентине Бузиновой, студентке 3-го курса направления «Менеджмент», с работой «Проблема трудоустройства молодежи и пути решения вопроса» (научный руководитель д-р экон. наук Е. Б. Мицек);

3-е место осталось за Александрой Рублевой и Иваном Кандаковым, студентами 1-го курса направления «Прикладная информатика», с работой «Цифровой детокс (результаты эмпирического исследования)» (научный руководитель д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова).

В номинации «Социальная значимость» были выделены:

Екатерина Анисимова, студентка 3-го курса направления «Юриспруденция», с работой «Понятие и виды уважительных причин в трудовом праве РФ» (научный руководитель ст. преподаватель Е. А. Дербышева);

Михаил Андреев, студент 1-го курса направления «Прикладная информатика», с работой «Проблемы и перспективы развития Интернета в России (на примере кейса мессенджера Telegram)» (научный руководитель д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова);

Александра Дильмиева и Алина Фахрутдинова, соответственно студентка 1-го курса направления «Экономика» и студентка 2-го курса направления «Прикладная информатика», с работой «Проблемы применения промышленных роботов: риски и перспективы» (научный руководитель д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова).

В номинации *«Лучшее практическое решение»* победу одержал Батыр Такиев, студент 3-го курса направления «Менеджмент» с работой «Теория и практика человеческого капитала (на примере ПАО АНК «Башнефть»)» (научный руководитель д-р экон. наук Е. Б. Мицек).

В секции «Социальные коммуникации в современном обществе»:

1-е место заняла Кристина Бучнева, студентка 1-го курса направления «Реклама и связи с общественностью: современные медиатехнологии» ФГБОУ ВО "ОмГУ им. Ф. М. Достоевского" с работой «Официальный паблик ОмГУ им. Ф. М. Достоевского в социальной сети "ВКонтакте": контент и вовлечение».

2-е место было присуждено Альбине Тихомировой, студентке 4-го курса направления «Реклама и связи с общественностью», с работой «Instagram как один

из элементов коммуникации вуза на примере аккаунта @gu_ekb» (научный руководитель канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова);

3-е место заняла Элина Аранбицкая, студентка 2-го курса направления «Журналистика», с работой «Честные новости: проблема достоверности в практике современных СМИ (на примере екатеринбургских медиа)» (научный руководитель преподаватель Е. В. Шлегель).

Победителем в номинации *«Социальная значимость проекта»* стала Лариса Лялина, студентка 4-го курса направления «Реклама и связи с общественностью», с работой «Популяризация научных проектов посредством рекламы и PR (на примере фестиваля науки «Кстати. Спираль эволюции»)» (научный руководитель канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова).

В секции «Психология»:

1-е место присуждено Наталье Владимировне Михайловой, аспирантке 3-го года обучения, направление «Психологические науки», за работу на тему «Одиночество и миграция: социально-психологический аспект» (научный руководитель д-р психол. наук, профессор Е. Б. Перелыгина);

2-е место заняла Ядвига Эдуардовна Чеботаева, аспирантка 3-го года обучения по направлению «Психологические науки», с темой «Субъективное благополучие и психология безопасности» (научный руководитель д-р психол. наук, профессор Е. Б. Перелыгина);

3-е место – Альбина Сиреньевна Бусыгина, студентка 2-го курса магистратуры по направлению «Психология» с темой «Оценка семантической близости понятий "доверие" и "надежность"» (научный руководитель канд. психол. наук, Л. В. Тарасова).

В секции «Философия, культурология, социология»:

1-е место заняла Тамара Александровна Морданова, магистрантка 6-го курса направления «Дизайн одежды» Уральского государственного архитектурно-художественного университета, с темой «Анализ опыта работы дизайнеров одежды с архитектурными объектами как творческими источниками» (научный руководитель канд. социол. наук, Л. В. Кокорева);

2-е место – Юлия Анатольевна Уймина, аспирантка 3-го года обучения направления «Философия, этика, религиоведения», с темой «Буддизм и дзен в учении Ошо» (научный руководитель канд. филос. наук, доцент С. В. Пахомов);

3-е место — Татьяна Олеговна Гаврилина, аспирантка 2-го года обучения направления «Социологические науки», с темой «Структура культурно-образовательного пространства города» (научный руководитель д-р социол. наук Е. А. Шуклина).

В номинации *«За социальную значимость»* отмечена работа Ирины Анатольевны Антоновой, аспирантки 3-го года обучения направления «Культурология», с темой «Ценность ручного труда в жизни человека» (научный руководитель д-р филос. наук, профессор Л. А. Мясникова).

В секции «Экономика»:

1-е место заняла Яна Сергеевна Павлова, магистрантка 2-го года обучения по направлению «Экономика», с темой «Анализ статистики ипотечного кредитования в России и стран ЕС» (научный руководитель канд. экон. наук Н. Н. Мокеева).

В секции «**Юриспруденция**, **политология**» среди аспирантов призовые места заняли:

1-е место – Алексей Вениаминович Дмитриев, аспирант 3-го года обучения направления «Юриспруденция», с темой «История государственных и правовых идей русских масонов конца XVIII – первой четверти XIX века» (научный руководитель д-р юрид. наук, профессор С. В. Кодан);

2-е место – Тамара Ваноевна Чупрякова, аспирантка 3-го года обучения направления «Юриспруденция», с темой «Нравственность и профессиональная культура юриста в современном мире» (научный руководитель д-р юрид. наук, профессор А. П. Семитко);

3-е место — Олег Константинович Слобожанинов, аспирант 1-го года обучения направления «Юриспруденция», с темой «Наука энциклопедии права в немецкой юриспруденции на рубеже XVIII–XIX веков: формирование понятия» (научный руководитель д-р юрид. наук, профессор С. В. Кодан).

Среди магистрантов, в той же секции, призовые места заняли:

1-е место – Лидия Владимировна Быкова, студентка 1-го курса магистратуры по направлению «Юриспруденция», с темой «Женщины в верхних эшелонах власти» (научный руководитель канд. юрид. наук Е. С. Резник);

2-е место – Дмитрий Александрович Куцабов, студент 1-го курса магистратуры по направлению «Юриспруденция», с темой «Понятие "наемник" в международном и национальном праве» (научный руководитель д-р юрид. наук, профессор. 3. А. Незнамова);

3-е место – Дарья Коробицына, студентка 2-го курса магистратуры по направлению «Юриспруденция», с темой «Актуальные проблемы гражданско-правовой защиты жилищных прав несовершеннолетних в России» (научный руководитель канд. юрид. наук Е. С. Резник).

В номинации *«Оригинальность междисциплинарного подхода»* были выделены работы, принадлежащие:

Екатерине Николаевне Чуфаровой, аспирантке 3-го года обучения направления «Юриспруденция», с темой «О соотнесении юридического языка с языками для профессионального общения» (научный руководитель д-р юрид. наук, профессор А. П. Семитко);

Айнибеку Нуроллаулы Сагиндыкову, аспиранту 3-го года обучения направления «Юриспруденция», с темой «Способы разрешения правового конфликта в России» (научный руководитель д-р юрид. наук, профессор С. В. Кодан).

В номинации «Практическая значимость» отмечены работы:

Ирины Геннадьевны Беуловой, студентки 1-го курса магистратуры по направлению «Юриспруденция», с темой «Проблемы защиты прав и законных интересов детей-инвалидов в сфере бытового обслуживания в Российской Федерации» (научный руководитель канд. юрид. наук Е. С. Резник);

Натальи Валентиновны Малыгиной, студентки 1-го курса магистратуры по направлению «Юриспруденция», с темой «Механизм обеспечения права на оспаривание решений и действий органов власти в России» (научный руководитель канд. юрид. наук, доцент А. Г. Плешанов).

После окончания работы секций и награждения победителей в рамках Дней науки было организовано мероприятие **ПрофАпГрейд**, которое проходило в течение двух дней.

22 мая для всех участников были организованы компьютерное профессиональное тестирование, которое провел ГКУ СЗ Свердловский областной «Екатеринбургский центр занятости»; ярмарка вакансий из сферы «Экономика, IT, HR»; практический семинар «Как найти себя и работу мечты» (вед. Анастасия Бобыки-

на, региональный куратор по развитию продаж УРФО ООО «Зарплата.py») и в завершение – деловая игра.

23 мая у всех участников была возможность пройти профессиональное тестирование; посетить ярмарку вакансий по Юриспруденции, журналистике, психологии, PR, рекламе, сервису, гостиничному делу и презентацию программ стажировок от партнеров университета; посетить мастер-класс «Как составить резюме, которое прочитают» (от Работа.ру) и другие тренинги; узнать лайфхаки для соискателей «Мошенничество, ловушки на рынке труда» (ГКУ СЗ Свердловской области «Екатеринбургский центр занятости»).

Дни науки завершились поздравлениями победителей и фотосессией.

Alla Aleksandrovna Kushnareva,

LAU Rector's Assistant on Educational Work, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Science Days in Liberal Arts University (May, 22-23, 2018)

The article highlights the major outcomes of the Fascinating Science Day events in Liberal Arts University.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс на- учного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (полные тексты в открытом доступе).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- ➤ Текстовый редактор Word 2003—2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта 12, межстрочный интервал 1,5, абзацный отступ 0,7 см; поля: сверху, снизу 2 см, слева, справа 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- ➤ Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы в конце статьи.
- ➤ Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
 - У Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
 - > Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
- название статьи;
- сведения об авторах:

фамилия, имя, отчество полностью;

ученая степень, ученое звание, должность;

место работы – полное название организации;

контактная информация: адрес электронной почты (укажите, согласны ли Вы опубликовать его), телефон;

- аннотация (150–250 слов);
- ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. Для магистрантов и аспирантов необходим отзыврекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

№ 2 – до 1 мая

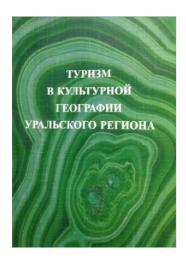
№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207, тел. (343) 365-99-73.

Приглашаем Вас опубликовать свои работы в «Вестнике Гуманитарного университета»!

ИЗДАНИЯ ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

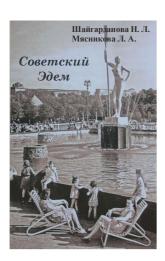

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. — 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк — идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика: учебное пособие. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. — 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики - природа искусства - исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетику А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысляется трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600—1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. - 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер — большинство из них малоизвестны в России, — комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851—1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012.-616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философовкоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910—1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив — за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. — 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

По вопросам приобретения книг обращайтесь в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.

E-mail: ektbriogu@mail.ru

Автономная некоммерческая организация высшего образования

«ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

(Лицензия на осуществление образовательной деятельности серия 90Л01 № 0009150, рег. № 2114 от 26.04.2016 Свидетельство о государственной аккредитации серия 90А01 № 0002978, рег. № 2838 от 24.05.2018)

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение по программам магистратуры на 2018/19 учебный год по следующим направлениям:

- ▶ Психология (37.04.01)
- ➤ Экономика (38.04.01)
- ▶ Юриспруденция (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре составляет 2 года по очной форме, 2,6 года по очно-заочной и заочной форме

Подготовка магистров в университете осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

Психология (37.04.01)

Очная форма – 9 мест

Очно-заочная форма – 22 места

Заочная форма – 15 мест

> Экономика (38.04.01)

Очная форма – 9 мест

Очно-заочная форма – 9 мест

Заочная форма – 9 мест

▶ Юриспруденция (40.04.01)

Очная форма – 9 мест

Очно-заочная форма – 19 мест

Заочная форма – 23 места

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

Бюджет:

• Все формы обучения – с 1 июня по 10 августа

Внебюджет:

- Очная форма с 1 июня по 24 августа
- Очно-заочная форма с 1 июня по 25 сентября
- Заочная форма с 1 июня по 25 октября

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- > Экономика (38.06.01)
- **У** Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года (очная форма), по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

Прием документов с 01.06.2018 г. по 14.09.2018 г.

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Научное издание

Вестник Гуманитарного университета 2018. № 2 (21)

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман Переводчик Е. А. Батюта Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции (в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 25.06.2018. Формат 60х84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 8,49. Усл. печ. 16,9 Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет 620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3. Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета в копировальном центре Гуманитарного университета 620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3